

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ФОРУМ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ, МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КУЛЬТУР СТРАН ВОСТОКА

2023

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ,
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И КУЛЬТУР СТРАН ВОСТОКА**

Международная научно-практическая конференция,
посвященная 300-летию Петербургского договора с Персией
(Новосибирск, 6–7 октября 2023 г.)

Сборник материалов

Новосибирск
2023

УДК 327.5+323.2+94+7
ББК 63.0(0) + 66.4(4/8) + 85.7
А43

Рекомендован к печати ученым советом Гуманитарного института
Новосибирского государственного университета

Издание осуществлено при финансовой поддержке Фонда «История Отечества»

Редколлегия:

д-р ист. наук, доцент Е. Э. Войтишек (*отв. ред.*),
канд. ист. наук, доцент А. В. Варёнов (*отв. секр.*),
канд. ист. наук, ст. преп. Е. А. Гирченко,
канд. филол. наук М. В. Дурова,
д-р ист. наук, профессор А. С. Зуев,
канд. ист. наук, доцент С. А. Комиссаров,
ст. преп. А. А. Речкалова,
канд. ист. наук, доцент А. С. Шмакова

Рецензенты:

д-р ист. наук, д-р культурологии Г. Г. Пиков,
д-р ист. наук С. П. Нестеров

А43 Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока: Международная научно-практическая конференция, посвященная 300-летию Петербургского договора с Персией (Новосибирск, 6–7 октября 2023 г.): Сборник материалов / отв. ред. Е. Э. Войтишек, отв. секр. А. В. Варёнов [и др.]; М-во науки и высшего образования РФ, НГУ, ГИ. – Новосибирск: СО РАН, 2023. – 156 с.
ISBN 978-5-6049863-1-8

В сборнике представлены труды участников Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока», приуроченной к 300-летию Петербургского договора с Персией. Конференция состоялась в рамках IV Международного форума «Наследие» 6–7 октября 2023 г. на кафедре востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

Конференция получила широкий общественный и международный резонанс. Это подтверждает не только география участников из крупных востоковедческих центров России, Израиля, Узбекистана, Киргизии, Казахстана и Новой Зеландии, а также университетов Китая, Республики Кореи, Японии, Монголии, но и научный статус докладчиков, известных специалистов и молодых исследователей в области истории, культуры, международных отношений, политологии стран Ближнего Востока, Центральной и Восточной Азии.

УДК 327.5+323.2+94+7
ББК 63.0(0) + 66.4(4/8) + 85.7

ISBN 978-5-6049863-1-8

© Новосибирский государственный университет, 2023

ОТ РЕДАКТОРА

Данный сборник представляет труды участников VI Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока», проходившей в рамках IV Международного форума «Наследие» 6–7 октября 2023 г. на кафедре востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

Эта конференция в шестой раз собрала представителей востоковедческого сообщества России, а также видных специалистов из стран дальнего и ближнего зарубежья. Задуманная как одна из площадок для обмена опытом и знаниями среди профессиональных востоковедов, за шесть лет эта конференция превратилась в практически необходимый элемент научно-образовательного цикла в академической среде. Она традиционно собирает до 60–70 участников из разных стран – Новосибирск, расположенный в центре Евразии, оказывается удобной точкой, соединяющей разные регионы мира. Конференция, проходившая в очередной раз в гибридном (очно-дистанционном) формате, получила широкий общественный и международный резонанс.

Это подтверждает, прежде всего, география участников, представлявших крупные востоковедческие центры России (Институт Стран Азии и Африки МГУ, Институт Китая и современной Азии РАН, НИУ «Высшая школа экономики» в Москве, Институт востоковедения и африканистики НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Институт востоковедения РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, Дагестанский государственный университет, Институт археологии и этнографии СО РАН, Поволжский православный институт в Тольятти, Сибирский федеральный университет в Красноярске, Педагогический институт Иркутского государственного университета, Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы), Израиля (Ben-Gurion University of the Negev), Новой Зеландии (Massey University), Узбекистана (Ташкентский университет востоковедения, Бухарский государственный университет), Казахстана (Национальный музей Республики Казахстан в Астане), Киргизстана (University of Central Asia), а также университеты и организации Китая (Guangdong Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology, School of history of Renmin University of China, Dalian University), Республики Корея (Korea

University, Institute of East Asian Archaeology of Hanyang University, Korea National University of Cultural Heritage, Sonmun University, Kimhae National Museum, Buyeo National Museum), Японии (Aoyama Gakuen University; Meijo University), Монголии (Mongolian University of Life Sciences).

Тематика форума «Наследие»-2023 была задана Фондом «История Отечества» и касалась 300-летия подписания Петербургского договора 1723 г. между Россией и Персией, в связи с чем часть выступлений и публикаций была посвящена истории этого события и разным аспектам российско-иранских отношений.

Содержание данного сборника востоковедческих трудов традиционно представлено несколькими разделами, имеющими как научно-теоретическое, так и практическое значение: 1) археология, культы и ритуалы; 2) история Средних веков, Нового и Новейшего времени; 3) международные отношения, политика и идеология; 4) лингвистика восточных языков; 5) аспекты преподавания восточных языков и литератур.

Свои доклады в четырех секциях в течение двух дней представляли не только известные, состоявшиеся специалисты, но и молодые исследователи в области истории, культуры, международных отношений, политологии стран Ближнего Востока, Центральной и Восточной Азии. Несмотря на взаимодействие в гибридном режиме, между участниками по разные стороны мониторов состоялись весьма оживленные и плодотворные дискуссии. Такой формат научных форумов уже прочно зарекомендовал себя на международных дискуссионных площадках.

Ответственный редактор сборника –
заведующая кафедрой востоковедения
Гуманитарного института
Новосибирского государственного университета,
ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН (Москва),
доктор ист. наук, профессор *Е. Э. Войтишек*

УДК 94(55)+341.24

DOI 10.25205/978-5-6049863-1-8-5-9

Сергей Александрович Комиссаров
Владимир Никитович Пластун

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
sergai@mail.ru*

МЕСТО ПЕТЕРБУРГСКОГО ДОГОВОРА 1723 ГОДА В ИСТОРИИ РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: В докладе кратко рассмотрено значение российско-иранского договора, подписанного в сентябре 1723 г. в Петербурге, для развития двусторонних отношений. Авторы использовали текст договора и некоторых других документов, представленных в «Полном собрании законов Российской империи» (1830), и осуществили обзор современной отечественной историографии проблемы. Предложено рассматривать Петербургский договор в едином блоке с Рештским и Гянджинским договорами, что дает возможность понять их значение в контексте региональной истории и оценить те возможности, которые обеспечили более чем полувековой период мирного сосуществования России и Ирана, прерванный только начавшейся «Большой игрой».

Ключевые слова: *российско-иранские отношения, российская дипломатия XVIII в., регион Прикаспия, Надир-шах, Семен Аврамов.*

Петербургский договор 1723 г. был подписан в период заметного осложнения ситуации в Иране и на всем Среднем Востоке в целом. Восстание племени гильзаев переросло во вторжение афганских племен на иранскую территорию, захват ими столицы Исфахана и попытку утвердить собственную династию. Выступили против персидских сюзеренов и некоторые племена Кавказа. Но, главное, начали наступление исконные противники Сефевидов, турки-османы, которые не только отвоевали Ирак и Закавказье, но и вторглись на территорию собственно Ирана. Эти события не могли не вызвать бес-

покойство у руководства России, поскольку возможность появления османского флота в Каспийском море и его выход на Астрахань и далее в Поволжье, где проживало значительное мусульманское население, была одним из геополитических кошмаров, преследовавших российских правителей на протяжении без малого двух веков. Это подвигло императора Петра I на Персидский поход, в целом закончившийся для русских войск неудачей¹. Но то, что не удалось выполнить вооруженным путем, было достигнуто с помощью дипломатии. После переговоров с полномочным представителем шаха, «почтенным и пречестнейшим» Исмаил-беком, в Петербурге 12(23) сентября 1723 г. был подписан «Трактат между императором Петром I и шахом Тахмасибом...» [Полное собрание законов..., 1830, с. 110–112]. Согласно его положениям, российский государь гарантировал «Его Шахову Величеству» «добрую и постоянную свою дружбу» и «сильное вспоможение», что на практике означало обязательство отправить «потребное число войск конницы и пехоты» в помощь иранским частям. Для содержания российского воинства под его контроль передавались Дербент, Баку, Гилян, а также «Мазондран [Мазандеран] и Астрабад» (последние две провинции занять не удалось). Далее в договоре со свойственной Петру I дотошностью обговариваются цены на лошадей и провиант для российской армии, «а верблюды под багаж Его Шахово Величество сколько будет потребно без найму и безденежно дать в своих границах обещает». Отдельный пункт фиксирует свободное передвижение через границы для купечества. В заключении даются обещания дружить с «приятелями» и не вести дружбы с «неприятелями» своего партнера по договору. Османская держава при этом не упоминается ни в одном из пунктов, но именно она тогда являлась главным «неприятелем» и Ирана, и России.

Для вступления в юридическую силу договор подлежал ратификации иранской стороной, но нетерпеливый государь Петр Алексеевич решил, что дело уже сделано, и уже через четыре дня дает «Инструкции бригадиру Левашову – Об управлении новоприобретенных от Персии провинций, по Каспийскому морю лежащих», содержащие как дипломатические наставления и административные предписания, так и памятки о необходимости изучить торговлю фруктами, которые можно и в Польшу поставлять, вести поиски месторождений

---

¹ Саввина К. Персидская сказка и кавказский кошмар Петра I // ИА Regnum. 12 сент. 2017 г. URL: <https://regnum.ru/article/2320301> (дата обращения: 01.08.2023).

селитры и т. п. Привлекает внимание один из пунктов этих инструкций, который звучит вполне злободневно: «Приняться за доходы, и оные как верному и доброму человеку надлежит собирать, а особливо изыскивай того, что по карманам шло» [Полное собрание законов., 1830а, с. 113].

Вместе с тем завершение и реализация Петербургского договора в Иране развивались очень непросто (подробно см.: [Курукин, 2010]). Вдохновленный определенными успехами в борьбе с афганскими завоевателями, шах Тахмасп II не спешил ратифицировать документ. Когда же российской дипломатии – в лице, прежде всего, ее замечательного представителя, консула Семена Аврамова [Курукин, 2023]² – все же удалось выманить у шаха его подпись, против выступил «сильный человек» в шахском окружении, Надир-хан, который, в конце концов, в 1736 г. сверг династию Сефевидов и сам стал шахиншахом. И снова потребовался дипломатический талант Семена Аврамова, чтобы смягчить негативную позицию «персидского Александра». Быть может, Аврамову удалось бы договориться и с Надиром, но в 1735 г. этот дипломат-самородок скорострительно скончался.

В то же время российское правительство, оценив немалые успехи иранских войск в войне с османами, которых удалось оттеснить далеко на запад от Прикаспия, решило пойти навстречу требованиям победоносного полководца, и 21 января (1 февраля) 1732 г. был подписан Рештский договор, по условиям которого Россия вывела войска из Гиляна, а 10(21) марта 1735 г. заключен Гянджинский договор, обязавший Россию покинуть Баку и Дербент (см.: [Сотавов, Хадисова, 2005; Саламова, 2007]). На наш взгляд, эти три документа следует рассматривать в едином блоке, поскольку, взятые вместе, они дают адекватное представление о политике Российской империи в регионе.

Недолгое пребывание русских на Северном Кавказе в первой половине XVIII в. имело положительное влияние на местные государственные образования, которые вступали с империей в разного уровня договорные отношения, развивали торговлю, заимствовали и внедряли новые отрасли хозяйства, прежде всего, виноградарство [Махмудова, 2012]. Вероятно, к этому периоду восходит происхождение знаменитых кизлярских коньяков («французской водки») [Дроздова, 2010, с. 8–9].

---

² См. также: **Курукин И.** Крепостной консул: персидская эпопея Семена Аврамова // Цифровая история. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QCSzTfjGfks> (дата обращения: 01.08.2023).

Но что важнее – благодаря этому «трактату» и продолжавшим его Рештскому и Гянджинскому договорам удалось выполнить главную задачу: не допустить в акваторию Каспийского моря Османскую империю и тем самым обеспечить безопасность южных рубежей России. Возвращение Ирану территорий, полученных по Петербургскому договору, позволило наладить отношения если не союза (хотя обсуждалась и такая возможность), то, во всяком случае, нейтралитета, благоприятного для торговых отношений. Такая обстановка сохранялась более полувека, и лишь в конце XVIII – начале XIX вв. вектор развития резко изменился и даже привел к двум русско-иранским войнам. Одной из причин такого поворота стало усиление колониальной политики европейских государств и, не в последнюю очередь, начало «Большой игры» между Великобританией и Россией, охватившей пространство от Кавказа до Тибета [Леонтьев, 2012; Сабитова, 2021; Хопкирк, 2023; Терещенко, 2010]. Однако Петербургский договор 1723 г. и, в еще большей степени, его ревизия текстами Рештского (1732 г.) и Гянджинского (1735 г.) договоров, остался в истории примером того, как дипломатическими методами можно распутывать сложный клубок военно-стратегических противоречий, иной раз и за счет отказа от территориальных амбиций.

Источники и литература

- Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. СПб.: Тип. II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. VII. 1723–1727. Документ 4298. С. 110–112 // Сайт Руниверс (электрон. факсимильн. ист. б-ка). URL: <https://runivers.ru/bookreader/book9815/#page/111/mode/1up> (дата обращения: 01.08.2023).
- Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. СПб.: Тип. II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830а. Т. VII. 1723–1727. Документ 4301. С. 113–114 // Сайт Руниверс (электрон. факсимильн. ист. б-ка). URL: <https://runivers.ru/bookreader/book9815/#page/113/mode/1up> (дата обращения: 01.08.2023).
- Дроздова Р. А.** Развитие виноградарства и виноделия на Кизлярщине в XVIII–XIX вв.: Дипломная работа / Дагестанский гос. ун-т, Кизлярский филиал. Кизляр, 2010. 51 с. // Размещено на WaybackMachine. 18 Oct. 2018. URL: <https://www.rae.ru/forum2011/pdf/1640.pdf> (дата обращения: 01.08.2023).
- Курукин И. В.** Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига; Объединен. ред. МВД России, 2010. 347 с. (Забытые войны России).
- Курукин И. В.** «Ориентальных дел секретарь» Семен Аврамов: Дипломат Петра I в Иране и на Кавказе // Ориенталистика. 2023. Т. 6, № 1. С. 87–96. DOI: 10.31696/2618-7043-2023-6-1-087-096.

- Леонтьев М. В.** Большая игра: Британская империя против России и СССР. М.: Астрель; СПб.: Астрель-СПб, 2012. 347 с. (Ист. 6-ка).
- Махмудова К. З.** Значение Петербургского договора 1723 года для народов Чечни и Дагестана // Современное право. 2012. № 8. С. 161–165.
- Сабитова Л. Р.** Начало «Большой игры»: британские интересы в русско-иранской войне 1804–1813 гг. // История (электрон. науч.-образоват. журнал). 2021. Т. 12, вып. 1. DOI: 10.18254/S207987840013563-8.
- Саламова Н. А.** Кавказская проблема и Крымское ханство в русско-турецких отношениях от Рештского договора до Гянджинского трактата (1732–1735) // Омск. науч. вестн. Серия: Общество. История. Современность. 2007. № 2. С. 13–16.
- Сотавов Н. А., Хадисова С. Р.** Прикаспийские области в международной политике эпохи Петра I и Надир-шаха Афшара // Вестн. Ин-та истории, археологии и этнографии. 2005. № 2. С. 58–65.
- Терещенко А.** Большая игра: охота за жемчужиной короны // Вокруг света. 2010. № 1. С. 112–119.
- Хопкирк П.** Большая игра / Пер. с англ В. Желнинова. М.: АСТ, 2023. 576 с. (Мировой порядок).

Sergei A. Komissarov
Vladimir N. Plastun

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
sergai@mail.ru

THE PLACE OF SAINT-PETERSBURG TREATY OF 1723 IN THE HISTORY OF RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS

Abstract: The report briefly examines the significance of the Russian-Iranian treaty, signed in September 1723 in St. Petersburg, for development of bilateral relations. The authors explored the text of the agreement and some other documents presented in the “Complete collection of the laws of Russian Empire” (1830), and reviewed modern historiography of the problem.

Keywords: *Russian-Iranian relations, Russian diplomacy of the 18th century, the Caspian region, Nadir Shah, Semyon Avramov.*

УДК 903.22(513)

DOI 10.25205/978-5-6049863-1-8-10-15

Сергей Александрович Комиссаров
Александр Иванович Соловьев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
sergai@mail.ru*

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО КУЛЬТУРЕ ДЯНЬ,
НАЙДЕННЫЕ НА МОГИЛЬНИКЕ ЯНФУТОУ
(ПРОВИНЦИЯ ЮНЬНАНЬ, КНР)**

Благодарности: Доклад и публикация подготовлены при финансовой поддержке РФФ, грант № 23-28-00820, <https://rscf.ru/project/23-28-00820>

Аннотация: В докладе представлены новые материалы, полученные при спасательных раскопках на могильнике Янфутуо (район Гуаньду, г. Куньмин, Китай) в июне – сентябре 2016 г. Всего было вскрыто 1 975 кв. м и выявлено 45 могил дяньского времени. Материалы раскопок пока не опубликованы полностью, поэтому авторы опирались в основном на информационные ресурсы. За счет сопоставления с другими памятниками этот участок кладбища отнесен к позднему этапу культуры Дянь (конец II в. до н. э. – I в. н. э.). Он состоял в основном из малых (рядовых) могил с небогатым инвентарем. Тем не менее, в мужских погребениях найдено один или несколько экземпляров боевого оружия; вероятно покойные были членами местного ополчения.

Ключевые слова: спасательные раскопки, могильник Янфутуо, культура Дянь, набор оружия

Могильник Янфутуо был открыт еще в 1998 г, в ходе строительных работ; раскопки проводились в период 1998–2001 г., в рамках которого вскрыто 15 тыс. кв. м. из общей площади 40 тыс. кв. м. Памятник расположен на высоте 1 926 м над уровнем моря, в районе Гуаньду г. Куньмина, всего в 4 км от оз. Дяньчи. Тогда было раскопано

846 могил, большей частью дяньских (811) или ханьских (29). Первая группа датирована временем от середины Чжаньго до конца Западной Хань или немного позднее (т. е. примерно IV-I вв. до н. э., и вплоть до I в. н. э.), вторая большей частью относится к периоду Восточной Хань (до начала III в. н. э.) [Ян Фань и др., 2001; Ли Сяофань, Ян Фань, 2002; Li Xiaofan, Mei Liqiong, 2002]. По итогам раскопок был опубликован подробный 4-х томный отчет, в котором детально представлены и исследованы полученные материалы [(Мэй Лицун и др.), 2005].

Однако за прошедшие два десятилетия на объекте местные археологи под руководством Ху Чанчэна в период с июля до середины сентября 2016 г. провели новые спасательные раскопки в северо-восточном углу могильника, на его периферии, где вскрыли 1 975 кв. м [Ли Цзин, 2017]¹. Несмотря на нарушение стратиграфии в результате проводившегося там строительства (рис. 1, 4) удалось выявить 45 могил дяньского времени; а также восемь поздних захоронений, относящихся к династиям Мин и Цин. В работе использовались дроны для съемки планов раскопа, а также 3D-фотографирование объектов².

Материалы второго сезона пока не опубликованы должным образом и в основном нам доступны только информационные сообщения в Интернете. Но и на этой основе можно получить материалы для дальнейшего исследования. Все могилы грунтовые, некоторые с выделенным уступом (рис. 1, 5); погребальные конструкции и останки погребенных не сохранились. По имеющимся данным, раскопана одна довольно богатая могила M851, в которой обнаружено ок. 230 артефактов, которые лежали в четыре слоя; по мнению Ху Чанчэна, каждый раз могила вскрывалась, чтобы заложить в ней очередной слой погребального инвентаря³. Аналогичная ситуация была уста-

¹ **Ян Чжигао.** Янфутоу муцзанцунь фасянь фэнфу вэнь ши муцянь юньнань взэй чу ту цимудидэ дифан [杨质高. 羊甫头墓葬群发现丰富文物是目前云南唯一出土漆木器的地方 // 搜狐网]. Могильник Янфутоу, где найдены богатые артефакты, в настоящее время является единственным местом в пров. Юньнань с раскопанными лаковыми изделиями // Информ. сеть «Соху». 09.03.2017. URL: https://www.sohu.com/a/128301987_115092 (на кит. яз.) (дата обращения: 01.08.2023).

² **Ли Цзинли.** Янфутоу каогу синь фацзюэ [李竞立. 羊甫头考古新发掘 // 中国青年网]. Новые раскопки по археологии Янфутоу // На сайте газеты «Чжунго циннянь бао», перепечатка статьи из газеты «Юньнань жибао». 26.03.2017. URL: http://news.youth.cn/jsxw/201703/t20170326_9355364.htm (на кит. яз.) (дата обращения: 01.08.2023).

³ **Чжан Цзюнь, Ду Сяосяо.** Куньмин янфутоу муцзанцунь «синь фасянь» чу ту гэлэй циу 313 цзянь [张珺、杜潇潇. 昆明羊甫头墓葬群“新发现”出土各类器物313件 // 搜狐网]. На могильнике Янфутоу в г. Куньмин «вновь найдено» 313 артефактов различных типов // Информ. сеть «Соху». 03.10.2017. URL: https://www.sohu.com/a/128469584_119689 (на кит. яз.) (дата обращения: 01.08.2023).

Рис. 1. Новые материалы по могильнику Янфутоу (раскопки 2016 г.):
1 – бронзовый наконечник копья; 2 – бронзовая пряжка (?); 3 – керамическая ваза; 4 – момент раскопок; 5 – разбор могилы; 6 – выставка найденного оружия. Таблица подготовлена к печати А. И. Соловьевым по: [Куньмин янфутоу., 2017].

новлена при изучении могилы M113 в рамках первой фазы раскопок [(Мэй Лицун и др.), 2005, т. 1, с. 161–167]. На остальные малые могилы приходится всего чуть более 80 вещей (при общем количестве 313). Как отметила директор Музея района Гуаньду Ли Даньмэй, большинство могил принадлежало простонародью. Найдена в основном керамика – вазы (рис. 1, 3), кувшины, кубки, пряслица, блюда с орнаментом в виде концентрических окружностей. В перечне находок – бронзовый серп, бронзовые пряжка (рис. 1, 2) и браслет, агатовые украшения (пуговицы?), нефритовая подвеска *цзюэ* (в виде круга с разъемом). Судя по кратким описаниям и отдельным фотографиям, обнаружены также единичные экземпляры бронзового оружия: кинжалы, ножи, втульчатый чекан, наконечники копья с длинной втулкой, клевец с широким треугольным бойком и кельты (рис. 1, 1 и 6), без древка и/или лакового покрытия⁴. Следует отметить биметаллический меч с бронзовой рукоятью и железным лезвием (из могилы M880) и биметаллический кинжал⁵, дополнившие серию аналогичного оружия из первого раскопа, которая служит подтверждением относительно поздней даты комплекса. Сопоставление с материалами 1-го этапа раскопок в Янфутоу, а также с данными по другим дяньским памятникам, позволяет отнести находки 2-го этапа к позднему периоду культуры Дянь (Шичжайшань), который предварительно датирован периодом середины Западной Хань – начала Восточной Хань (конец II в. до н. э. – I в. н. э.), хотя сами исследователи не исключают более раннюю дату (до середины периода Чжаньго, III в. до н. э.).

В целом, материалы раскопок 2016 г. дополняют сведения о могильнике (кладбище) Янфутоу, где представлены не только большие

---

⁴ Цун гуйцзу дао пинминь – куньмин янфутоу гуму цземи [从贵族到平民--昆明羊甫头古墓揭秘 // 昆明发布 / 韩小树编辑]. От аристократии до простого народа – раскрытие тайны древнего кладбища Янфутоу, г. Куньмин // На сайте «Куньмин фабу» [Опубликовано в Куньмине], по материалам газет «Юньнань жибао» и «Чуньчэн ваньбао» / Ред. Хань Сяошу. 09.03.2017. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?_biz=MzA5NzEwODAzMQ==&mid=2651043517&idx=2&sn=704e09e7edd12393a3030527bc9b689&chksm=8b52fedbc2576fbd1120edf310599fa19ef32bea4dfd7d18e9122ed17da969880bcc7654e6&scene=27 (на кит. яз.) (дата обращения: 01.08.2023).

⁵ Куньмин янфутоу ю чу синь вэньу ла! Далян вэньу цземи гу дяньго вэньхуа [昆明羊甫头又出新文物啦! 大量文物揭秘古滇国文化 // 搜狐视频]. В Янфутоу, г. Куньмин вновь нашли новые артефакты! Большое количество артефактов раскрывает тайны древнего государства Дянь // Канал «Соху-видео». 22.03.2017. URL: <http://mt.sohu.com/20170322/n484149078.shtml> (на кит. яз.) (дата обращения: 01.08.2023).

и средние, но и многочисленные малые погребения. Во многих рядовых захоронениях найдено один или несколько экземпляров боевого оружия, при том что в элитных могилах значительную часть оружейного набора составляют парадные и ритуальные вещи. Мы отмечаем такую закономерность на примере дяньского могильника Цзиньяньшань [Комиссаров, Соловьев, 2023, с. 42], предположив, что в малых могилах с оружием были захоронены члены местного ополчения.

Новые материалы пополнили коллекцию артефактов, полученную в ходе предыдущих раскопок, и дали пищу для размышлений о пространственной диспозиции объекта, соотношении социального статуса погребенного и высотных характеристик размещения захоронения, ибо некрополь (ныне раскопанная его часть) расположен на склоне, что отражает, скорее всего, известный архетип мировой горы. Здесь же прослеживается мотив размещения погребений современников в границах сакрализованного пространства, которое связывается с опредмеченной деятельностью легендарных предков и дает в конечном итоге серию разновременных комплексов в масштабах единого исторического объекта. И, конечно же, материалы по военному делу, которые в совокупности с находками 1-го этапа раскопок, где получены покрытые лаком расписные рукоятки древкового ударного-рубящего оружия (втульчатые и проушные топоры, мотыги, тесла), дают важнейшие данные о воинской принадлежности изделий, обычно относимых к землекопным или деревообрабатывающим инструментам хозяйственного плана. И, наконец, очевидная консервативность комплекса вооружения, которая проявилась в его заметной эклектичности, позволяет четче проследить истоки его формирования и с новых позиций посмотреть на паноплию эпохи бронзы смежных территорий, включая материалы отдаленных территориально и хронологически памятников Северной Азии.

Литература

- Комиссаров С. А., Соловьев А. И.** Могильник Цзиньяньшань и его место в изучении донгшонско-дяньской цивилизации // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 32–46. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-32-46.
- Li Xiaofan, Mei Liqiong.** The Yangfutou Cemetery in Kunming, Yunnan Province // Chinese Archaeology. 2002. Vol. 2. P. 212–221.
- Ли Сюофань, Ян Фань.** Янфутуо сы няньцзянь – цзуйда гуймодэ дянь вэньхуа каогу [李晓帆、杨帆. 羊甫头四年间--最大规模的滇文化考古 // 文物天地]. Четырехлетний период на Янфутуо – самое масштабное археологическое изучение культуры Дянь // Вэньу тяньди. 2002. № 4. С. 22–25 (на кит. яз.).

Ли Цзин. Куньмин янфутуо муди каогу фацзюэ чу ипи чжунъяо вэньу [李婧。昆明羊甫头墓地考古发掘出一批重要文物 // 新华网]. Археологические раскопки могильника Янфутуо, г. Куньмин, обнаружили набор важных артефактов // ИА Синьхуа-онлайн, на сайте Ин-та охраны памятников материальной культуры пров. Шэньси. 13.03.2017. URL: <http://www.sxwby.com/content/content?id=1866> (на кит. яз.) (дата обращения: 01.08.2023).

[Мэй Лицзюнь, Ян Фань, Хуан Ин, Ли Сяофань]. Куньмин янфутуо муди [(梅丽琼、杨帆、黄颖、李晓帆)。昆明羊甫头墓地]. Могильник Янфутуо близ Куньмина. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 1–4. 1938 с.

Ян Фань, Ван Гуйжун, Мэй Лицзюнь, Хуан Ин, Бао Вэньфэн, Ли Сяофань. Юньнань куньмин янфутуо муди фацзюэ цзяньбао [杨帆、王桂蓉、梅丽琼、黄颖、保文风、李晓帆。云南昆明羊甫头墓地发掘简报 // 文物]. Краткий отчет о раскопках могильника Янфутуо в районе г. Куньмин, пров. Юньнань // Вэньу. 2001. № 4. С. 4–53 (на кит. яз.).

**Sergei A. Komissarov
Alexandr I. Solovyev**

*Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation
sergai@mail.ru*

NEW MATERIALS EXCAVATED FROM YANGFUTOU BURIAL-GRAVE (YUNNAN PROVINCE, CHINA)

Abstract: The report presents new materials from rescue excavations at the Yangfutou burial ground (Guandu district, Kunming City, China) in June–September 2016. On the area of 1,975 sq. m 45 Dian graves were revealed. The excavated materials haven't been officially published yet, so the authors relied mainly on information resources. This section of cemetery was attributed to the late stage of the Dian culture (end of the 2nd century BC – 1st century AD). It consisted mainly of ordinary graves with rather poor inventory. However, one or more specimens of real weapons were found in the male burials; probably the buried men had been the members of the local militia during their lifetime.

Keywords: *rescue excavation, Yangfutou burial-grave, Dian culture, a set of arms.*

Владимир Владимирович Ахметов

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
akhmetovladimir@yandex.ru*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА БОХАЙЦЕВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ДОЛИНЫ Р. ХАЙЛАНЬХЭ, КНР)

Аннотация. На Северо-Востоке Китая можно выделить несколько мест концентрации бохайских памятников. Одним из таких мест является долина р. Хайланьхэ. Костные останки обнаружены только на нескольких могильниках (Инчэн, Фуминь, Бэйда, Чжунпин, Лунтоушань). Из них выделяется могильник Бэйда, здесь сохранилось относительно большое количество костных останков. На могильнике Бэйда самым распространенным обрядом погребения был первичный и первичный в комбинации со вторичным. На могильнике Чжунпин зафиксирован обряд кремации. На могильнике Лунтоушань (участок Лунхай) преобладали первичные погребения в комбинации со вторичными. В долине р. Хайланьхэ погребальный обряд бохайцев представлен первичными погребениями, первичными погребениями в сочетании со вторичными.

Ключевые слова: *Бохай, Хайланьхэ, Бэйда, Чжунпин, Лунтоушань*

Бохайские памятники известны на территории Китая, Россия, Северной Кореи [Стоякин, 2012, с. 170]. На Северо-Востоке Китая можно выделить несколько мест концентрации бохайских памятников. Одним из таких мест является долина р. Хайланьхэ (левый приток р. Тумыньцзян (Туманган)). Всего в долине р. Хайланьхэ на данный момент насчитывается как минимум шестнадцать могильников. Однако костные останки в удовлетворительной сохранности обнаружены только на нескольких могильниках (Инчэн, Фуминь, Бэйда, Чжунпин, Лунтоушань).

Могильник Инчэн расположен в районе нижнего течения р. Хайланьхэ, на ее левом берегу. Всего на могильнике было 7 могил. Одна из них представляла собой каменный ящик с деревянным гробом. В нем было одиночное погребение по первичному обряду.

Могильник Фуминь расположен в верховьях р. Бадаохэ. На могильнике зафиксировано 10 погребений. В одном из которых было

одинокое погребение по первичному обряду. Могила представляла собой каменный ящик с деревянным гробом.

Исследования на могильнике Бэйда начались еще в 1940-ые гг. Затем продолжились в 1960-ые гг. В 1970-ые гг. было раскопано более 60 погребений. В 1988 г. были проведены раскопки 11 погребений. Всего, таким образом, на могильнике было изучено около 80 погребений [Янь Чанлу, Пяо Лунюань, 1993, с. 54-56].

Авторы раскопок выделили на могильнике следующие наиболее распространенные типы погребений: каменные склепы, каменные ящики, каменные выкладки.

Погребальный обряд в целом делится на следующие группы: одиночные первичные погребения, двойные первичные погребения, первичные погребения со вторичными в одной могиле.

В 1973 г. было изучено 60 погребений, в 6 погребениях сохранность антропологического материала была очень плохая, в 3 погребениях его вообще не было. Могила №2, раскопанная в 1974 г., была плохой сохранности, нельзя установить были ли в ней костные останки. Среди 11 могил, раскопанных в 1988 г., были сильно разрушенные (№1, №4), без костных останков (№3), со следами наличия гробов, но без сохранившихся костей (№6, №8).

Самым распространенными на могильнике были одиночные первичные погребения (всего 19). Пол погребенного не был установлен в 4 погребениях. Женских погребений среди таких было 5, мужских – 10. Ориентация в основном южная, кроме 5 погребений. Погребенных обычно помещали по центру могилы. Двойных первичных погребений обнаружено 11. Из них таких, в которых были помещены мужчина и женщина, – 8. В двух двойных погребениях невозможно было определить пол захороненных. В могиле №7 (раскопки 1988 г.) похоронены женщина и ребенок. В парных погребениях (мужчина и женщина) что женщина, что мужчина помещались как в восточной, так и западной части погребения. Ориентация погребенных в таких парных могилах – головой на юг, кроме двух погребений.

Следующий тип обряда – первичные погребения со вторичными погребениями. Всего таких погребений 19. Десять погребений с одним погребенным по первичному обряду и одним или несколькими погребенными по вторичному обряду. Девять погребений с двумя погребенными по первичному обряду (парные погребения) и одним или несколькими погребенными по вторичному обряду. Среди них погребений, в которых всего один погребенный по вторичному обряду, насчитывается 9. Погребенные по первичному обряду располагаются

в центральной части могилы, рядом с ними обычно расположен погребальный инвентарь. Погребенные по вторичному обряду в основном расположены в районе ног первично погребенных. Первичные погребенные в таких погребениях ориентированы на юг, кроме погребения №35 (погребенные ориентированы на север). В парных первичных погребениях со вторичными – мужчину, погребенного по первичному обряду, помещали в восточной части могилы, женщину – в западной (исключение погребение №35).

Единственное вторичное погребение, №48, обнаружено в 1973 г. Костные останки пожилого мужчины были помещены в северо-западном углу. Однако, авторы раскопок предполагают, что кости первично погребенного здесь просто не сохранились.

Таким образом, на могильнике Бэйда самым распространенным обрядом погребения был первичный и первичный в комбинации со вторичным. Погребение без погребенных по первичному обряду только одно (могила №48).

подавляющее большинство погребальных сооружений – каменные склепы (38), на остальные типы (каменные ящики, каменные выкладки) приходится не более двух могил.

Могильник Чжунпин расположен в восточной части долины на р. Бадаохэ, правом притоке р. Хайланьхэ, в предгорьях хр. Наньганлин. На могильнике Чжунпин в 1989 г. раскопаны 11 погребений. Погребальный инвентарь найден только в могиле №6 (сильно корродированные фрагменты железных изделий) [Пальхэый, 2014, с. 454]. Каменные склепы сооружены в могилах №3, №6, №9, каменные гробы – в №8 и №10, каменные ящики – в остальных.

В могилах №№ 1, 4, 5, и 7 найдены фрагменты кальцинированных костей. Некоторые исследователи предполагают, что это следствие обряда кремации. В 4 погребениях найдены погребенные как по первичному обряду, так и по вторичному. В погребении №2 были похоронены мужчина по первичному обряду (на спине с согнутыми ногами) в центре могилы и женщина по вторичному обряду. В погребении №3 располагались пара погребенных по первичному обряду и рядом с ними пара же погребенных по вторичному обряду. В погребении №6 в центре могилы были похоронены пара и ребенок по первичному обряду, в северной части погребения лежали костные останки 5 погребенных по вторичному обряду. В погребении №8 в северной части расположены трое погребенных по первичному обряду (двое мужчин и женщина), в южной части двое похороненных по вторичному.

Могильник Лунтоушань расположен в юго-западной части долины, на р. Сяньдаохэ, правом притоке р. Хайланьхэ. Могильник Лунтоушань сейчас делят на три участка – Лунху, Лунхай, Шиго [Пальхэй, 2014, с. 403]. На Лунхае в 1980 г. нашли могилу бохайской принцессы Чжэнь Сяо. В погребении были найдены фрагменты костей мужчины и женщины, возможно, это было парное погребение по первичному обряду. Затем в 1982 г. также на участке Лунхай исследовали 7 могил. Все это были каменные склепы. Среди них были два первичных парных погребения (№4 и №6). В могиле №3 найдены фрагменты черепов двух человек, обряд не установлен. В могиле №1 первичное погребение мужчины и останки трех человек, похороненных по вторичному обряду. В могиле №2 первичное и вторичное захоронение двух женщин. В могиле №5 и №7 первичное захоронение женщин со вторичными погребениями мужчины и женщины соответственно. В 2004–2005 гг. здесь же было раскопано еще 12 могил, в которых нашли лишь фрагменты костей. Однако авторы раскопок предполагают, что в могилах №13 и №14 были одиночные первичные погребения. На участке Лунху в могиле №1 (каменный склеп) было первичное погребение – женщины средних лет и ребенка. В могиле №2 найдены фрагменты костей. На участке Шиго известно 22 погребения, однако опубликованы материалы только по одному, сильно разрушенному, в нем был найден лишь погребальный инвентарь.

В долине р. Хайланьхэ погребальный обряд бохайцев представлен, в основном, первичными погребениями, первичными погребениями в сочетании со вторичными. На могильнике Чжунпин зафиксирован обряд кремации. Можно отметить, что на этой территории не встречаются двойные, тройные и т.д. вторичные погребения без первичных (хотя такие бохайские погребения есть в долине р. Муданьцзян – Янцаогоу, Хунцзуньюйчан). На могильнике же Хунцзуньюйчан вторичные погребения преобладают. При дальнейшем более подробном изучении бохайских погребений с разных территорий возможно будет выявить больше локальных особенностей погребального обряда.

Литература

- Стоякин М.А.** Бохайские городища на территории Китая и КНДР // Россия и АТР. 2012. №4. С. 170–181.
- Янь Чанлу, Пяо Лунюань.** Пуктэбальхэмудомёнгу. Бохайский. могильник Бэйда // Пархэсаёнгу 2. Сеул: Соульдэхаккёчхульпханбу, 1993. С. 54–112. (на кор. яз.).

Пальхэый кобун мунхва II (килимсон). Культура бохайских погребений (Цзилинь)). Квачхон: Чининджин, 2014. 462 с. (на кор. яз.).

Vladimir V. Akhmetov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
akhmetovvladimir@yandex.ru*

**SOME FEATURES OF BOHAI FUNERAL RITE
(BASED ON MATERIALS OF SITES
OF THE HAILAN RIVER VALLEY, PRC)**

Abstract: There are several places of concentration of Bohai sites in the Northeast China. One of these places is the valley of the Hailan River. Bone remains were found only at several burial grounds (Yingcheng, Fumin, Beida, Zhongping, Longtoushan). A relatively large number of bone remains have been found at the Beida burial ground. The most common funeral rite was primary and primary in combination with secondary. Cremation is recorded at the Zhongping burial ground. Primary burials in combination with secondary ones prevailed at the Longtoushan burial ground (Longhai site). In the valley of the Hailanhe River the Bohai funeral rite is represented by primary burials, primary burials in combination with secondary ones.

Keywords: *Bohai, Hailan River, Beida, Zhongping, Longtoushan*

Yun Hyeung-Won

*National Museum of Korea in Buyeo,
Buyeo, Republic of Korea
beobcheon@hanmail.net*

THE GREAT GILT-BRONZE INCENSE BURNER OF BAEKJE

Abstract: This year marks exactly 30 years since the discovery of the great gilt-bronze incense burner of Baekje (Korean National Treasure № 287) found in December 1993 during excavations at the site of Neungsan-ri Temple. The incense burner (height 61.8 cm, weight 11.85 kg) consists of three separate parts: the base, body, and lid. The base (the pedestal that supports the body) is shaped like a dragon with its head raised, while the body of mountain peaks, and a majestic phoenix with lotus petals. The large lid is carved with layers of mountain peaks, and a majestic phoenix with widespread wings is perched at the very top. This incense burner reflects the influence of Chinese tradition, but it also includes numerous details and features that are entirely unique to Baekje. The incense burner of Baekje is widely celebrated as one of the finest masterpieces of ancient metalcrafts, not only of Korea, but also of the entire world.

Keywords: *the great gilt-bronze incense burner of Baekje, National Museum of Korea in Buyeo, Korean National Treasure.*

The Great Gilt-bronze Incense Burner of Baekje (Korean National Treasure № 287) was discovered in December 1993 during excavations at the site of Neungsan-ri Temple. The incense burner, which is 61.8 centimeters in height and weighs 11.85 kilograms, consists of three separate parts: the base, body, and lid. The base (the pedestal that supports the body) is shaped like a dragon with its head raised, while the body of mountain peaks, and a majestic phoenix with lotus petals. The large lid is carved with layers of mountain peaks, and a majestic phoenix with widespread wings is perched at the very top.

Overall, the decorative scheme of the lid is believed to depict the mountainous world of Daoist immortals. The lid is delicately shaped to resemble several descending rows of mountain peaks, with five peaks in the upper row. Moreover, the spaces between the peaks are further adorned with streams, waterfalls, rocks, and plants. The mountains are also inhabited by a menagerie of animals – including tigers, wild boars, monkeys, and birds-

Fig. 1. The Great Gilt-bronze Incense Burner of Baekje:

Neungsan-risaji Temple Site, Buyeo-gun, Chungcheongnam-do, H. 61.8cm. National Museum of Korea in Buyeo, Korean National Treasure

---

along with various imaginary creatures and human figures. On the upper part of the lid, there are five musicians who seem to be playing joyful tunes, next to five birds that are gazing up at the phoenix. In its beak, the phoenix holds an auspicious jewel called a “cintamani,” as it stands with its wings outstretched, as if just having alit from the sky.

The bowl-shaped body of the burner is decorated with where rows of lotus petals (eight petals per row). Each of the twenty-four petals contains an image symbolizing immortality, such as a Daoist immortal, waterside animals, and imaginary creatures. Beneath the bowl, a dragon strikes a dynamic pose, with its body crouched and twisted as if it were about to ascend skywards. To form the circular base, the space between the dragon’s legs and its body is filled with cloud and lotus designs. The base is connected to the body of the incense burner via a small rod that extends from the dragon’s mouth up into an opening in the bottom of the bowl.

China has a long tradition of Bo Mountain incense burners, which were shaped like the mythical mountain where Daoist immortals were believed to dwell. This incense burner reflects the influence of that tradition, but it also includes numerous details and features that are entirely unique to Baekje. As such, the Great Gilt-bronze Incense Burner of Baekje is widely celebrated as one of the finest masterpieces of ancient metalcrafts, not only of Korea, but also of the entire world (Fig. 1).

A DISCOVERY OF ONE OF THE GREATEST MASTERPIECES OF ALL TIME

The most sought after loan item by overseas museums. Korea’s remarkable National Treasure that has drawn international attention. What secrets are hidden within the gilt-bronze incense burner of Baekje?

How can we learn stories of the past that were never written down? Yes, you guessed right: Objects used in the past can tell us their stories! During this talk, I intend to introduce you to the lifestyle, science, religion, thinking, and art of the Baekje Kingdom by using the gilt-bronze incense burner of Baekje. The gilt-bronze incense burner of Baekje grows even more mysterious the more we examine it and becomes all the more fascinating as the more we learn about it.

WHERE WAS THE GILT-BRONZE INCENSE BURNER OF BAEKJE USED?

Baekje: In the Baekje Kingdom

Geumdong: Made of Bronze Plated with Gold

Daehyangno: Large Incense Burner

Incense Burner Used for Royal Ceremonies and Ancestral Rites in the 7th Century at the Peak of the Baekje Culture

Height: 61.8 cm, Diameter: 19 cm, Weight: 11.85 kg

Incense that Repelled Harmful Insects and Warded off Evil Spirits

Two Ventilation Holes on the Front Chest of the *Bonghwang* (Mystical Bird)

Ten Ventilation Holes at the Front and Rear of the Five Musicians

Boshan-shaped Incense Burner

This type of incense burner with a saucer and a lid shaped like the peak of Boshan Mountain was popular during the Han Dynasty in China. The gilt-bronze incense burner of Baekje, one of the most splendid and elaborate incense burners in the world. Its name refers to a large incense burner made in the Baekje Kingdom out of bronze plated with gold. People in the Baekje era used this type of incense burner during royal ceremonies and ancestral rites. From ancient times, incense was considered to repel harmful insects and ward off evil spirits. The Baekje royal court burned incense in the Gilt-bronze Incense Burner of Baekje to communicate with the heavens. Incense burner of Baekje has twelve ventilation holes. When incense is burned, smoke is released from seven of them. Air enters through the other five to help the incense burn well. This incense burner is highly prized not only for its ornate decoration, but also for its scientific structure. The gilt-bronze incense burner of Baekje resembles the Boshan-shaped incense burners that were popular in Han dynasty of China. Because of this similarity, it was misidentified as a Chinese artifact when it was first discovered. However, in-depth research revealed that it is in fact a local product of the Baekje Kingdom.

HOW WAS THE GILT-BRONZE INCENSE BURNER OF BAEKJE MADE?

Lost-wax Casting

1. A mixture of beeswax and resin is sculpted into the shape of the gilt-bronze incense burner of Baekje.
2. Layers of clay are added to produce a solid mold.
3. Heat is applied to the mold to melt the wax.
4. Molten bronze, an alloy of copper and tin, is poured into the channels left by the wax.
5. The Gilt-bronze Incense Burner of Baekje is revealed by breaking the mold.

The beautiful and mystical decorations of the Gilt-bronze Incense Burner of Baekje are so elaborate that it is difficult to perfectly reproduce them even today. The secret of the Baekje master artisan's exquisitely sculpted decorations lies in the wax. Depending on the temperature, wax softens and hardens. Therefore, metalwork with delicate details could be produced using it. Let's try to replicate the incense burner by using the lost-wax casting technique.

HOW WAS THE GILT-BRONZE INCENSE BURNER OF BAEKJE PRESERVED?

December 12, 1993

Neungsan-ri in Buyeo

The First Exhibition by the National Museum of Korea to Feature a Single Item: The Gilt-bronze Incense Burner of Baekje

First Key: Mud

Second Key: Gilding Technique

Mercury Amalgamation Gilding Applied to the Surface of the Gilt-bronze Incense Burner of Baekje

Overlayer Thickness of the Gilt-bronze Incense Burner of Baekje

0.001 cm

Mercury amalgamation gilding

1. A mixture of liquid mercury and gold powder is wrapped in cloth, squeezed, and kneaded.
2. This kneaded mixture is applied to the surface of the incense burner using a wooden spatula or cloth.
3. The mercury is evaporated by heating the surface, but the gold powder remains attached.

EXTRAORDINARY TECHNICAL SKILLS OF THE PEOPLE OF BAEKJE

In 1993, the Gilt-bronze Incense Burner of Baekje was found at a temple site near some tombs of Baekje kings. When it was discovered, the incense burner remained surprisingly intact. The National Museum of Korea held an exhibition featuring just a single object, the Gilt-bronze Incense Burner of Baekje, for the first time in its history. People from across the country crowded into the museum to view this relic that had remained well preserved for around 1,400 years.

There were two keys that helped it retain its original form for all these years. The first was mud. The mud surrounding the incense burner blocked out the air and created a vacuum state. This prevented the incense burner from corroding. The second key was a special gilding technique known as mercury amalgamation. By employing this method, Baekje master artisans added a uniformly thin layer of gilding. Let's take a close look at this gilding method.

Aren't the outstanding technical skills of the Baekje master artisans surprising? There is something even more amazing in this incense burner, however. As shown by computed tomography images, while the body and dragon-shaped pedestal were produced separately and then joined, the lid and the *bonghwang* (mystical bird) at the top have no marks from being connected. These reflect the remarkable metal crafting technology of the Baekje Kingdom.

A NEW HISTORY FROM THE GILT-BRONZE INCENSE BURNER OF BAEKJE

The Baekje Kingdom defeated by Silla-Tang-tang allied forces in the 20th year of the reign of King Uija. Gilt-bronze incense burner of Baekje embodies the religion, politics, culture, art, and metal crafting of the Baekje Kingdom. The Baekje Kingdom collapsed under attacks from the allied forces of the Silla Kingdom and Tang China. It has been called the "lost kingdom" since so few written records remain. However, when the Gilt-bronze Incense Burner of Baekje was rediscovered 1,400 years after its creation, the Baekje Kingdom had to be reevaluated. A priceless artifact, the gilt-bronze incense burner of Baekje awoke from a deep slumber and was presented to us.

WHO CAN BE FOUND IN THE WORLD OF THE GILT-BRONZE INCENSE BURNER OF BAEKJE?

The world-renowned cultural heritage with various stories of the Baekje Kingdom. The gilt-bronze incense burner of Baekje, which could

barely be replicated even with modern equipment, has been described as universe unto itself. This universe holds many interesting stories, including secrets about the history of the Baekje Kingdom.

HOW IS THE GILT-BRONZE INCENSE BURNER OF BAEKJE DESCRIBED?

Dragon-shaped Pedestal.

Lotus Flower-shaped Body.

Mountain-shaped Lid.

Bonghwang phoenix (Mystical Bird) ornament.

The gilt-bronze incense burner of Baekje, an artwork where confucianism, buddhism, and daoism coexist.

Five musicians symbolizing the confucian ideal of ruling the state through music.

Pongnaishan mountain, where spiritually cultivated daoist immortals reside.

Lotus flower in which all creation is born.

Dragon symbolizing yin.

Bonghwang (Mystical Bird) symbolizing yang.

Dragon-shaped pedestal only found in the gilt-bronze incense burner of Baekje.

The gilt-bronze incense burner of Baekje consists of four parts: a pedestal shaped like a dragon, a body imitating a lotus flower, a lid in the form of soaring mountain peaks, and a *bonghwang* ornament on top.

Confucianism, Buddhism, and Daoism all coexist in harmony within this incense burner.

The more you look at it, the more you might be surprised by its delicacy.

Our eyes are drawn to the dragon flashing its horns, teeth, and claws while dynamically lifting a leg as if it is about to ascend to the heavens.

There are no other known examples of an incense burner with a dragon-shaped pedestal.

WHO RESIDES ON BODY OF THE GILT-BRONZE INCENSE BURNER OF BAEKJE?

Lotus flower symbolizing the birth and rebirth of all creation.

Three rows of eight lotus petals.

Relief carvings of twenty-five animals and two human figures on and between the lotus petals.

Four-footed creature with wings.

Creature with four legs and wings on both shoulders and tail.

Animal with a long tail.

Animal with a large face relative to its body, four thick legs, and a long tail.

Human figure practicing martial arts.

Round-faced figure wearing a coronet that narrows at the top.

Divine beast.

Daoist immortal riding the divine beast with his knees bent.

THE BODY OF THE INCENSE BURNER IS SHAPED LIKE A LOTUS FLOWER

Lotus flowers are also included as designs in Baekje tiles. However, the lotus petals of the Gilt-bronze Incense Burner of Baekje are depicted in a beautiful and lively manner. If you look closely at each petal, you will see that each one is decorated with something. Relief carvings of mysterious and unusual animals are found on and between the petals. What could these animals be?

WHO IS LIVING IN THE LID OF THE GILT-BRONZE INCENSE BURNER OF BAEKJE?

Seventeen daoist immortals and forty-two animals living on the mountain-shaped lid. Gorgeous *Bonghwang* (Mythical Bird) of the gilt-bronze incense burner of Baekje. Curves in the *Bonghwang* as Beautiful as Humanly Possible. Five musicians playing *wanham* (lute), *buk* (drum), *geomungo* (zither), *baeso* (pan flute), and *jongjeok* (pipe). Human figure on horseback. Figure riding on a horse and pulling a bow with his body turned backward. Elephant / Monkey / Crocodile. Animals indicating active exchanges with china and Southeast Asia. Bird with long beak. Imaginary creature with the body of a bird and an elephant's trunk (Fig. 2).

Posu: Creature warding off evil spirits below the tail of the *bonghwang*. *Oesu*: Fish-faced animal walking upright on two bird feet while controlling thunder and lightning. Human-faced beast. Imaginary creature with the body of a beast and a human face. Human-faced bird. Imaginary creature with the body of a bird and a human face. Unidentified mysterious-looking animals. The lid shaped like a soaring mountain also includes animals and human figures that seem mystical beyond imagination. Seventeen Daoist immortals and forty-two animals leisurely wander amongst the peaks and valleys.

Fig. 2. Gorgeous phoenix on the lid of the Gilt-bronze Incense Burner of Baekje.

A *bonghwang* (mythical bird) perched at the peak of the incense burner is considered the most beautiful example among all the *bonghwang* found in historical records and artifacts. Its imposing posture and soft curves from chest to tail display the pinnacle of beauty. The detailed portrayal of the *bonghwang* enlivens and beautifies the bird. A close examination of it shows that the shapes and lines of the two wings differ. The five Daoist immortals right below the *bonghwang* are known as the Five Musicians. A Daoist immortal on horseback is also found here. This figure allows us to visualize the armor and helmets worn by the people of Baekje at the time.

In between the mountains are animals which did not inhabit the Korean Peninsula. They are an elephant, monkey, and crocodile. How did people in Baekje 1,400 years ago depict animals they had never seen?! The presence of these animals suggests that the Baekje Kingdom conducted active cultural exchanges with other countries. Mysterious-looking and still nameless creatures can be observed on the Gilt-bronze Incense Burner of Baekje.

We can consider the world of harmony and unity within on the gilt-bronze incense burner of Baekje. This vessel blends a traditional Korean culture with foreign influences. Incense burner of Baekje is still countless intriguing stories and spectacles to be uncovered.

Юн Хевон

БОЛЬШАЯ БРОНЗОВАЯ С ПОЗОЛОТОЙ КУРИЛЬНИЦА ПЭКЧЕ

Аннотация: Бронзовая позолоченная курильница рассказывает о духовной культуре пэкчесцев, о тех обрядах, которые проводились при дворе вана. Она показывает, как творчески воспринимались инокультурные (в частности, китайские) заимствования на Корейском полуострове.

Ключевые слова: курильница Пэкче, курильницы бошанью, даосизм

Елена Эдмундовна Войтишек

*Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия
Институт востоковедения Российской академии наук,
Москва, Россия*

ДУШИСТАЯ ДРЕВЕСИНА САНДАЛА И АКВИЛЯРИИ В БУДДИЙСКИХ МЕДИЦИНСКИХ ПРАКТИКАХ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация: Наряду с медитацией и декламацией сутр воскурение благовоний занимает важное место в буддийской обрядности. В статье представлены некоторые буддийские практики, использующие целебные свойства древесины сандала и аквилярии, имеющей исключительную репутацию в религии и медицине Востока. Воскурение душистой древесины сандала и аквилярии при медитации и во время религиозных церемоний, подношение благовоний божествам, использование мазей, пилюль, отваров в медицинских практиках буддийских монастырей направлено на укрепление физического и ментального здоровья на пути к духовному совершенствованию. Немаловажное значение имеет также изучение канонических сочинений буддизма, где изложены не только религиозно-философские постулаты учения, но содержатся также рецепты и способы составления благовоний, рекомендации по их применению в лечебных целях.

Ключевые слова: буддизм, медицинские практики, Восточная Азия, благовония, сандал, аквилярия (агаровое дерево)

Использование благовоний в буддийских практиках Восточной Азии отмечено большим вниманием не только к выбору сырья и курильниц, техникам воскурения ароматов, но и спецификой их воздействия на физическое и ментальное здоровье прихожан. Сильный эмоциональный эффект достигается через богатое оформление алтарей подношениями¹, использование изысканных курильниц, окуливание одеяний, умасливание тела душистыми мазями и порошками.

---

¹ Кроме благовоний на алтарь помещают душистую воду в сосудах (санскр. *arghya*, кит. 闍伽 эце), гирлянды цветов (санскр. *kusuma-mālā*, кит. 华鬘 хуамань), еду и питье (饮食 *иньши*), светильники (灯明 *дэнмин*).

Эти обычаи с давних пор имеют огромное значение – как в теории и истории религии, так и в ежедневной практике буддийских монастырей, которые продолжают играть важную роль в искусстве врачевания². Многие из этих обычаев зародились в первых веках нашей эры, когда шло интенсивное распространение буддийских практик из Индии вместе с их адаптацией к местным религиозным культурам.

Наряду с декламацией сутр и мантр, медитацией и другими религиозными действиями преподнесение растительных и минеральных благовоний занимает важное место в буддийской обрядности, оно воспринимается как акт благодарности, уважения, благочестивого обращения и молитвы по отношению к Будде и бодхисаттвам. Ритуалы подношения благовоний являются символом освобождения от препятствий и духовного просветления на пути постижения буддийской мудрости. В истории есть также немало свидетельств о проведении массовых церемоний по воскурению благовоний с целью совершения молитвенных обрядов с просьбой о покровительстве Будды и благословении духов в тяжелые времена вражеских вторжений, смуты или стихийных бедствий.

Говоря о близости буддийского вероучения и медицинских практик, правомерно привести высказывание, приписываемое Будде, о взаимосвязи «трех драгоценностей» учения (Будда, дхарма и сангха) и врачевания. Так, сам Будда выступает как врач, его учение – как целительство, а монахи – как «медицинский персонал», взаимодействующий с мирянами-пациентами с целью облегчения их страданий. В этом контексте «четыре благородные истины» буддизма можно трактовать через медицинские категории. Первая истина (о страдании в жизни через органы чувств) соответствует определению диагноза; вторая истина (о выявлении причин страдания, которые осознаются как привязанность и алчность) говорит о выяснении причин и условий развития болезни; третья истина (об освобождении от страданий путем осознания их причин) аналогична обнадеживающему медицинскому прогнозу; четвертая истина (о способах прекращения страданий через медитацию, осознание, следование срединному пути) образно обозначает план лечения [Маслакова, 2016, с. 23–24]. Следование этим истинам несет спокойствие, гармо-

---

² Обладая определенными медицинскими познаниями, монахи оказывают помощь мирянам, что в буддизме рассматривается как высокая добродетель. Врачебная практика воспринимается прежде всего как облегчение страданий и бескорыстная помощь больным [Раевская, 2017, с. 34].

нию в душе и мире, содействует ментальному и физическому здоровью человека³.

Что касается сути медицинских практик в буддизме, то их можно кратко сформулировать следующим образом. Они основаны на древнеиндийских трактатах, развиты буддийскими наставниками; как в любой медицинской системе, там разработаны теоретические принципы, методы диагностики и лечения, рецепты и лекарства. Основываясь на буддийской теории, они широко используют также опыт традиционной китайской медицины и даосских представлений о «пяти первоэлементах» и методах поддержания здоровья через гигиену и «возвращение жизни». Буддийские целители выделяют три причины болезни: внешняя причина – дисбаланс «четырех основных» элементов (земли, воды, ветра и огня); внутренняя причина – «три яда» (жадность, гнев и невежество), а также карма – воздаяние за грехи в предыдущих перерождениях. В связи с этим целительные манипуляции направлены на «внутреннее и внешнее», то есть на «лечение психическое» (состояние ума) и «лечение физическое» (состояние тела)⁴.

Вслед за традиционной китайской медициной в буддийских практиках упор делается на превентивную медицину (预防医学 *юйфан исюэ*): достаточно постоянно придерживаться простых рекомендаций и болезни можно вылечить, полагаясь на собственные возможности, – исцеляющие функции тела и тренированного ума. При этом предполагается, что будды и бодхисаттвы помогают человеку на этом пути – они «предотвращают ошибочное и устраняют причину болезни, чтобы болезнь не расцвела и не стала причиной горьких плодов». В этом буддисты опираются на «лекарственную медицину» (物药 *у яо*), которая лечит тело, и «медицину дхармы» (法药 *фа яо*), которая исцеляет душу. При лечении тела также эффективна «медицина дхармы», которая заставляя людей исцелять себя. Разные будничные дела и встречи, сведения из сутр и трактатов тоже относятся к обычным проявлениям «медицины дхармы». В буддийских медицинских воззрениях уделяется большое внимание ежедневным оздоровитель-

---

³ Материалы личных бесед автора с буддийскими наставниками из Китая, Непала, Индии, Мьянмы, Шри-Ланки, Бутана во время проведения Международного Буддийского форума «Традиционный буддизм и вызовы современности» 17–19 августа 2023 г. (Улан-Удэ, Бурятия).

⁴ См. Эл. ресурс китайской электронной энциклопедии Байду байкэ. Буддийская медицина 佛医. URL: https://baike.baidu.com/item/佛医?fromModule=lemma_searchbox (дата обращения 26.06.2023).

ным практикам с целью поддержания «питания сердца», поскольку считается, что «болезнь рождается из сердца, и болезнь устраняется из сердца» (病由心生, 病从心灭 *бин ю синь шэн, бин цун синь ме*)⁵. Теория «предотвращения болезней» в буддийских практиках развита более полно и основательно, чем в традиционной китайской медицине, поскольку опирается на религиозно-философские постулаты и мировоззренческие идеи буддизма.

Что касается аромасырья, используемого в китайской традиционной медицине, то оно отличается крайним разнообразием и содержит натуральные компоненты – растения (корни, листья, плоды, кора, смола, древесная щепка), минералы (сода, квасцы, сера, кварц, соль и др.)⁶ и продукты животного происхождения (амбра, мускус, панты марала, панцирь черепахи, морские раковины и др.). Эти средства традиционно представлены в виде порошков, пилюль, отваров, мазей, суспензий, пасты, таблеток и проч.

В буддийском церемониале и медицинских практиках издавна использовались следующие виды благовоний: аквилария (沉香 *чэнь сянь*, букв. «тонущее дерево»), разные виды сандала (旃檀 *чжаньтань*, 檀香 *таньсянь*), гвоздика (丁香 *дин сянь*), кумаруна душистая (零陵香 *линлэн сянь*)⁷, жасмин (茉莉花 *молихуа*), розмарин (迷迭香 *миде сянь*),

---

⁵ Сердце занимает первое место среди внутренних органов, поэтому традиционная медицинская теория называет сердце «государем в организме человека» (君主之官 *цзюнь чжу чжи гуань*). Если у человека большое сердце и беспокойный ум, он плохо ест и плохо спит, чувствует себя взволнованным, раздражительным и напуганным, это легко приведет к сердечной недостаточности. Если ум спокоен, тело будет здоровым, энергия *ци* будет течь ровно. Поэтому сохранение здоровья в традиционной китайской медицине направлено на «питание сердца», что является важнейшей задачей сохранения здоровья в любое время. Несбалансированные эмоции в китайской медицине считаются внутренними патогенными факторами, а ключом к «питанию сердца» может служить эмоциональная адаптация. В древнем медицинском трактате «Хуанди нэйцзин» говорится: «истинная энергия следует за спокойствием и пустотой, дух сохраняется, и болезнь никогда не наступит». То есть, если настроение спокойное и стабильное, праведная энергия в теле будет мирной и невозмутимой, дух не рассеется, и болезнь не сможет вторгнуться в тело человека. См. Эл. ресурс китайской электронной энциклопедии Байду бай-ке. Буддийская медицина 佛医. URL: https://baike.baidu.com/item/佛医?fromModule=lemma_search-box (дата обращения 26.06.2023).

⁶ См. весьма информативную статью о методах минералотерапии и медицинской минералогии: Юшкин Н. П. Минеральный мир и здоровье человека // Вестник Отделения наук о земле РАН, №1 (22), 2004. С. 1–10.

⁷ Используются еще несколько названий – диптерикс пахучий, бразильский тик (семена – бобы тонка с сильным ароматом).

борнеол (龙脑香 *луннао сян*, букв. «аромат мозга дракона»), аир (菖蒲 *чанпу*), мускус (麝香 *шэ сян*), стиракс бензойный (安息香 *аньси сян*) и др. [Войтишек, 2021, с. 26–40]⁸. Среди всего разнообразия ароматического сырья особым почтением пользовалась душистая древесина сандаловых и агаровых деревьев (аквилярии), обладающая целым спектром характеристик, обеспечивавших ее широкое применение как в религиозных и культовых практиках, так и в бытовых, санитарно-гигиенических, лечебных целях.

Пожалуй, сандал (санскр. *candana*) – самое распространенное благовоние в монастырях и храмах Восточной Азии. Вечнозеленое дерево семейства сандаловых произрастает в Индии, Китае, Таиланде, Папуа-Новой Гвинее, Австралии. Из древесины изготавливают буддийские благовония, статуэтки, ящички и футляры для хранения сутр, изображения буддийских божеств, разнообразный инструментарий и предметы роскоши. Саму древесину и благовония из нее повсеместно возжигают перед божествами буддийского пантеона. В Южной Азии эту древесину иногда используют также как высококачественное топливо при кремации. Путем дистилляции получают чрезвычайно ценное ароматное эфирное масло, которое широко применяют в медицине. По цвету и качеству коры и древесины выделяют красное (букв. бурое, фиолетовое), розовое (букв. желтое, палисандр) и белое сандаловое дерево. В индуизме используется также как краситель, которым рисуется точка на лбу [Войтишек, 2021, с. 32; Фоцзяо дэ..., 2003, с. 62–67].

В буддийских писаниях часто говорится о том, что сандаловый аромат способствует достижению архатства и может передать величие бодхисатвы Махаяны, ее превосходство над божествами Хинаяны. В текстах благовония предстают как метафора чистых заповедей Будды, а тех, кто их придерживается, «божества любят и уважают, а демоны держатся подальше». К примеру, в 100-томном филологическом труде монаха Хуэйлиня (慧琳, 737–820) под названием «Произношение и значение [текстов с комментариями] Хуэйлиня» (慧琳音義 *Хуэйлинь иньи*), где автор анализирует термины из буддийских канонов, записано: «Белый сандал может вылечить хронические заболевания, красный сандал способен изгонять простуду и удалять

---

⁸ См. также: [Фоцзяо дэ сян юй сянци, 2003, с. 59–120]; Эл. ресурс китайской электронной энциклопедии Байду байкэ. Благовония в буддизме и инструментарий для воскурения благовоний. URL: 佛教的香与香器 https://baike.baidu.com/item/佛教的香与香器/14471234?fromModule=search-result_lemma-recommend (дата обращения 26.06.2023).

нарывы. Оба вида сандала являются лекарственными средствами для устранения болезней, для успокоения тела и духа» (Цит. по: [Фоцзяо дэ..., 2003, с. 64])⁹.

В Шурангама-сутре, одном из основополагающих текстов чань-буддизма, есть показательный фрагмент о вкушении сандаловой древесины:

«Бодхисаттва по имени Украшенный Ароматами, встал со своего места, простёрся перед Буддой и сказал: «После того как Татхагата научил меня как смотреть на мирские феномены, я покинул Его и уединился, чтобы успокоить свой ум. Наблюдая за правилами чистого жития, я увидел, как монахи жгут сандаловое дерево. В спокойствии его запах достиг моих ноздрей, я исследовал этот запах, который оказался ни деревом сандала, ни пустотой, ни дымом, ни огнём, который не имел места, из которого прийти, ни места куда уйти, мой интеллект исчез, и я мгновенно достиг состояния за пределами потока перерождений. Татхагата засвидетельствовал моё просветление и назвал меня Украшенный Ароматами. После внезапного просветления относительный запах исчез, сменившись чудесным всеобъемлющим ароматом. Я достиг архатства посредством запаха. Сейчас Будда спрашивает о лучших методах совершенства, в соответствии с моим личным опытом, для меня лучшим методом было восприятие запаха»¹⁰.

Если говорить о медицинских свойствах сандаловой древесины, то она традиционно считается мощным бактерицидным и противовоспалительным средством. Сандал устраняет нервное напряжение и эмоциональную нестабильность, регулирует сон, устраняет последствия стрессов, травм, вирусных состояний, активизирует репродуктивные функции, уравнивает внутренние энергии и приводит в баланс силы *инь-ян*. С. А. Миргородская называет его «ароматом медитации и духовного роста»¹¹.

---

⁹ См. Эл. ресурс китайской электронной энциклопедии Байду байкэ. Сочинение «Хуэйлинь инь». URL: <https://baike.baidu.com/item/慧琳音义/3665615> дата обращения 14.08.2023).

¹⁰ Полный перевод сутры и дхарани в формате DOC. Архивная копия от 7 ноября 2017 на Wayback Machine, в формате PDF (3-я редакция, перевод с англ. Заура Гошокова).

¹¹ С. А. Миргородская в медицинском применении сандала выделяет психосоматический, биоэнергетический, косметологический, целебный аспекты, не игнорируя также чувственные, бытовые и кулинарные функции сандаловой древесины [Миргородская, 2022, с. 240–242].

Что касается аквиларии, или агарового (алоиноного) дерева, то это подлинное сокровище в культуре ароматов Востока. Поскольку благоухающая древесина и масло (смола) агарового дерева широко использовались в культуре четырех древних цивилизаций (Индии, Древнего Египта, Вавилона и Китая), оно известно под десятками разных названий, некоторые из которых прочно закрепились во многих священных текстах (например, алоэ в «Ветхом завете») ¹².

Самые важные достоинства этой древесины проявляются в силе и свойствах ее благоуханья. Аромат агаровой древесины считается непревзойденным по своей чистоте и насыщенности, плотности и выдержанности. Этот далеко простирающийся аромат отличается необыкновенной стойкостью, тонкими и деликатными изменениями при возжигании ¹³. Агаровая древесина воздействует комплексно: на фоне психологического умиротворения, успокоения духа происходят и физические изменения в организме.

В религиозных культах аквилария до сих пор также очень востребована в силу своих необычайных качеств, способствующих очищению, умиротворению и гармонизации духа. В традиционной китайской медицине ее использовали не только как эффективное

---

¹² На санскрите это понятие звучит как *aguru* (кит. 阿伽楼 *ацзялоу*), арабы его называют *oud*, персы – *ūd*, а индонезийцы *gaharu*. В Восточной Азии оно известно как «тонущий [в воде] аромат» – 沉香 (кит. *чэнсян*, кор. *чимхян*, яп. *дзинко*), а сами китайцы его называют еще 沉香 *чэньшуйсян*, 水沉香 *шуйчэнсян* и др. Вследствие многочисленности названий, принятых в англоязычной литературе (*agarwood*, *agar*, *aloeswood*, *aloes*, *aloe*, *eaglewood* и др.), на русском языке можно встретить самые разные определения: «аквилария», «алоиноное дерево», «алоэ», «орлиное дерево», «каламбак», «райское дерево», «слепое дерево», «удовое дерево» и многие другие (См. подробнее [Войтишек, 2021. С. 37–49]). Под воздействием разных факторов агаровые деревья заражаются грибом и вырабатывают смолу для самолечения. В течение десятков и сотен лет смола и древесные волокна интегрируются в смолистую субстанцию и превращаются в ароматическую формацию (结香 *цзе сянь* или 结沉 *цзе чэнь*), источающую тонкое благоухание. В настоящее время идентифицирован 31 вид агаровых деревьев, найденных по всему миру (включая Индонезию, Малайзию, Китай, Индию, Филиппины, Камбоджу, Вьетнам, Лаос, Таиланд, Папуа-Новую Гвинею, Сингапур), из которых только 19 видов способны к производству агаровой смолы после физического воздействия, атак насекомых-паразитов, а также заражения грибом или бактериями [Pease and Harman, 2011, p. 25].

¹³ Большинство китайских благовоний представляют собой смешанные многокомпонентные сборы. Редким исключением является агаровая древесина, которую можно воскурять в одиночку. Без этого растения невозможно собрать многокомпонентный рецепт благовоний. Аквилария консолидирует все ингредиенты, заставляя их выполнять определенные целительные задачи.

успокаивающее средство – с помощью ароматов аквилярии восстанавливали нормальное движение энергии *ци* по каналам (меридианам), укрепляли баланс сил *инь-ян* в организме, лечили астму, боль в желудке и др. Агаровая древесина, успокаивая нервную систему, позволяет активизировать и гармонизировать духовные процессы, обратить взор внутрь себя.

Масло аквилярии используется для ментальных путешествий при медитации, для открытия «третьего глаза» и верхних чакр, пробуждения способности к ясновидению. Индусы, арабы и японцы используют его для церемониального умащения покойных: считается, что оно облегчает переход в загробный мир [Янь Цзинсинь, 2014. С. 91]. Агаровое масло поддерживает позитивный эффект разгрузочных упражнений и медитации, способствуя развитию воображения. Энергетика масла аквилярии согревающая, уравнивающая, оно способствует трансформации сознания и опыту трансценденции.

Кусочек древесины аквилярии, попадая в огонь, – говорят буддисты – источает благодатный аромат, который распространяется вокруг как проявление сострадания Будды к миру. Как дерево аквилярия, которое, завершая свой путь, сгнивает и превращается в бесценный фимиам, отдавая все лучшее другим, так и человек в конце своего земного существования через терпение и сострадание должен освоить жизненные уроки.

Об этом же говорит буддийская мудрость, высказанная в трактате о достижении просветления, написанном в V–VI вв. первым патриархом чань-буддизма Бодхидхармой:

«Будда находится в нашем сердце, как аромат внутри дерева. Когда ты свободен от тревог, просветление поднимается из глубины твоего сердца – как аромат изнутри созревшего дерева. Нет никакого аромата, если нет самого дерева. Нет Будды, если нет сердца. Если аромат исходит не из дерева, то это чужой аромат. Если Будда находится не в твоём сердце, то это чужой Будда» (Цит. по: [Peace and Harmony, 2011, p. IV–V]).

Таким образом, такие действия, как воскурение душистой древесины сандала и аквилярии при медитации и во время религиозных церемоний; подношение благовоний божествам; использование мазей, пилюль, отваров в медицинских практиках буддийских монастырей, направлены на укрепление физического и ментального здоровья на пути к духовному совершенствованию. Для исследователей немаловажное значение имеет также изучение канонических сочинений буддизма, где изложены не только религиозно-философские посту-

латы учения, но содержатся также рецепты и способы составления благовоний, рекомендации по их применению в лечебных целях. Учитывая необыкновенные свойства сандала и аквиларии, обусловившие их длительное использование на Востоке в бытовой, медицинской и религиозной сферах, можно с уверенностью утверждать, что возможности для изучения и применения этих растений в современных условиях далеко не исчерпаны.

Список литературы

- Войтишек Е. Э.** Ароматическая культура Восточной Азии. Китай: с древности по настоящее время: Учебное пособие / Е. Э. Войтишек; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 224 с.
- Маслакова Е. А.** Буддизм и современная биоэтика: точки соприкосновения // Философия культуры, 2016. С. 23–27.
- Миргородская С. А.** Аромалогия: Quantum Satis Novus. 5-е изд. М.: Навеус, 2022. 272 с.
- Раевская Н. Ю.** Нравственные основания врачевания в буддийской традиции // Медицина и организация здравоохранения. Биоэтика, 2017. Т. 2, № 3. С. 33–39.
- Фоцзяо дэ сянь юй сянци [佛教德香与香器]. Благовония в буддизме и инструментарий для воскурения благовоний. Энциклопедия буддизма. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2003. 232 с.
- Юшкин Н. П.** Минеральный мир и здоровье человека // Вестник Отделения наук о земле РАН, №1 (22), 2004. С. 1–10.
- Янь Цзинсинь.** Шангу шо сянь [鄯敬新。尚古说香]. Почитая древность, поговорим об ароматах. Циндао: Циндао чубаньшэ, 2014. 260 с.
- Peace and Harmony [祥和。中國香港沉香珍藏展]. The Divine Spectra of China's Fragrant Harbour. A Collection of 108 Aloes of Sacred Scripture and Related Artifacts / Ed. by Paul Kan. Hong Kong, 2011. 289 p.

Elena E. Voytishek

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

FRAGRANT SANDALWOOD AND AQUILARIA (AGAR TREE) IN BUDDHIST MEDICAL PRACTICES OF EAST ASIA

Abstract: Burning incense occupies an important place in Buddhist rituals, alongside well-known practices such as meditation and reciting sutras. This

article explores a number of Buddhist practices that use the healing properties of sandalwood and aquilaria, both of which have an exceptional reputation in both religion and medicine of the East. The burning of fragrant sandalwood and aquilaria wood during meditation and religious ceremonies, the offering of incense to deities, the use of ointments, pills, decoctions in medical practices of Buddhist monasteries is aimed at strengthening physical and mental health on the path to spiritual perfection. Of no small importance is also the study of the canonical writings of Buddhism, which set out not only the religious and philosophical postulates of its teachings, but also contain recipes and methods for compiling incense and recommendations for their use in medicine.

Keywords: *Buddhism, medical practices, East Asia, incense, sandalwood, aquilaria (agar tree)*

Ксения Игоревна Дедюхина

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

k.dedyukhina@g.nsu.ru

**КУЛЬТ БОЖЕСТВЕННОЙ ОБЕЗЬЯНЫ
В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕЛИГИИ
НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТА ВЕЛИКОГО МУДРЕЦА, РАВНОГО НЕБУ
(齊天大聖 *Цитянь дашэн*)**

Аннотация: Статья знакомит с результатами исследования культа Великого Мудреца, Равного Небу, распространенного в юго-восточных регионах Китая и на о. Тайвань, описывает его место в системе китайских народных верований, условия формирования культа и его современное состояние. Автор дает обзор церемониальных особенностей культового поклонения Великому Мудрецу, а также исследует специфику иконографического изображения божества.

Ключевые слова: *Царь обезьян, «Великий Мудрец, Равный Небу», Сунь Укун, «Путешествие на Запад», культ обезьяны.*

В китайской культуре образ обезьяны уходит далеко своими корнями в историю. В царстве Чу (конец II – конец I тыс. до н. э.) в народе почитались гиббоны, в том числе белые. Нидерландский синолог Роберт ван Гулик (1910–1967) отмечает, что культура древнего царства Чу отличалась элементами мистицизма и колдовства, основанного на даосизме, а сами животные, в т. ч. и гиббоны, наделялись огромной космической силой *ци* [Gulik, 1967, p. 23]. Более того, считалось, что гиббоны имели способность перевоплотиться в человека и продлевать себе жизнь на несколько сотен лет.

В китайском религиозном пантеоне обезьяне удалось занять достойное место среди других антропоморфных божеств, несмотря на их нежелание принимать в свои ряды этого подвижного зверя. Подобному успеху обезьяна обязана своей способности к самообучению и подражанию повадкам людей. По сюжету знаменитого романа XVI в. «Путешествие на Запад», основанного на многовековой фольклорной и письменной традиции, как раз эти способности одного из ключевых

героев, обезьяны по имени Сунь Укун, были высоко оценены Нефритовым императором, что позволило наградить животное божественным титулом [Грэй, 2006, с. 99]. С появлением романа, который завершил и обобщил длительную фольклорную традицию развития образа Сунь Укуна, этот персонаж приобрел широкую популярность, а после и вовсе стал объектом культового почитания.

Если речь идет о Царе Обезьян как об объекте культового поклонения, то он наделяется титулом «Великий Мудрец, Равный Небу» (齊天大聖 *Цитянь дашэн*). Несмотря на то, что было довольно смело даровать мятежной обезьяне титул Равного Небу, в дальнейшем полученный титул Сунь Укун не раз оправдывает, поскольку ни один из небесных воинов, ни даже целая небесная армия, не смогли одолеть его в честном бою. Иероглиф 聖 *шэн* как составная часть титула Великий Мудрец, имеет такие значения, как «гений», «мудрец», «святой», «непревзойдённый мастер», поэтому, зная о способностях Царя обезьян, сложно не согласиться с тем, что его титул Великого Мудреца более чем заслужен. На Тайване же можно встретить вариант «Обезьяна, равная Небу» (猴齐天 *Хоу ци тянь*) [Корнильева, 2016, с. 425]. Его менее употребляемое имя – «Победоносно сражающийся Будда» (鬥戰勝佛 *Доучжань шэнфо*), которое заимствовано из последних глав романа «Путешествия на Запад», когда за защиту монаха Трипитаки на его пути за сутрами Сунь Укуну был дарован титул Будды.

В огромном китайском пантеоне большую часть составляют локальные божества-покровители определенных территорий. Сунь Укун никогда не был объектом государственного религиозного культа, однако в некоторых случаях популярные литературные произведения напрямую влияют на распространение и укрепление уже существующего поклонения. В частности, в эпоху Юань (1271–1368) и Мин (1368–1644) произошло слияние культа божественной обезьяны и культа Сунь Укуна, сформированного длительной эволюцией сюжета и воплощенного в романе «Путешествие на Запад».

Основным ареалом поклонения Великому Мудрецу Равному Небу остаются юго-восточные регионы Китая, главным образом, провинция Фуцзянь и о. Тайвань. На вершине горы Баошань в районе города Наньпин в провинции Фуцзянь находится гробница Великого Мудреца, Равного Небу, и его брата Великого Мудреца, Достигшего Небес (通天大聖 *Тунтянь дашэн*), которую, предположительно, считают одним из самых ранних культовых изображений Царя обезьян в ре-

гионе¹. Во времена династий Мин и Цин (1644–1912) после слияния местного культа обезьяны и культа Царя обезьян число верующих в обезьяноподобное божество только увеличилось. Так, в районе округа Путянь (莆田) провинции Фуцзянь находится примерно 332 храма, где можно найти статуи Великого Мудреца [Dean, Zheng, 2010, p. 177].

Первые упоминания в литературе культа божественной обезьяны, связанные именно с образом Сунь Укуна, встречается в сборнике Пу Сунлина XVII в. «Описание чудесного из кабинета Ляо» (聊齋誌異 *Ляо чжай чжи и*) в новелле под названием «Великий мудрец, равный Небу» (齊天大聖 *Цитянь дашэн*). В новелле повествуется о двух братьях-торговцах, которые становятся свидетелями культового поклонения Царю обезьян со стороны местных жителей провинции Фуцзянь².

В китайской традиции святые обычно изображаются на алтарях в виде скульптур, иногда встречаются изображения на досках, бумаге или стекле, а также в виде надписей имени, титула святых на деревянных дощечках или бумаге. Канонические изображения Великого Мудреца, в свою очередь, не являются исключением из правила и имеют ряд особенностей. Обычно религиозные статуи Великого Мудреца в храмах изображаются в виде сидящего или стоящего божества-защитника (при этом оно зачастую опирается на согнутую в колене ногу, а одна рука занесена за голову). Обязательными иконографическими атрибутами его изображения является сдерживающий обруч на голове, а в руках – волшебный посох 金箍棒 *цзиньгубан*, персик бессмертия или тыква-горлянка. На голове может быть головной убор с иероглифом «Будда» (佛 *фо*) и двумя длинными перьями. Чаще всего Великий мудрец, равный Небу, изображается в парадном платье [Корнильева, 2016, с. 426]. Взгляд обезьяны-божества, как правило, яростный, иногда с золотыми зрачками, лицо Великого мудреца обычно телесного цвета с присутствием элементов красного цвета. Интересно, что в некоторых случаях Великого Мудреца, Равного Небу изображают в сопровождении еще двух обезьян. Скорее всего, это отсылка к драме *цзацзюй* XIII–XIV вв. «Путешествие на Запад» Ян Цзинсяня, которая считается литературной основой романа У Чэнь-

¹ Цун эшэнь дао дашэн — вого чуаньтун шэньсянь Сунь Укун [从恶神到大圣—我国传统神仙孙悟空]. От злого духа до Великого Мудреца — традиционный китайский священный образ Сунь Укуна. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1607961527155347995&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 05.06.2023).

² Пу Сунлин. Ляо чжай чжи и. Ци тянь да шэн [蒲松龄. 聊斋志异. 齐天大圣] Повести о странном из кабинета Ляо. Великий Мудрец, Равный небу. URL: <http://www.wywjz.cn/liaozhai/2069.html> (дата обращения: 10.06.2023).

эня [Там же, с. 423]. В девятой сцене этой пьесы упоминается, что Сунь Укун является одним из нескольких братьев и сестер³. Самый младший, «Третий сын Шуашуа» (耍耍三郎 *Шуашуа саньлан*), появляется как фигура с белым лицом среди троицы, лицо среднего брата черного цвета, а старшего – красного.

Обрядовая часть поклонения Великому Мудрецу, равному Небу, обычно включает возжигание благовоний и свечей, часто сопровождаемых подношением в виде мяса или фруктов. Считается, что Великий мудрец как покровитель местных жителей выступает защитником от злых духов. К нему обращаются за помощью в сдаче экзаменов, в бизнесе и других делах, а также в лечении болезней.

Кроме того, ритуал поклонения Великому мудрецу часто сопровождается спиритическими сеансами. Посредством спиритического сеанса дух божества взаимодействует с верующими, отвечает на их просьбы и молитвы. Если же прихожане не обращаются к помощи медиума, то присутствие духа Великого Мудреца обычно определяют по стеклянному сосуду, называемому «сосуд Великого Мудреца» (大聖瓶 *Дашэн пин*) [Stevens, 1997, p. 100]. Он представляет собой стеклянный шарообразный сосуд на ножке, который помещен в стеклянную баночку, наполненную «полуденной водой» (午時水 *уши шуй*), т.е. колодезной водой, которую набирают в полдень в день празднования Дуань⁴. Сосуд издает характерный звенящий звук, что символизирует «прибытие» духа божества в храм или дом.

Заметим, что для китайской системы культов и почитания божеств, духов и героев характерно празднование прежде всего их дней рождения. Например, в Фучжоу и Путяне празднование дня рождения Царя обезьян (齊天大聖千秋 *Ци тянь дашэн цяньцю*) проходит в 23-й или 25-й день (соответственно) 2-го лунного месяца. По традиции, празднующие воскуривают благовония и сжигают бумажные подношения, проводят спиритические сеансы и групповые молитвы. Культ Сунь Укуна естественно также распространен среди китайских эмигрантов в ряде других стран Юго-Восточной Азии, например, Малайзии, Таиланде, Сингапуре и Вьетнаме, где они также посещают храмы божественной обезьяны и проводят празднования в её честь.

---

³ Нас пятеро братьев и сестер: моя старшая сестра Лишань Лаому [離山老母, Почтенная Мать горы Ли], моя вторая сестра Учжици Шэнму [巫支祇聖母, Святая Мать У-джи-ци]; мой старший брат — Цитянь Дашэн [齊天大聖, Великий мудрец, Равный Небу], я сам Тунтянь Дашэн [通天大聖, Великий мудрец, достигший небес] и мой младший брат Шуашуа Саньлан [耍耍三郎] (Цит. по: [Dudbridge, 1970, p. 110]).

⁴ Праздник драконовых лодок традиционно проходит в 5-й день 5-го месяца по лунному календарю.

Таким образом, можно сказать, что образ Сунь Укуна в Китае развивался от древнейших представлений об обезьяне. Обезьяна всегда занимала немаловажное место в жизни китайского народа, что предвосхитило появление и развитие «обезьянней культуры» (猴文化 *hou wenzhuo*), отличительными особенностями которой является наличие культа обезьян, системы ритуалов, религиозных обрядов и специальных храмов.

Литература

- Грэй Джон Г. История Древнего Китая. М.: Центрполиграф, 2006. 606 с.
- Корнильева Т. И. Великий Мудрец, Равный Небу: литературный персонаж и объект поклонения // Проблемы литератур Дальнего Востока. Сб. мат. VII Международной научной конференции. СПб, 2016. С. 422–426.
- Сторожук А. Г. Образ обезьяны в литературе и культуре традиционного Китая // Россия-Китай: история и культура. Сборник статей и докладов участников VIII науч.-практич. конф. Казань, 2015. С. 210–214.
- Dean K., Zheng Zh. Ritual alliances of the Putian plain. Volume One: Historical Introduction to the Return of the Gods. Brill Academic Publishers, 2010. 440 p.
- Gulik R. H. van. The gibbon in China: An essay in Chinese animal lore. Leiden, Holland: Brill, 1967. 130 p.
- Stevens K. Chinese Gods: The Unseen World of Spirits and Demons. Collins & Brown, 1997. 192 p.

Kseniya I. Dedyukhina

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
k.dedyukhina@g.nsu.ru*

THE CULT OF THE DIVINE MONKEY IN CHINESE FOLK RELIGION ON THE EXAMPLE OF THE CULT OF THE GREAT SAGE EQUAL TO HEAVEN (齊天大聖 *Qitian dasheng*)

Abstract: The article introduces the results of the study of the cult of the Great Sage, Equal to Heaven in the southeastern regions of China and Taiwan. The author describes its place in the system of Chinese folk religion, its formation and current state. The author gives an overview of the ceremonial features of the cult worship of the Great Sage and explores the features of the iconographic image of the deity.

Keywords: *Monkey King, Great Sage Equal to Heaven, Sun Wukong, Journey to the West, monkey cult.*

Даниил Петрович Шульга

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
alkaddafa@gmail.com*

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ СОЛИДОВ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В КИТАЕ

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-78-10121.

Аннотация: интереснейшей особенностью этнокультурной ситуации в раннесредневековом Северном Китае был её принципиальный синкретизм. В настоящей работе мы рассмотрим возможный религиозный смысл нумизматических артефактов в вышеуказанный период.

Ключевые слова: *Великий Шёлковый путь, монеты, манихейство, Восточная Римская империя, христианство, Китай, этнокультурные связи.*

Одним из важнейших источников для изучения такового могут служить монеты Восточной Римской империи (а зачастую – копии и имитации таковых¹), найденные в погребениях² [Li Qiang, 2005]. Следует отметить, что в Восточной Азии они есть и за пределами КНР. Хотя на территории Сибири пока подобных находок нет, успехи археологов в Монголии [Го Юньянь, 2016], где было найдено целое скопление брактеатов, дают надежду на обнаружение «солидов» на Алтае, в Хакасии или Забайкалье. Благо, эти территории нередко находились в сфере влияния одних и тех же кочевых держав. Социальный статус обладателей византийских монет весьма различен. С одной стороны, это занятые в торговле иноземцы в районе Сианя [Ло Фэн, 2005] и Гуяня³ [Шульга, 2020], а с другой – государи удельных царств [Ян Гуаньхуа, 2016].

¹ Более подробно вопросы терминологии рассмотрены в предыдущих работах [Шульга, Шульга, 2022; Шульга, 2021a].

² Всего известно около сотни находок, из них одна треть не имеет чёткой истории обнаружения.

³ Наибольшая плотность находок византийских монет и их имитаций отмечена в Нинся-Хуэйском АР.

Роль ромейских монет (и имитаций на их основе) на территории Центральной и Восточной Азии до сих пор является предметом научных дискуссий. Не приходится сомневаться, что большое значение здесь играл материал изготовления – золото, которое позволяло даже репликам солидов быть ценным средством обмена и накопления [Ян Цзюнькай, 2014. С. 286; Li Qiang, 2005]. Однако многие исследователи полагают, что «солиды» имели не только экономическую и статусную⁴ функции. Очевидно, что жители раннесредневекового Китая достаточно чётко понимали христианскую символику, наносимую на монеты. Встречаются даже имитации (одна из них обнаружена в погребении Ши Цзюня⁵), у которых нет аверса (на котором традиционно помещался портрет константинопольского императора), а есть лишь реверс с ангелом, держащим крест [Го Юньянь, Цай Линь, 2007]. Судя по следам подвешивания, такую одностороннюю «монету» могли носить не только для указания на высокий достаток, но и как религиозный символ.

Этому не стоит удивляться, ведь несторианское⁶ христианство, судя по сделанным в последние 70 лет находкам, было достаточно хорошо известно не только в среде купцов, но и среди сильно китаизированных «служилых иноземцев». Яркое доказательство этому – эпитафия Ми Цзифэня (714–805 гг.), выходца из кочевников-тюркешей, который сделал военную карьеру в Танской империи. В эпитафическом источнике⁷ без всякого осуждения указывается, что сын отправился жить при храме «религии Великой Цинь» (как именовалось христианство). Любопытно, что именно среди кочевых народов Северного Китая, Монголии и Южной Сибири христианство

---

⁴ На то, что реплики восточно-римских монет часто использовали как украшения на груди указывает практика пробивания на них дырочек для продевания шнура или цепочки. Яркий пример – находка в погребении Ши Цзюня [Ло Фэн, 2005].

⁵ Гробница Ши Цзюня представляет собой пример крайнего религиозного синкретизма. Как было справедливо отмечено авторами статьи 2016 г. [Кудинова и др., 2016], в предметах искусства явно читается буддийское, манихейское и зороастрийское влияние. Судя по весьма своеобразному монетовидному украшению с ангелом, усопший имел представление и о христианстве.

⁶ Данное определение достаточно условно, так как у нас нет достаточных данных о христологии средневековой церкви в Китае. Прямых доказательств того, что верующие продолжали придерживаться теологумена Нестория о двух природах Иисуса у нас нет (ни для эпохи Тан, ни для монгольского периода).

⁷ Первый (на русском языке) полный перевод эпитафии был выполнен и опубликован одним из соавторов [Шульга, 2021б]

в средние века имело определённое распространение (по крайней мере до конца эпохи Юань) [Шульга, Дурова, 2020]. Таким образом, можно видеть, что контекст бытования христианства в Китае был весьма многогранен, и включал в себя не только всемирно известные записи вроде знаменитой стелы из Сианя.

Еще одним довольно интересным наблюдением касательно использования византийских монет в погребальном обряде является гипотеза об «оболе Харона», которая звучит как в европейской [Шмолевский, 2016], так и в китайской [Ян Цзюнькай, 2014. С. 291] науке. Действительно, в ряде случаев (например, в погребении Кан Е [Шульга, Шульга, 2018]) монета помещалась в рот усопшего. Само по себе проникновение эллинских мифологических сюжетов в Поднебесную не является чем-то невероятным. Напротив, этому феномену найдется немало подтверждений⁸ в виде изображений Геракла и олимпийских богов⁹. Примечательно, что подобные находки есть не только в Китае, но и в Монголии¹⁰ [Полосьмак и др., 2011. С. 111].

Таким образом, культурное наследие раннесредневекового Китая демонстрирует нам не только весьма развитые связи Поднебесной с миром кочевников, но и куда более масштабные (в географическом плане) контакты с греко-романским миром. Благодаря этому сын выходца из *номадов* (тюргешей) принял *христианство*¹¹, о чем мы знаем из эпитафии, написанной *китайской* иероглификой. Не менее показателен в свете нашего исследования пример Ши Цзюня (который, возможно, воспринимал буддизм и христианство как равно-великие учения, ведущие к истине, вполне в духе манихейства¹²).

---

⁸ Более подробно мы рассматриваем этот вопрос в работе 2021 г. [Шульга, 2021в].

⁹ Например, в погребении Ли Сяня (504–569 г.) в окрестностях г. Гуянь (Нинся-Хуэйский АР) обнаружен сосуд с композицией на тему Иллиады.

¹⁰ Потому теоретически возможно обнаружение подобных артефактов и в Сибири. Это подтверждается и тем, что найденные на Нижней Катуги полихромные бусы имеют прямое отношения к центрам производства в эллинистическом мире [Бородовская, 2009].

¹¹ Зачастую христианство, как указывалось выше, именовалось «Учением Великой Цинь». «大秦» это «великое государство на Западе, сопоставимое с Китаем». Значение «запад» мы берем из того, что царство Цинь, основавшее первую империю, располагалось именно на в той части чжоуского мира.

¹² Интересно, что немалую поддержку манихейству в Китае оказывал Уйгурский Каганат, территория которого раскинулась от Алтая и Забайкалья до пустыни Алашань.

Литература

- Li Qiang.** Roman coins discovered in China and their research // Eirene. Studia Graeca et Latina. 2005. Vol. 51. pp. 279–299.
- Бородовская Е.Л.** Погребение с полихромными стеклянными бусами эпохи эллинизма на нижней Катунь // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 3: Археология и этнография. С. 160–167.
- Го Юньян, Цао Линь.** Гуаньюй Сиань бэйчжоу Ши Цзюнь му чу ту цзиньби фанчжи пинь дэ идянь бу чун. [郭云艳、曹琳。关于西安北周史君墓出土金币仿制品的一点补充] Дополнительные сведения об имитации золотой монеты, найденной в погребении Ши Цзюня в Сиане // Вэнь бо («Культурные и музейные ценности»). 2007. № 6. С. 41–44. (на кит. яз.)
- Го Юньян.** Лунь Мэнгуо Баяньюэр туцзюэ бихуа мусо чуцзинь иньби дэ синчжи тэчжэн [郭云艳。论蒙古国巴彦诺尔突厥壁画墓所出金银币的形制特征] Обсуждение золотых монет из тюркских погребений в Баян-Норе (Монголия) // Цаюань вэньу («Культурное наследие степи»). 2016. № 1. С. 115–123. (на кит. яз.)
- Кудинова М.А., Комиссаров С.А., Соловьев А.И., Николаева Н.Ш.** Гробница согдийца Ши Цзюня (Виркака) в контексте межкультурных связей Китая периода раннего средневековья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. 22. С. 323–327.
- Ло Фэн.** Бэйчжоу му чу ту дэ байчжаньтин цзиньби фанчжи пиньси [罗丰。北周史君墓出土的拜占庭金币仿制品析] Анализ имитаций византийской золотой монеты, обнаруженных в могиле Ши Цзюня эпохи Северной Чжоу // Вэньу («Культурное наследие»). 2005. № 3. С. 57–65. (на кит. яз.)
- Польсмак Н.В., Богданов Е.С., Д. Цэвээндорж Д.** Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. 184 с.
- Шмонеvский Б.Ш.** Византийская монета и ее подражания (монета мертвых) на примере находок из погребений Аварского каганата, на Шелковом пути и прилегающих территориях (VI–VIII вв.) // Краткие сообщения Института археологии. 2016. № 244. С. 254–274.
- Шульга Д.П.** Имитации византийских монет в Нинся-Хуэйском автономном районе // Византийский временник, 2020. № 104. С. 104–112.
- Шульга Д.П.** Китайская византистика: особенности используемых наименований // Византийский временник. 2021а. Т. 105. С. 127–140.
- Шульга Д.П.** Несторианское христианство в Танском Китае (по материалам эпитафии Ми Цифэня) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2021б. № 13. С. 934–941.
- Шульга Д.П.** Античные мифологические сюжеты на артефактах, найденных на территории КНР // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2021в. Т. 15. № 2. С. 894–910.
- Шульга А.А., Шульга Д.П.** Особенности развития погребальной архитектуры в зоне межкультурной коммуникации (на примере могилы Кан Е в Северном Китае) // Баландинские чтения. 2018. Т. 13. № 1. С. 205–209.

- Шульга Д.П., Дурова М.В.** Несторианство: путь «светлого учения» через четыре империи // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 4. С. 51–58.
- Шульга Д.П., Шульга П.И.** «Брактеаты» и «индикации» в контексте монетной традиции Великого Шелкового пути (на примере находки 1989 г. в Сиане) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27. № 1. С. 60–71.
- Ян Гуаньхуа.** Лоян Цзяньси Хэншаньлу Бэйвэйму фацзюэцзяньбао [杨冠华。洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报] Отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй в лоянском районе Цзяньси на улице Хэншаньлу // Вэньу («Культурное наследие»). 2016. № 7. С. 4–14. (на кит. яз.)
- Ян Цзюнькай.** Бэйчжоу шицзюнь му [杨军凯。北周史君墓] Погребение Ши Цзюня из царства Северная Чжоу. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2014. 372 с. (на кит. яз.)

Daniil P. Shulga

*Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation
alkaddafa@gmail.com*

RELIGIOUS ASPECT OF SOLIDS OF THE EASTERN ROMAN EMPIRE IN CHINA

УДК 75.044+94(315)

DOI 10.25205/978-5-6049863-1-8-49-54

Андрей Васильевич Варенов

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

avvarenov@mail.ru

**ОДИН ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ КОНТАКТОВ
ЮЖНЫХ СЮННУ С ИМПЕРИЕЙ ХАНЬ
НА КАРТИНЕ ЮЖНОСУНСКОГО ХУДОЖНИКА
ЧЭНЬ ЦЗЮЙЧЖУНА**

Аннотация: В работе кратко описана биография ханьской поэтессы Цай Янь (Цай Вэньцзи). После захвата столицы Восточной Хань Лояна войсками генерала Дун Чжо в 192 г. она попала в плен к южным сюнну и была выкуплена спустя 12 лет объединившим Северный Китай полководцем Цао Цао. Цай Вэньцзи часто изображали художники разных эпох. Южносунская картина «Вэньцзи возвращается в Хань» написана художником Чэнь Цзюйчжуном в начале XIII в. Полотно аллегорически передает надежду автора на возвращение захваченных чжурчжэнями земель Северного Китая.

Ключевые слова: *Восточная Хань, южные сюнну, Цай Янь (Цай Вэньцзи), Южная Сун, живопись, аллегория, Чэнь Цзюйчжун*

ВВЕДЕНИЕ

Племенной союз (держава) сюнну еще в 48 г. н.э. раскололся на две части – северную и южную, развитие которых пошло разными путями. Южные сюнну на протяжении последующих 250 с лишним лет выступали как вассалы и верноподданные империи Хань и ее преемниц. Какие-то сложности в отношениях с южными сюнну возникали только тогда, когда в Китае начиналась внутренняя смута [Борисов, Варенов, 2016, с. 131]. Яркий пример этому – история ханьской поэтессы Цай Янь (Цай Вэньцзи).

История Цай Вэньци

Цай Янь (蔡琰 ок. 172 – ок. 220), второе имя Вэньци (文姬) или Вэньчао (文昭), дочь Цай Юна (蔡邕/雍, 132–192), сановника, мыслителя, литератора, одного из ведущих поэтов конца Поздней Хань. Она хорошо разбиралась в литературе, музыке и каллиграфии. Совсем молодой Цай Вэньци в первый раз вышла замуж за Вэй Чжундао (卫仲道), вскоре умершего, после чего вернулась домой к отцу. В результате захвата и разграбления Лояна войсками генерала Дун Чжо (董卓) в 192 г.¹, Цай Янь попала в плен к южным сунну и прожила у них двенадцать лет, родив двоих детей.

Полководец Цао Цао (曹操, 155–220), объединивший Север страны, за большие деньги выкупил Цай Янь у сунну, так как надеялся получить от нее сведения о библиотеке Цай Юна, которая бесследно исчезла во время событий 192 г. Он же выдал Цай Вэньци замуж за Дун Сы (董祀)². Цай Янь написала несколько великолепных поэтических произведений, в которых поведала о своей трагической судьбе. Согласно этим произведениям, ей пришлось оставить сыновей у сунну. В наши дни о Цай Вэньци снимают телесериалы, а до этого часто изображали художники разных эпох, включая Мин и Цин³.

Нередко в такие полотна вкладывался символический смысл. Тема была весьма популярна в первые годы после гибели империи Северная Сун и в начале становления Южной Сун, когда при захвате в 1127 г. северо-сунской столицы (на месте современного г. Кайфэн) император Хуэй-цзун (徽宗, даты правления 1100–1126; личное имя Чжао Ци 赵佶, 1082–1135) и его сын Цинь-цзун (欽宗, Чжао Хуань 赵桓) были взяты в плен чжурчжэнями⁴. История о возвращении Цай Вэньци в Китай соответствовала настроениям жителей Южной Сун, молившихся о возвращении императоров⁵. Впрочем, сюжет оставался весьма популярным и много лет спустя после их смерти⁶.

¹ Подробнее о Дун Чжо и захвате им Лояна см. [Борисов, 2015; 2016].

² Официальное жизнеописание Цай Янь содержится в «Хоу Хань шу» (后汉书 «Книга о Поздней Хань», цз. 84, «Дун Сы ци» 董祀妻 «Жена Дун Сы»).

³ Цай Вэньци. URL: <https://baike.baidu.com/item/蔡文姬/6785> (на кит. яз.) (Дата обращения 21.01.2023)

⁴ Во время нашествия чжурчжэней Хуэй-цзун отрекся от трона в пользу сына, правление которого продолжалось менее года.

⁵ Чань Цзюйчжун. «Вэньци гуй Хань ту» чжоу. URL: <https://baike.baidu.com/item/陳居中《文姬歸漢圖》軸/14766032> (на кит.яз.) (Дата обращения 21.01.2023)

⁶ Более-менее прочный мир с чжурчжэнями был подписан только в 1141 г., когда пленные монархи уже умерли на чужбине и на родину возвратили лишь гробы с их телами. Подробнее о сунско-цзиньских отношениях см. [Гончаров, 1986].

Свиток Чэнь Цзюйчжуна «Вэньцзи возвращается в Хань»

Весьма показательна в этом плане картина Чэнь Цзюйчжуна «Вэньцзи возвращается в Хань». Художник Чэнь Цзюйчжун (陈居中) жил в Южной Сун в XII – начале XIII века. Даты его рождения и смерти неизвестны, но есть сведения, что в годы правления южно-сунского императора Нин-цзуна (宁宗, 1194/95–1224) под девизом Цзя-тай (嘉泰, 1201–1204) Чэнь Цзюйчжун занимал должность *дайчжао* (待詔) в Академии живописи Южной Сун [БКРС, Т. 1, 1983, с. 151]. Считается, что Чэнь Цзюйчжун специализировался на изображениях степных всадников и их кочевой жизни⁷. Ему приписывают вертикальный свиток «Вэньцзи возвращается в Хань» (文姬归汉图 *Вэньцзи гуй Хань ту*, 147,4×107,7 см, шелк, тушь, краски, музей Гугун, Тайбэй)⁸. На картине нет подписи или печати автора, но долгое время она считалась, да и сейчас продолжает считаться созданной Чэнь Цзюйчжуном⁹.

Свиток «Вэньцзи возвращается в Хань» изображает передачу поэтессы послу Цао Цао на границе владений империи Хань и сюнну, обставленную как своеобразный «пикник на обочине». Сцена показана как бы «со стороны Китая». Цай Янь сидит на прямоугольном ковре напротив провожающего ее предводителя левого крыла сюнну Цзо Сянь-вана (左賢王)¹⁰. Близ ковра четверо слуг подают им напитки и угощения. Сзади Цай Вэньцзи на ковре стоят двое ее детей. Младший крепко ухватился за мать. В отдалении, меж холмов на заднем плане – еще несколько слуг (возможно, конюхов), лошадь и верблюд с навьюченной поклажей (видимо, пожитками Цай Вэньцзи)¹¹. Китайский посол в красном облачении сидит на особой циновке. Перед ним пара охранников, вооруженных луками, а за спиной – свита с угоще-

⁷ Чэнь Цзюйчжун. URL: <https://baike.baidu.com/item/陈居中/2304724> (на кит.яз.) (Дата обращения 21.01.2023)

⁸ В монографии Т.А. Постреловой картина названа «Монгольский лагерь; Вэнь Чжи возвращается в Китай», в качестве места ее хранения указан пекинский музей Гугун, а автора – Чань Цзюйчжун [Пострелова, 1976, с. 200].

⁹ Чэнь Цзюйчжун. «Вэньцзи гуй Хань ту» чжоу. URL: <https://baike.baidu.com/item/陈居中《文姬归汉图》轴/14766032> (на кит.яз.) (Дата обращения 21.01.2023)

¹⁰ Цзо Сянь-ван – не личное имя, а титул / должность у сюнну, вторая по значению после *шаньюя*. Споры о том, была Цай Вэньцзи законной женой или наложницей Цзо Сянь-вана, продолжают до сих пор. Цзо Сянь-ван. URL: <https://baike.baidu.com/item/左贤王/1164749> (на кит.яз.) (Дата обращения 21.01.2022)

¹¹ Южная Сун. Чэнь Цзюйчжун. «Вэньцзи гуй Хань ту» чжоу. Хранится в музее Гугун в Тайбэе. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_3fc15f510102xo9k.html (на кит.яз.) (Дата обращения 21.01.2023)

Рис. 1. Картина Чэнь Цзюйчжуна «Вэньцзи возвращается в Хань»:

По: [Чэнь Цзюйчжун. «Вэньцзи гуй Хань ту» чжоу. URL: <https://baike.baidu.hk/item/陳居中《文姬歸漢圖》軸/14766032> (на кит.яз.) (Дата обращения 21.01.2023)].

ниями, опахалами, сложенными зонтами и т.п. и пара лошадей. Еще несколько лошадей, видимо, для членов свиты посла, привязаны поодаль близ кустов, на переднем плане картины (рис. 1).

Сюннская делегация, доставившая к пункту передачи Цай Вэньцзи, выглядит весьма скромно. Мы видим всего четырех слуг близ ковра в центре, нескольких конюхов, пару лошадей и вьючного верблюда в верхней части картины на заднем плане. Цзо Сянь-ван почти не отличается одеждой от своих слуг и поза у него какая-то согбенно-зайскивающая, чуть ли не просительская. Напротив, яркая красная одежда ханьского посла моментально бросается в глаза, он сидит с прямой спиной, гордо выпятив живот, так что сразу заметно, кто здесь главный. Свита китайского посла включает порядка 15 человек. На полотне показано не менее 12 принадлежащих им лошадей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возможно, обращаясь к теме «возвращения Вэньци» в начале XIII в., художники Южной Сун выражали надежду, что занятый чжурчжэнями север страны тоже рано или поздно «вернется в родную гавань» [Чжунго лидай, 1995, с. 102]. Основания для таких надежд могли дать им неудачи чжурчжэней в войне с монголами Чингис-хана, которая как раз и развернулась в начале XIII в. [Варенов, 2023, с. 95–96]. Южная Сун приняла участие в этом конфликте на стороне монголов, правда, особых лавров не снискала.

Картина Чэнь Чзюйчжуна дает прекрасную возможность проверить высказанное нами предположение, что оформление хвостов верховых коней в виде туго завязанного узла с двумя свисающими прядями во второй половине XII – начале XIII в. было одинаково характерно и для Цзинь, и для Южной Сун [Варенов, Пан, 2022]. Хвосты у всех «ханьских» лошадей посольской свиты на картине Чэнь Чзюйчжуна завязаны тугим узлом с двумя свисающими прядями. Как именно оформлены хвосты коней у «сюннуской» делегации, доставившей Цай Вэньци к месту передачи, не видно. Но зато это демонстрируют как иные картины того же Чэнь Цзюйчжуна, так и полотна, написанные цзиньскими художниками и изображающие чжурчжэньских всадников [Варенов, 2022].

Литература

- БКРС, 1983 – Большой китайско-русский словарь. Т. 1. М: ГРВЛ, 1983. 552 с.
- Борисов Д. Э.** Биография Цао Цао: на перепутье. Смерть императора Лин-ди и переворот Дун Чжо (188–189 гг. н. э.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 10: Востоковедение. С. 54–61.
- Борисов Д. Э.** Биография Цао Цао: перемена участи. Восстание лоялистов и развал лагеря повстанцев (190–192 гг. н. э.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 4: Востоковедение. С. 137–146.
- Борисов Д. Э., Варенов А. В.** Политика Поздней Хань в отношении северных соседей и ее последствия для экономики империи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 4: Востоковедение. С. 129–136.
- Варенов А. В.** Две цзиньские картины рубежа XII–XIII веков и специфика формирования в КНР коллекций средневековой живописи // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока. Материалы V Междунар. Науч. конф. 7–8 окт. 2022 г. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. С. 49–55. DOI 10.25205/978-5-4437-1405-9-49-55
- Варенов А. В.** Три средневековые китайские картины об отъезде девушек на чужбину и их историческая основа // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 88–101. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-88-101

- Варенов А. В., Пан Т. А.** Средневековая китайская картина «Кочевники» и проблема ее атрибуции // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 4: Востоковедение. С. 21–41. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-21-41
- Гончаров С. Н.** Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун, 1127–1142. М.: ГРВЛ, 1986. 296 с.
- Пострелова Т. А.** Академия живописи в Китае в X–XIII вв. М.: ГРВЛ, 1976. 240 с., 22 л. ил.
- Чжунго лидай** хуйхуа цзинпин 100 фу шанси [中国历代绘画精品100幅赏析。周卫明, 徐建融编著]. Собрание 100 шедевров китайской живописи прошлых лет. Под ред. Чжоу Вэймина, Сюй Цзяньжуна. Цзинань: Шаньдун кэсюэ цзишу чубаньшэ, 1995. 205 с. (на кит. яз.)

Andrey V. Varenov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
avvarenov@mail.ru*

**AN EPISODE FROM THE HISTORY OF SOUTHERN XIONGNU
AND HAN EMPIRE CONTACTS AS REFLECTED
IN THE SOUTHERN SONG PAINTING BY CHEN JUZHONG**

Abstract: This paper briefly describes the biography of Han poetess Cai Yan (Cai Wenji). After the capture of Eastern Han capital city Luoyang by general Dong Zhuo's troops in 192 AD she became a prisoner of Southern Xiongnu and 12 years later was redeemed by Cao Cao general. Cai Wenji was often a subject for artists of different periods. Southern Song painting "Wenji returns to Han" by Chen Juzhong was finished at the beginning of the XIII century. It expresses allegorically the hope of the author that Chinese territories captured by Jurchen will return to Song.

Keywords: *Late Han Empire, Southern Xiongnu, Cai Yan (Cai Wenji), Southern Song, paintings, allegory, Chen Juzhong*

Давронбек Хашимович Кадыров

*Бухарский государственный университет
Бухара, Узбекистан
dagotys@mail.ru*

СУФИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ АБУЛКАСЫМА КУШАЙРИ

Аннотация: *В статье рассматривается философско-суфийские трактаты персидского исламского ученого, мыслителя и суфия Абдулкарим бин Хавазин Абулькасым аль-Кушайри аль-Найсабури, который родился в 986 году в городе Устува, который расположен близ Нишапура, на северо-востоке Ирана. Абулькасым Кушайри считается среди исламских ученых суфием с отличными знаниями во всех областях исламской науки, а также плодовитым автором, написавшим работы во многих областях. Он известен своими произведениями по акыде, в области тафсира, хадиса и фикха, а также своими мистическими трудами.*

Ключевые слова: *философия, суфизм, трактат, наследие, взгляды, исследование.*

Восток с древних времен отличается своим мышлением и философскими воззрениями, внося несравнимый вклад в научное, духовное и культурное развитие человечества. Одним из ученых, прославившихся своим суфийским и мистико-философским научным наследием в эпоху Восточного Возрождения, является суфий, ученый исламских наук и мыслитель Абулькасым Абдулкарим Кушайри, живший в X–XI веках в Хорасанском городе Нишапур.

Абулькасым Кушайри считается среди исламских ученых суфием с отличными знаниями во всех областях исламской науки, а также плодовитым автором, написавшим работы во многих областях. Хотя некоторые работы Кушайри уже исследованы, но многие рукописи все еще ждут проведения исследований и публикации, которые находятся в библиотеках разных стран. Некоторые его произведения входят в число биографических произведений, не дошедших до наших дней или еще не обнаружены исследователями. Сведения о количестве сочинений ученого разнятся в связи с отсутствием единого мнения среди исследователей и востоковедов. Например, египетский ученый Ибрагим Басюни говорит, что количество работ Кушайри около двадцать трех книг. [Басюни, 1972, с. 44–46]

На основании классификации сочинений Абулкасыма Кушайри по суфизму мы сочли необходимым выделить следующие трактаты:

1. Ар-рисала фи ат-тасаввуф (Трактат о суфийской науке)

Эта самая популярная работа Кушайри, которая сделала его известным среди суфийских авторов и исследователей восточной мистической философии, а также это произведение стоит рядом с его комментарием Корану, озаглавленным «Латаиф аль-ишарат». Трактат был опубликован в 1046 году, и целью автора было познакомить современника с настоящими суфиями и предостеречь людей от фальшивых суфийских тарикатов, просветить народ, разъяснить тонкие стороны суфизма начинающим adeptам суфийской пути – саликам, описать крайности и эксцессы суфиев с исламской точки зрения, их достоинства, ошибки и недостатки. Некоторые суфии даже считали этот трактат святым, и верили что в дом, где она хранится не войдет зло и не достигнет бедствие [Ташкопрюзаде, 1312].

Произведение «ар-Рисала» высоко оценено научной общественностью, и оно послужило многим суфийским авторам ориентиром, писавших книги в этой области. Есть много рукописных копий произведения во многих библиотеках по всему миру. Большая часть трактата состоит из цитат, отражающих точку зрения автора. Хотя стиль работы прост и понятен, из-за его важности также были опубликованы резюмированные и исправленные копии для лучшего понимания читателей. Проверенные экземпляры трактата были изучены и опубликованы различными исследователями. Первое издание было опубликовано Абдулхалимом Махмудом в 1966 году в Каире. Второй экземпляр был опубликован в Бейруте в 1993 году Маруфом Зариком и Али Абдулхамидом Болтаджи. Третий экземпляр был издан в Дамаске в 2000 году под комментариями Абулхалима Махмуда, Махмуда бин Шарифа и Абдулкарима аль-Ата.

Наряду с этими книгами существует несколько отзывов о трактате «ар-Рисала». Среди комментариев самым известным и лучшим является комментарий Закарии бин Мухаммада Ансари под названием «Ихкам ад-далала ала тахрир ар-Рисала» (1519 г.). Этот комментарий Ансари был истолкован Зайнул-абидином аль-Ансари и переписан в сокращенном виде под названием «Тахзиб ад-далала ала танкил ар-Рисала» [аль-Ансари, 1957].

Комментарий Ансари был позже переписан Мустафой аль-Аруси под названием «Натайж аль-афкар аль-кудсия фи маани шария ар-Рисала аль-Кушайрия» и несколько раз публиковался с дополнениями и комментариями [аль-Аруси, 2000].

Впрочем, другой комментарий «ар-Рисала» было написано Садид ад-дином Абу Мухаммадом Абдулмути ибн Махмудом Лахми аль-Искандари под названием «Ад-далала фи фаваид ар-Рисала». Исследователь Абул Аъла Афифи в своей статье под названием «Неизвестный комментатор трактата Кушайри», опубликованной в журнале «Маджалла куллият аль-адаб» говорит, что Закария Ансари просто прокомментировал эту интерпретацию Лахми. По его словам, Ансари лишь резюмировал и немного дополнил комментарий Лахми [Афифи, 1960, с. 1–18].

Известные переводы трактата «ар-Рисала»:

1. Исследования и переводы на Востоке: Трактат был переведен на персидский язык Абу Али Хасаном бин Ахмадом Османи, учеником и последователем Кушайри. Перевод Абу Али Османи был изучен иранским исследователем Бадиуззаманом Фирузанфаром и опубликован в Тегеране. А также, трактат впервые на турецкий язык было переведено Ходжа Садиддином (1536–1599). А в середине прошлого века первый перевод трактата на турецкий язык сделано Тахсином Язичи в 1966 году, а затем в 1978 году Али Арсланом Айдын. Еще один превосходный турецкий перевод был сделан ученым философом и востоковедом Сулейманом Улудагом в 1978 и 1981 годах и включал жизнь Кушайри, его труды и сравнения с некоторыми суфиями. Исследователь в предисловии издания на восьмидесяти страницах описывает уникальный аспект трактата, его источники, влияние и даты смерти большинства суфиев, упомянутых в произведении. Кроме того, в нем отредактированы аяты и хадисы, значение некоторых фраз заключено в скобки, а в некоторых местах дана дополнительная поясняющая информация.

2. Исследования и переводы на Западе: Мистические термины трактата «ар-Рисала» были переведены и опубликованы Ольгой де Лебедевой (*Traite sur le Soufisme par Kusheyrî*, Roma 1911), а заключение и другие главы были переведены и опубликованы Ричардом Хартманном (Берлин, 1914). Работа была полностью переведена на немецкий язык Ричардом Грамлихом (*Richard Gramlich, Das Sendscheiben, Al-Qusayris Über Das sûffism, Wiesbadem 1989*).

Во введении к этому переводу даны сведения об учителях, учениках Кушайри и важных событиях того времени. При выполнении этого перевода переводчик использовал комментарий Ансари и Мустафы Аруси. Перевод был выполнен в свободном стиле. Российский исследователь А. Кныш отмечает, что этот перевод прекрасно выполнен, он прост и учтены многие подробности [Knysh, с. 368–388].

2. Китаб джавахир аль-мансур (Книга о рассыпанных драгоценностях)

Эта работа, которая является одной из самых важных работ Кушайри, в настоящее время является единственной известной копией. Произведение состоит из 82 страниц, и на первой странице, после восхвалений, благословений и од Посланнику, автор подчеркивает, что Божьих благ и благодеяния невозможно вообразить и выразить языком. Кроме этого, мыслитель дополняя свою мысль говорит, что человек не в состоянии перечислить этих благ.

Затем Кушайри переходит к наставлениям. Это видно из его высказывания: «Повинуйтесь Аллаху, не будьте непокорными. Знайте Бога единым; не придавайте ему сообщника. Признайте правду, не порочьте Его честь. Подтверждайте Его и нежалуйтесь. Будьте терпеливы, не упрекайте. Стойте твердо в предписаниях ислама, не разделяйтесь...» [Kuşeyri, с. 2–4]. Такие наставления он приводит во вступлении трактата.

В этой работе Кушайри мало цитирует суфиев, но пытается создать тонкие аспекты религии ислама стихами из Корана и хадисами, а иногда и словами и изречениями своего учителя Абу Али ад-Даккака. Автор затрагивает некоторые важные мистические темы, а произведение выделяется тем, что он часто выражает свои взгляды и воззрения.

3. Тартиб ас-сулук фи тарика Аллаха (Порядок хождения по пути Аллаха)

В этой работе мыслитель акцентирует внимание на мистические состояния, с которой могут столкнуться салики – начинающие адепты суфийской пути. Он описывает словесный зикр, зикр сердца и зикр всех органов. Кушайри утверждает, что салик должен быть как мертвец, чтоб не потерять свое мистическое состояние. В ней он объясняет состояния ширб и джам аль-джам в отдельной главе и описывает некоторые случаи из своих мистических состояний.

Первое отредактированное издание этой работы было опубликовано Касимом Самарраи в 1962 г. [Самарраи, 1962, с. 262]. Второе издание было переведено на немецкий язык немецким востоковедом Фрицом Майером в 1963 г. [Maier, 1963, с. 1–39]. Третье издание было подготовлено Мухаммедом Хасаном и опубликовано в Пакистане в 1964 году на основе копии из библиотеки Ая Сафии. Четвертое издание этой работы было опубликовано в Каире в 1968 году Ибрагимом Басюни, знатоком и исследователем Кушайри [Кушайри, 1968].

В целом среди исследователей существуют разные взгляды и разногласия относительно количества произведений Кушайри, относящихся к суфизму. Причина этого в том, что большая часть произведений мыслителя не изучена и хранится в разных библиотеках мира. В то же время отсутствие взаимодействия между учеными, проводящими исследования о жизни и наследия Кушайри, сказывается на эффективности этих работ. В заключение можно сказать, что для изучения мистико-философских воззрений мыслителя и суфия Абулкасыма Кушайри необходимо найти произведения, хранящиеся в мировых библиотеках и проводить исследование над наследием великого ученого Восточного Ренессанса.

Литература

- Ибрагим Басюни.** Имам Кушайри, Хаятуху, Асараху и Мазхабуху фит-тасаввуф. Каир, Матбаа аль-бухус аль-Исламия, 1972. С. 44–46.
- Ташкопрюзаде Ахмед Эфенди,** Мевзуат аль-улум, Дерсаадет, Стамбул, 1312. I, 797. (на тур.яз.)
- Абу Яхья Закария бин Мухаммад аль-Ансари.** Ахкам ад-далала аля тахрир ар-Рисала. Бейрут, Дар аль-кутуб аль-арабия, 1957 г. (на араб.яз.)
- Мустафа аль-Аруси.** Натаиж аль-афкар аль-Кудсия фи маани шарх ар-Рисала аль-Кушайрия ли-шейх аль-ислам Закария бин Мухаммад аль-Ансари. Бейрут, Дар аль-кутуб аль-ильмия, 2000 г. 127 с. (на араб.яз.)
- Абу Ала Афифи.** Шарих маджхул мин шуррах ар-Рисола аль-Кушайрия // Маджалла куллия аль-адаб, Александрия, 1960. С. 1–18. (на араб.яз.)
- Knysh A.** Journal of the Royal Asiatic Society, II, pp. 386–388.
- Kuşeyri Cevâhir.** vr. 2ab–4ab. (на тур.яз.)
- Касим Самарраи.** Арбаъуна расаил фи ат-тасаввуф ли-Абулкасим Кушайри // Маджалла аль-маджма аль-ильмий аль-ираки, Багдад, 1962. С. 262. (на араб.яз.)
- Fritz Mayer.** “Qusayri’s-Tar tib as-Sulûk”, Oriens, Leiden, E.J.Brill, 1963, XVI, pp. 1–39.
- Кушайри Абулкасим.** Тарик Аллах таала би-тартиб ас-сулук. Каир, 1968. 57 с. (на араб.яз.)

Davronbek H. Kadirov

*Bukhara State University
Bukhara, Uzbekistan
dagotys@mail.ru*

SUFI HERITAGE OF ABULKASIM KUSHAYRI

Abstract: The article discusses the philosophical and Sufi treatises of the Persian Islamic scholar, thinker and Sufi Abdulkarim bin Khavazin Abulqasim al-Qushayri al-Naysaburi, who was born in 986 in the city of Ustuva, which is located near Nishapur, in the north-east of Iran. Abulqasim Kushayri is considered among Islamic scholars as a Sufi with excellent knowledge in all areas of Islamic science, as well as a prolific author who wrote works in many areas. He is known for his works on aqida, tafsir, hadith and fiqh, as well as for his mystical writings.

Keywords: *philosophy, Sufism, treatise, heritage, views, research.*

Андрей Сергеевич Ряжев

*Независимый исследователь
Тольятти, Россия
riazhev@yandex.ru*

БУХАРСКИЕ ПИСЬМА И ИХ РОССИЙСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ: ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ (НАЧАЛО 1790-Х ГГ.)

Аннотация: Исследование посвящено вероисповедной политике Екатерины II на юго-востоке Российской империи. В нем изучено отношение российских властей к внешним религиозным связям казахов и воздействию на них дипломатии Османской империи и среднеазиатских государств. Обозначено, что подобное отношение диктовалось логикой русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и её последствий. Исследование основано на неопубликованных источниках Российского государственного архива древних актов (РГАДА). В целом предлагаемая работа расширяет представления о роли религии в политике и дипломатии раннего Нового времени, важности мусульманского фактора для курса России на Востоке к концу XVIII в.

Ключевые слова: *Российская империя; Екатерина II; вероисповедная политика; Османская империя; Бухарское ханство; казахи; Младший жуз.*

Вероисповедная политика Екатерины II – актуальный вопрос историографии истории раннего Нового времени [Ряжев, 2006, с. 84–86]. Одним из его важных аспектов является отношение екатерининской монархии к восточным религиям и их носителям. Это подразумевает изучение мер государства той эпохи на подступах к юго-восточным границам России, в том числе на среднеазиатском направлении. В период русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и позже российские власти в центре и на местах испытывали беспокойство по поводу возможности в макрорегионе религиозного антироссийского движения под влиянием дипломатии и мусульманского духовенства Турции и связанных с ней среднеазиатских государств. Подобный дипломатический контекст нужно изучить, что и входит в задачу предлагаемой работы.

Религиозная обстановка в казахских кочевьях, особенно в Младшем жузе, освещена в литературе о мусульманском духовенстве на русской службе [Ковальская, Любичанковский, 2017, с. 18–32]. Изучен также ряд принципиальных дипломатических и религиозных аспектов российского курса в отношении кочевой степи в целом [Шаблей, 2010, с. 91–107; Султангалиева, 2012, с. 35–39; Ряжев, 2020, с. 101–104; Campbell, 2017].

Источниками по теме исследования являются в основном документы. Неизданные бумаги выявлены в переписке уфимского наместника (губернатора), хранящейся в Российском государственном архиве древних актов [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 1–4]. В 1790–1794 гг. упомянутую должность правил генерал-майор барон А.А. фон Пеутлинг. Документы, главным образом, его донесения императрице Екатерине II, посвящены управлению и безопасности юго-востока страны и обстановке на сопредельных территориях, а также в Средней Азии. Они дают представление о пограничных вопросах, общественных и культурных связях кочевников со среднеазиатскими государствами, присутствию в регионе турецкой агентуры и ее прямом влиянии на казахов и туркменов близ российских границ, и по сему значение бумаг здесь трудно переоценить.

Привлечены также опубликованные документы, характеризующие общественный уклад жизни и обусловленную им деятельность мусульманского духовенства у казахов [Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, 1940].

Пограничная обстановка на российском юго-востоке в изучаемое время осмысливалась властями страны сквозь призму продолжавшейся войны с Турцией. Ситуация начала 1790-х гг. была также осложнена движением в Младшем жузе, во главе которого с 1783 г. стоял старшина Срым Дат-улы (Датов). В борьбе против ханской династии он искал помощи и в России, и в Средней Азии. Последнее заставляло российские власти относиться к нему настороженно и в ходе войны подозревать в нелояльности, готовности соответствовать видам османской политики, идти на союз с другими силами такого рода, в частности, с чеченским шейхом Мансуром. Не исключали власти и действий в ближайшем к России азиатском степном регионе собственно турецких сил, на которые могли бы опереться недовольные Россией кочевники.

Подобными опасениями проникнут ряд всеподданнейших донесений губернатора Пеутлинга в 1791 г. В частности, 29 января савонник сообщал Екатерине II о том, «что по киргис-кайсацкой Орде

есть точные слухи о вступлении в персидские границы турецкого военачальника с корпусом», который затем двинется в Бухару и предпримет действия против России. В его поддержку склонен выступить Срым Датов и другие казахские старшины, которых к этому усердно подстрекают муллы из Бухары. Тексты посланий русским властям передал мулла Г. Искендеров – доверенный человек губернатора, и тот переправил их императрице вместе с донесением от 12 февраля 1791 г. Письма призывали казахов Младшего жуза к мусульманской солидарности и, соответственно, к войне против христианской России, которая, как значилось в посланиях, «приклоня голову к немцам» и в союзе с ними «имеют с турками войну» [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 2. Л. 22].

Призывы «дать султану турецкому помощь» российские региональные власти не могли воспринимать индифферентно: за ними ощущалась потенциальная угроза «борьбы за веру» под главенством Срыма или других лидеров Младшего жуза [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 2. Л. 22 об]. В этой связи наместник 23 апреля 1791 г. информировал монархиню, что им приняты меры для разрыва отношений казахов с Бухарой, в частности, по его указанию российским мусульманским духовенством начата кампания «о сильнейшем отклонении киргиз-кайсацкого народа от посылки детей своих для обучения в Бухарию» [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 3. Л. 2].

Кроме того, губернатор из-за распространения мусульманских призывов к «борьбе за веру» испытывал опасения по поводу настроений мусульман и на российской территории. В этой связи донесение сановника Екатерине II от 11 июля 1791 г. гласило о командировании чиновников для проверки настроений башкир в Уфимской губернии под предлогом «обозрения присутственных мест» [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 3. Л. 22–23 об].

На протяжении 1792 г. от российских мулл, служивших в степи, поступала информация, что посланец Срыма был направлен в Бухару, рядом же со Срымом постоянно пребывают предубеждённые в отношении России муллы – и бежавшие из российских пределов, и пришлые бухарцы. Об этом А.А. Пеутлинг доносил в столицу в июне и сентябре 1792 г. [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 3. Л. 183 об, 263; Материалы по истории Казахской ССР. С. 128, 129].

К этому времени в Младшем жузе была восстановлена ханская власть, что ещё более настроило Срыма против России. В марте и июне 1792 г. губернатор сообщал о новых сведениях от его степных информаторов. Те доносили, что враждебные России муллы из окруже-

ния батыра нашли ему очередной повод для недовольства – «выбор хана Эрали по закону их несправедлив», а посему Срым может отвергнуть его именно по религиозным соображениям [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 3. Л. 156 и об, 182–184]. Опасения подкреплялись на протяжении 1792 г. сведениями о «скопищах» кочевников близ границы в удобных для нападения местах. Известия о близком к Срым и настроенном против России духовенстве в степи поступали и в 1793 г., и они также транслировались губернатором в Петербург [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 4. Л. 43 и об., 46, 47]. От самого губернатора подобные новости требовали заботы о состоянии пограничных войск, регулярных и иррегулярных, а от российской дипломатии в Константинополе, получавшей соответствующие депеши – постоянной проверки истинных намерений Турции. В итоге юго-восточный макро-регион близ России становился ареной постоянных русско-османских дипломатических противоречий.

Литература

- Ковальская С. И., Любичанковский С. В.** Религиозная политика Российской империи в казахской степи в период XVIII–XIX веков // Университетский научный журнал: филологические и исторические науки, археология и искусствоведение. 2017. № 33. С. 18–32.
- Материалы по истории Казахской ССР. (1785–1828 гг.)**/ отв. ред. В. И. Лебедев. Т. 4. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 543 с.
- Российский государственный архив древних актов.**
- Ряжев А. С.** Вероисповедная политика русского «просвещенного абсолютизма»: история изучения // История и историки: историографический вестник. М., 2006. С. 84–126.
- Ряжев А. С.** Мираж религиозной войны: обстановка на юго-востоке российской империи в оценках пограничных властей (конец 1780 – начало 1790-х гг.) // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. Сборник научных трудов. М.: ОнтоПринт, 2020. С. 100–112.
- Султангалиева С. Г.** Первый муфтий оренбургского мусульманского собрания Мухамеджан Хусаинов и казахские старшины // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы (Вестник КазНУ. Сер. Историческая). 2012. № 1. С. 35–39.
- Шаблей П. С.** Социальный облик мусульманских служащих в казахской степи (конец XVIII – середина XIX в.) // Pax Islamica. 2010. № 2 (5). С. 91–107.
- Campbell I. W.** Knowledge and the ends of Empire: Kazak intermediaries and Russian rule on the steppe, 1731–1917. Ithaca: Cornell University Press, 2017. XIV, 273 p.

Andrey S. Ryazhev

*Independent researcher
Tolyatti, Russian Federation
riazhev@yandex.ru*

**LETTERS FROM BUKHARA AND THEIR RUSSIAN INTERPRETATION:
THE DIPLOMATIC CONTEXT OF RELIGIOUS RELATIONS
IN CENTRAL ASIA (EARLY 1790S)**

Abstract: The study mainly concentrates on the religious policy of Catherine II in the southeast of the Russian Empire. The attitude of the Russian authorities to the external relations of the Qazakhs and the impact of the diplomacy of the Ottoman Empire and Central Asian states on Qazakhs is examined here. The author indicates that such an attitude was dictated by the logic of the Russian-Turkish war of 1787–1791 and its consequences. The research bases on unpublished sources of the Russian State Archive of Ancient Charters (RGADA). In general, the proposed work expands the understanding of the role of religion in politics and diplomacy of the early Modern times, the importance of the Muslim factor for the course of Russia in the East by the end of the 18th century.

Keywords: *Russian Empire, Catherine II, religious policy, Ottoman Empire, Bukhara khanate, Qazakh people, Small Qazakh horde.*

Мухаммадали Акобирович Мубинов

*Бухарский государственный университет
Бухара, Узбекистан
tubinovm94@mail.ru*

ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ БУХАРСКОГО ЭМИРАТА АНГЛОЯЗЫЧНЫМИ АВТОРАМИ

Аннотация: В статье систематизирован и обобщен историографический материал – исследования зарубежных англоязычных авторов по истории Бухарского эмирата в XIX веке. Изложена краткая характеристика трудов западных англоязычных авторов и представлена периодизация зарубежной английской литературы по истории эмирата.

Ключевые слова: *западная историография, источниковедение, англоязычные авторы и путешественники, Бухарский эмират, англо-американские исследователи, Английская колонизация, исторические источники, анализ, социально-культурная жизнь, экономика.*

Западные, точнее европейские и американские специалисты в области историографии проявили большой интерес к истории Центральной Азии, также к истории Бухарского эмирата, так как нам известно, что в XIX веке Бухарский эмират превосходил другие страны региона по разным областям. Эмират владел огромным социально-экономическим и природным потенциалам и военно-политической мощью. И это естественно то, что Бухарский эмират вызвал очень большой интерес зарубежных англоязычных писателей, историков, путешественников.

По историческим источникам, первые сведения о Бухарском эмирате появляются в зарубежной литературе с началом экономического проникновения Англии на территорию Туркестанского края. В частности, по словам немецкого исследователя и путешественника Эверсмана, принятого в состав экспедиции в Бухару по приглашению Петра I в 1714 году, как очевидца на базарах Бухары продавалось большое количество английских промышленных изделий, ввозившихся в город персидскими и отчасти индийскими купцами [1. 76]. Исходя из этого, можно сделать выводы о том, что Бухарский эмират, особенно

город Бухара была особое место, где политические, социально-экономические и торговые отношения высоко развивались, а связи с тем, что город представлял собой центр культуры и международных отношений.

В статье мы даём внешний обзор и системный анализ авторам, которые были очевидцами, побывшие в Бухарском эмирате и их трудах. Предлагаем частично делить изучаемый период на две части, как первая и вторая половина XIX века. По нашему взгляду в зарубежной историографии, в особенности в написанных англоязычными исследователями исторических трудах, пока отсутствуют исследования, которые полностью и целиком отражали бы историю Бухарского эмирата. Несмотря на то, что в XIX веке имеется очень много исторических источников и книг, которые отражают различные политические, социально-культурные и торгово-экономические события в Бухарском эмирате история эмирата освещена в совокупности, вместе с другими ханствами Средней Азии.

Кроме того, надо отметить то, что в рассматриваемый период собрался огромный поток трудов, то есть исторических источников с накапливаемыми ценными сведениями зарубежными путешественниками и специалистами, посетивших Бухарский эмират и регион Центральной Азии с той или иной целью. В свою очередь, нам необходимо обратить внимание на то, что в отличие от своих центральноазиатских современников, зарубежные англоязычные авторы не имели оснований идеализировать события, поэтому в их трудах, записках и отчётах нашла отражение более объективная история. Но при толковании этих событий англоязычные авторы могли бы совершать недопонимание или ошибки, с которым надо разбираться в критических взглядах.

В первой половине XIX в. Бухарский эмират посетили такие авторы как В. Муркрофт [2. 56], А. Бёрнс [3. 45], Дж. Вольф [4. 98]. Путешествие этих авторов занимает ключевое место в открытии территории Бухарского эмирата для зарубежных, англо-американских специалистов и исследователей. В том числе, посещая разные регионы, путешественники имели возможность наблюдать определенные различия в системе государственного управления, социально-экономической и культурной жизни у разных народов, находившихся в подданстве Бухарского эмирата и других ханств Центральной Азии [5. 21–23].

Согласно историческим фактам, вышеприведенные авторы совершили свои исследования, стремясь на военно-стратегические

цели, то есть, поискав условия в регионе для проникновения Английской колонизации [б. 385], в результате чего облегчилось бы ввозить английские промышленные товары на территорию эмират, через который в регион Центральной Азии. Благодаря их путешествиям, появились ценные произведения и воспоминания, которые способны дать обширную информацию о путях, торговых направлениях в Бухарский эмират и его города, а также народах, расположившихся на этих путях, их образ жизни, социально-экономическом положении, торгово-экономических и культурных связях эмирата с другими странами.

В частности, в 1819–1825 годах первая английская миссия в Среднюю Азию совершена под руководством В. Муркрофта и Ж. Требека, финансировавшая Ост-Индской компанией, в последствие чего появляется произведение под названием «*Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz, and Bokhara from 1819 to 1825*» («Путешествия по гималайским провинциям Индостана и Панджаба; в Ладакх и Кашмир; в Пешавар, Кабул, Кундуз и Бохару с 1819 по 1825 год») в двух томах, которая опубликована Хойманом Вилсоном на основе статьи и воспоминания В. Муркрофта в страницах журнала Королевского Азиатского общества. В первой части произведения подробно описаны пути в Индии и Центральной Азии, разные религии, социальная жизнь, экономика населения, населявших в Индии и разных регионах Индостана и Центральной Азии, особенно ремесло и народное хозяйство обширно изложены, благодаря чему повышается ценность работы. Во второй части автор сообщает ценные сведения о Кашмире, Яркенте, Тибете, киргизских землях, Кабуле, торговых путях в Среднюю Азию, а также в Бухарский эмират, такие продукции в торгово-экономических отношениях как шелк, хлопок, рис, лошадь, разные минералы, фрукты, драгоценности, вино и др. Более того, информации о Карши и путях, ведущих в Бухару, прибытии в Бухаре, переговорах с эмиром, приёме во дворце Бухарского эмира очень важные и чрезвычайно ценные [2. Том 1. 535; Том 2. 546.].

По историческим источникам, из путешествий первой половины XIX в. в Бухарский эмират следует отметить поездку офицера Ост-Индской компании Александра Бёрнса (1805–1841), который составил подробное описание путешествия, вышедшее в трех томах в Лондоне под названием «*Travels into Bokhara; being Account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia ... . Vol I–III*» (Путешествие в Бухару: рассказ о путешествии из Индии в Кабул, Тартарию и Пер-

сию...) [3. 399; 506; 370]. В книге автор подробно сообщает о том, что транзитная торговля между Европой и Азией была очень важна Бухарскому эмирату, и следовательно вопрос о торговых путях Средней Азии рассматривался Бёрнсом как главный фактор англо-русского соперничества на среднеазиатских рынках. Кроме того, книга содержит сведения о центральном и местном государственном управлении, землевладении, армии и её обороноспособности, мобилизационных возможностях Бухарского эмирата, в том числе, Бёрнс детально описывая свое прибытие в Бухару, привёл обширную информацию о социальной жизни населения, обычаях, семейном быте, одежде, нравах бухарцев, о правовом положении таких народов как евреи, индусы, европейцы. Интересно то, что Бёрнс посетил мазар Бахауддина Накшбанда, и это освещается в его произведении вместе с другими важными сведениями об архитектурных памятниках и облике Бухары [7. 211–219]. Таким образом, путешествие Александра Бёрнса занимает особое место в изучении научных подходов и заключения зарубежных исследователей о Бухарском эмирате, связи с этим сделав выводы, можно отметить то, что книга Бёрнса основной источник в этой области среди своих современников.

Большое научное значение имеет дипломатическая миссия Джозефа Вульфа (1795–1862) в Бухару с целью установления контактов с местными правителями и сбора информации о регионе. Британский путешественник, исследователь и дипломат дважды совершил путешествие в Бухару, которая была важным политическим и культурным центром Центральной Азии, в 1832 и 1843 годах и его экспедиция в Бухару была одной из наиболее известных и значимых в его исследовательской карьере. В ходе своего пребывания в Бухаре Дж. Вульф встретился с Кушбеги и эмиром Насруллахом, а также с представителями местной элиты, чтобы установить дипломатические связи и изучить политическую обстановку в Бухарском эмирате [4. 389–390]. В том числе, он изучал местную культуру, обычаи и религию, записал свои наблюдения о городе Бухаре, его архитектуре, население и торговле, также интересовался историческими достопримечательностями и археологическими объектами в окрестностях Бухары, благодаря чему он вернулся в Великобританию после завершения своего путешествия, написал несколько книг о своих приключениях и исследованиях. Его работы, включая отчеты о Бухаре, опубликованные в Лондоне в двух томах, под названием «Narrative of a Mission to Bokhara, in the years 1843–1846, to ascertain the fate of Colonel Stoddart Captain Conolly» (Рассказ о миссии в Бухару в 1843–1846 годах для

выяснения судьбы полковника Стоддарта капитана Конолли) [4. 392; 386] получили признание и стали важным источником информации о Центральной Азии для западных читателей и исследователей. Автор передал ценные сведения о Бухаре, приеме иностранных послов и гостей во дворце, в котором сам побывал, об управлении Бухарского эмирата, социальной жизни населения, образовательных учреждениях и их системе обучения в стране, более того интересными являются информации о положении евреев и тюрем. Одним из наиболее известных вкладов Вульфа было его описание Бухарской крепости. Он подробно описал ее структуру, оборонительные сооружения и историческую ценность. В заключении надо отметить то, что путешествие Джозефа Вольфа в Бухару оставило значительный след в истории исследования Центральной Азии. Его работы по-прежнему являются важным источником информации о Бухаре и регионе в XIX веке.

Учитывая вышеприведенных факторов стоит заключить так, что изучение труды западных англоязычных авторов занимает ключевое место при освещении объективной истории Бухарского эмирата. Несмотря на то, что исследования зарубежных авторов были в основном в контексте колониальной политики Западной Европы к азиатским странам, авторы во многих случаях попытались изучать и анализировать события и факты независимо, в качестве очевидцев происшедших социально-экономических и культурных событий. Кроме того, изучаемые авторы вели свои исследования до того, как Российская империя завоевала территории Бухарского эмирата и, следовательно, у них была возможность изучать данный регион при смягчающих обстоятельствах, вследствие чего, авторы умели широко проанализировать того положения Бухарского эмирата до протектората.

Литература

1. **Eversmann Ed.** Orenburg nach Buchara. Berlin, 1823.
2. **Moorcroft W., Trebeck G.** Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz, and Bokhara from 1819 to 1825. by Horace Hayman Wilson, M.A., – Two volumes. Vol. I. Published under the Authority of the Asiatic Society of Calcutta. London: John Murray, Albemarle Street.
3. **Burnes A.** Travels into Bokhara; being Account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia ... Vol I–III. London: John Murray, Albemarle Street, 1834.

4. **Wolff J.** Narrative of a Mission to Bokhara, in the years 1843–1846, to ascertain the fate of Colonel Stoddart and Captain Conolly; In two volumes. London: published, for the author, John W. Parker, West Strand. 1845.
5. **Почекаев Р.Ю.** Записки путешественников как источник по истории Центральной Азии. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 21–31.
6. Ўзбекистан тарихига оид манба ва тадқиқотлар (XIX-XX аср бошлари): монография / Масъул муҳаррир: Д.Х. Зияева. Тошкент: Nurafshon business, 2022. 456 б.
7. **Джурабаев Дж.Х.** Исследование истории Бухарского эмирата русскими и европейскими авторами XVIII XIX вв. (краткий обзор источников). // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. Душанбе, 2013. С. 211–219.

Muhammadali A. Mubinov

*Bukhara State University
Bukhara, Uzbekistan
mubinovm94@mail.ru*

THE STUDY OF POLITICAL, SOCIO-ECONOMIC LIFE OF BUKHARA EMIRATE BY ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

Abstract: the article systematizes and summarizes historiographic material - studies of foreign English-speaking authors on the history of Bukhara Emirate in the XIX century. A brief characteristic of the works of Western English-speaking authors and the periodization of foreign English literature on the history of the Emirate are presented.

Keywords: *Western historiography, source study, Bukhara Emirate, English colonization, historical sources, analysis, socio-cultural life, economy.*

Игорь Евгеньевич Пожилов

*Институт Китая и современной Азии РАН
Москва, Россия
pozhilov1@yandex.ru*

БЕЛЫЕ АНКЛАВЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ СОВЕТСКОМ РАЙОНЕ КИТАЯ

Аннотация: В статье на основе большей частью не известных отечественным исследователям источников, имеющих гриф «*Для внутреннего распространения*», рассматривается проблема целостности и пространственного единства советских районов Китая на примере Центральной опорной базы КПК, ранее практически не затрагиваемая ни в отечественной, ни в западной историографии; публикации по теме китайских историков отсутствуют вообще. Настоящая работа опровергает незыблемый тезис официозной исторической литературы КНР о стабильном и территориально всеохватывающем коммунистическом режиме в пределах района, принципиально исключающем наличие на его землях анклавов, неподконтрольных компартии и, более того, активно борющихся за сохранение традиционных устоев.

Ключевые слова: *КПК, Центральный советский район, белые анклавы, деревни-крепости*

По преимуществу собственническое крестьянство Юго-Восточного Китая, (здесь коммунисты «обустроивались» наиболее энергично), мягко говоря, прохладно встретило «аграрную революцию» КПК. «Крестьяне не поднимаются, – докладывает в ЦК Жэнь Биши о ходе мобилизационных мероприятиях на местах. – ...Пропасть пролегал между нынешним днем и тем, когда они от радости пускались в пляс, встречая войска Северного похода» [Хунань, 1984, с. 162]. И после серии оглушительных провалов так называемых восстаний осеннего урожая¹ (предпринятых как раз для «раскачки» деревни) бремя пере-

---

¹ Инспирированные КПК «осенне-урожайные» и все последующие «арьергардные» бои в деревне скорее следует отнести к партийно-пропагандистскому нарративу, чем к исторической реальности. К примеру, большая часть выступлений в Лянху, ввиду пассивности крестьянства и трусоватости вожаков, не состоялась в назначенные сроки, а имевшие место свелись к профанации действия (разбросано с десяток прокламаций, подорвана пара бомб, обрезано несколько телеграфных проводов и т.п.) [Хуан Кунь, 2007, с. 27].

вода «революции» в цепко направляемый процесс выпало принять складывающейся на ту пору китайской Красной армии – Хунцзюнь (红军)², обыкновенно состоявшей из бывших солдат гоминьдановских частей, люмпена, бандитов и бродяг³, как нельзя более отзывчивых на коммунистическую агитацию [Чэнь Гунбо, 1981, с. 81–82]. «Местное крестьянство, – сошлемся на другой источник, – элемент в войсках единичный» [Сюн Шоуци, 1999, с. 64].

Конечно, ударные соединения Хунцзюнь (4-й, 5-й и 10-й корпуса) значительно отличались в лучшую сторону от «пестрой» военной машины КПК в целом по качеству солдатских чинов и командирских кадров, боевому опыту и военному мастерству; различались и в главном – умении «ладить с массами», без поддержки которых («чем же еще, как не массовостью движения стращать пугливый Гомиьдан?!») усилия коммунистов по отторжению территорий, их удержанию и советизации на деле сводились бы лишь к «плутоватым отчетам наверх» (как правило, так оно и бывало) [Цзюньдуй, 1982, с. 122–123].

Вот почему, вопреки историографическим стереотипам, освоение территорий и советизация крестьянства осуществлялись довольно медленно, и «Красной армии приходилось по нескольку раз отвоевывать у Гомиьдана одни и те же земли, вновь приводя инертных до всего их обитателей в подданство КПК» [Цзюньдуй, 1982, с. 130]. Как неизменно декларируется в докладах низовых парторганов, «крестьяне в борьбе почти не участвуют, опасаются». При этом в инстанции победные реляции отправлялись независимо от конечного результата. Так, или примерно так, вершился на штыках Хунцзюнь «аграрный переворот» на пространствах Центрального советского района (ЦСР), «самой большой по площади и количеству населения, наиболее мощной опорной базы коммунистов» во всей стране [Э-Юй-Вань, 1989, с. 262].

По этому поводу в загрифованных документах периода приводятся весьма любопытные и вместе с тем огорошивающие факты. Так, из секретной телеграммы ЦБ ЦК партии в Политбюро от 3 октября 1931 г. можно выяснить, что «полностью красным» (и это буквально перед самым провозглашением Китайской советской республики)

---

² Официальное название вооруженных сил КПК – Китайская рабоче-крестьянская Красная армия (КитРККА).

³ По этому поводу Чэнь И писал в ЦК КПК: «...Всегда приветствуем их вступление в Красную армию, она ведь у нас большая печка, все переплавит» [Чжунгун, 1989, с. 786].

являлся только уезд Жуйцзинь, четыре соседних «большей частью белые», остальные – «полностью белые»⁴. Не менее примечательно, что на показатель в 20 с лишним уездов, которым привычно оперируют историки, коммунистам не удалось выйти даже в 1932 г, когда ЦСР достиг максимума территориального размаха – из 18 уездов «полностью красных» всего семь [Синго, 1990, с. 50].

Мало того, Центральный район, чего не принято афишировать тем паче, так и не стал политически консолидированной, «образцовой» твердыней китайских Советов, будучи усеян «гнездилищами вооруженной контрреволюции», как называли в закрытых партийных циркулярах белые анклав в периметре района, «наиболее энергично выступавшие против коммунистов». Подобных анклавов в ЦСР насчитывалось около полусотни, но наиболее боевитых и длительное время продолжавших вооруженную борьбу было немного (в основном располагались в приграничье, где проще решались вопросы поставок оружия и боеприпасов, а также непосредственной войсковой поддержки из гомиьндановских районов) [Юйду, 1991, с. 78–79].

В советском районе «гнездилища» называли «белыми точками» (*байдянь* 白点), нарочито подчеркивая их микроскопичность, ничтожность и невеликую опасность для рабоче-крестьянской власти. А в негласных бумагах можно прочесть совсем другие сентенции, как-то: «Вооруженные силы реакции значительны, обосновались в труднодоступных сокрытиях; крепки своими кровнородственными связями; накапливают силы, ведут пропаганду, изматывают нас то обороной, то наступлением. Таким образом, внутри советской опорной базы созданы устойчивые белые отторгнутые районы» [Юйду, 1999, с. 75].

Авторы подобных высказываний, думается, несколько сгущали краски. И все же, учитывая относительную компактность ЦСР (120–150 км в поперечнике) и наличие вокруг *байдянь* «сочувствующих территорий», а также то обстоятельство, что целый их ряд занимали очень важные позиции на узлах коммуникаций, мешавших консолидации Советов, вооруженная контрреволюция потенциально являла собою опасный фактор для режима КПК. И не столько в военном,

---

⁴ Население большинства «белых районов» в ЦСР относилось к КПК скорее терпимо или нейтрально, во всяком случае с оружием в руках против коммунистов не выступало («нас не трогают, и мы не тронем»). Именно поэтому эти анклав просуществовали на территории, формально подвластной Советам, от начала до конца «красной смуты» [Синго, 1990, с. 112–113]. Наконец, стратегическая задача КПК заключалась в расширении подконтрольных территорий вовне для объединения с другими соврайонами, а не в упрочении захваченного.

сколько в политическом плане. Как выразился один из уездных партийцев, «белые точки – гноящиеся занозы на теле советской власти, грозящие обернуться горячей и смертельным исходом для нас» [Юйду, 1999, с. 76]. В «белой точке» Саньду-Цибао (несколько десятков сел), – для наглядности, – «*фаньшуй*⁵ более двух лет сражалась за отжившие устои с такой отвагой и дерзостью», что властям (редкостное явление в истории китайских Советов) пришлось пойти на мирные переговоры, поскольку штурмовые потери КитРККА в боях перекрывали все мыслимые пределы [Цзюньдуй, 1982, с. 133].

К внутреннему антисоветскому лагерю следует отнести и полторы тысячи «укрепленных деревень» (*тувэйцзы* 土围子)⁶. Разумеется, они не несли прямой военной угрозы властям, однако только лишь обстоятельством своего существования (две трети *фаньшуй* были простые крестьяне, включая бедняков) наотрез отменяли саму претензию коммунистов объявлять себя суть единственными полпредами народа. Осенью 1931 г., воспользовавшись затишьем на внешних фронтах, *Хунцзюнь* всеми наличными силами (три армейские группы и две отдельные дивизии) выступила в поход против «помещичьих прихвостней» и в течение не больше не меньше полугода ценой ощутимого убытка в личном составе овладела двумя сотнями очагов сопротивления в четырех «пристоличных» уездах ЦСР [Юйду, 1999, с. 79–80].

Как бы то ни было, белые анклав и антикоммунистическое вооруженное движение в ЦСР, имея широкую поддержку масс, по разным причинам⁷ не получило существенного развития и не стало главенствующей силой в разгроме «аграрной революции» КПК подобно, например, событиям в Южной Хунани первой половины 1928 г, где крестьянство расправилось с коммунистами, не дожидаясь подхода карательных отрядов Гоминьдана.

---

⁵ В просторечии – контра (反水).

⁶ *Тувэйцзы* являлись по сути неприступными фортификационными сооружениями с мощными стенами до 7 м высотой, по периметру окаймленными рвами с водой или просто расположенными на рисовых полях; часто возводились и на скальных породах, что исключало возможность подкопа для закладки фугасов. Крепости обеспечивали длительным и надежным укрытием от 200–300 до нескольких тысяч человек [Чжунъян, 1982, с. 161].

⁷ Основным мотивом невыдающейся активности вооруженной оппозиции в ЦСР являлась уверенность обывателя в том, что советскую власть сметут правительственные войска.

Литература

- Синго вэньши цзыляо сюаньцзи [兴国文史资料选辑]. Избранные материалы по истории и культуры Синго. Т. 3. Наньчан: Синго сян чжэнсе вэньши цзыляо яньцзю вэйюаньхуэй бянь, 1990. 325 с. (на кит. яз.)
- Сюн Шоуци.** Хунцзюнь дисыцзюнь чжуанкуан баогао [熊寿祺. 红军第四军状况报告]. Доклад о положении в 4-м корпусе Красной армии // Дандэ вэньсянь [党的文献]. 1999. № 2. С. 54–75 (на кит. яз)
- Хуан Кунь.** Гэмин, гэмин юньсин юй гэти шэнцуньсин ганьшоу: 1927-1929 няньдэ Чжунгун гэмин [黄琨. 革命、革命运行与个体生存性感受—1927-1929年的中共革命]. Революция, пути революции и психология выживания индивида: революция КПК 1927-1929 гг. // Эршии шицзи [二十一世纪]. 2006. № 2 (47). С. 23–35. (на кит. яз)
- Хунань гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1928 нянь [湖南革命历史文件汇集. 1928年]. Документы по истории революции в Хунани. 1928 год. Чанша: Чжунъян данъяньгуань, Хунань шэн данъяньгуань, 1984. 295 с. (на кит. яз.)
- Цзюньдуй чжэнчжи гунцзо лиши цзыляо [军队政治工作历史资料]. Материалы по истории политической работы в войсках. Т. 3. Пекин: Чжаньши чубаньшэ, 1982. 376 с. (на кит. яз.)
- Чжунгун чжунъян вэньцзянь сюаньцзи [中共中央文件选集]. Избранные документы ЦК КПК. Т. 5. Пекин: Чжунгун чжунъян дансяо чубаньшэ, 1989. 835 с. (на кит. яз.)
- Чжунъян гэмин гэнъцзюйдэ шиляо сюаньбянь [中央革命根据地史料选编]. Избранные материалы по истории Центральной революционной опорной базы. Т. 1. Наньчан: Цзянси жэньминь чубаньшэ, 1982. 352 с. (на кит. яз.)
- Чэнь Гунбо.** Кусяолу [陈公博. 苦笑录]. Смех сквозь слезы. Записки. Пекин: Сяньдай шиляо бяньканьшэ, 1981. 435 с. (на кит. яз.)
- Э-Юй-Вань суцзюй гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи [鄂豫皖苏区革命历史文件汇集]. Документы по истории революции в советском районе Хубэй-Хэнань-Аньхой. Т.3. Пекин: Чжунъян данъянь бянь, 1989. 413 с. (на кит. яз.)
- Юйду вэньши цзыляо [于都文史资料]. Материалы по истории и культуре Юйду. Т. 2. Юйду: Юйду сян чжибань, 1991. 366 с. (на кит. яз.)

Igor E. Pozhilov

*Institute of China and Contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
pozhilov1@yandex.ru*

WHITE ENCLAVES IN THE CENTRAL SOVIET REGION OF CHINA

Abstract: The paper, based on sources that are mostly unknown to native researchers and labeled “For internal distribution only”, deals with the problem

of the integrity and spatial unity of the Soviet regions of China using the example of the Central revolutionary base of the CCP? Which was previously practically not covered by any Russian? Nor Western historiography; there are no publications on the theme of Chinese historians at all. The paper refutes the unshakable thesis of the official historical literature of the PRC about a stable and territorially all-encompassing communist regime within the region, which fundamentally excludes the presence on its lands of enclaves that are not controlled by the Communist Party and, moreover, actively fought for the preservation of traditional foundations.

Keywords: *CCP, Central Soviet region, white enclaves, fortress villages.*

УДК 821

DOI 10.25205/978-5-6049863-1-8-78-82

Саго Юсуке

Московский государственный университет

Москва, Россия

satoyusuke1812@gmail.com

**ЛАФКАДИО ХЕРН И ЛЕВ ТОЛСТОЙ:
ПОЧЕМУ ОНИ ТАК ПО-РАЗНОМУ ВИДЯТ ЯПОНИЮ
И ЧТО ЭТО ПОДСКАЗЫВАЕТ?**

Аннотация: Сравнения между Лафкадио Херном и Л.Н. Толстым не проводились всерьез. Но эти современники испытывали большой интерес друг к другу, и, более того, в их мировоззрении было нечто общее. Интерес Л.Н. Толстого к Херну был вызван Цусимским сражением. Л.Н. Толстой внимательно прочитал книгу Херна «Япония: попытка интерпретации» (1904), чтобы понять причину поражения России и определить сущность японского народа. Однако, хотя Л.Н. Толстой и высоко оценил эту книгу, образ Японии в его представлении в некоторых отношениях был противоположным.

Ключевые слова: *Лафкадио Херн, Л.Н. Толстой, Япония*

ВВЕДЕНИЕ

До сих пор сравнения Л.Н. Толстого с Лафкадио Херном, ирландско-американским-японским писателем-японоведом, не проводилось всерьез. Однако эти современники испытывали большой интерес друг к другу, и, более того, в их мировоззрении есть нечто общее.

Интерес Л.Н. Толстого к Херну был вызван Цусимским сражением. Чтобы понять причину поражения России и определить сущность японского народа, Л.Н. Толстой внимательно прочитал книгу Херна «Япония: попытка интерпретации» и высоко оценил ее, хотя образ Японии у Л.Н. Толстого сложился в некоторых отношениях совсем иной.

Сравнение взглядов Херна и Л.Н. Толстого на Японию выявляет как их сходство, так и более глубокое различие. И там, где пересекаются их противоположные взгляды на Японию, можно разглядеть архетип японского общества и религии, а также их роковую «опасность». Херн и Л.Н. Толстой разделяли это опасение.

Взгляд ХЕРНА НА ЯПОНИЮ

По мнению Херна, для японцев души умерших предков реально пребывают в загробном мире, и, следуя их воле, живые несут ответственность за них на этом свете. Японцам «не положено опозорить честь своих предков» [«Некоторое размышление о культе предков»: 1. Т. 7, с. 467–497].

При этом Херн отмечает особенный коллективизм японцев. Они «растворяются» в сообществе, становясь органичным и многослойным единым целым: семьёй, деревней, регионом и целой страной. Император же олицетворяет и символизирует такое объединение, подкрепленное волей предков, и в этом смысле Микадо выполняет роль религиозного жреца.

Японцы «растворяются», потому что «душа» по их понятию является всего лишь преходящим явлением, в котором отражена индивидуальная карма человека. Душа может изменяться. Не меняется только изначальная духовная «природа Будды 佛性» [«Память о прежней жизни»: Л. 1. Т. 7, с. 433–459]. Кстати, душу имеют не только люди, но и разнообразные существа. Херн сравнивает эти души с каплями воды [«Одна капля воды»: Л. 1. Т. 11, с. 109–112].

«Несомненно, что в каждой из бесчисленного и неиссякаемого числа росинки, есть бесконечно малые различия в колебании их молекул и способности к отражению. Таким же образом, и в каждой из бесчисленного множества духовных частиц – душах, воспаривших из океана рождения и смерти, есть **бесконечно малые** черты» (*подчеркнуто Сато). Бесчисленные души-капли могут образовывать собой единое поле, но, в тоже время, у каждой из них есть уникальная вибрация. На вибрации каждой капли-души, подобно квантовой частице, по-своему отражается вся накопленная карма, то есть память всего космоса.

Как отмечает Макино Ёко, Херн не раз использует математический термин дифференциального исчисления «infinitesimal» (бесконечно малый). Эта мельчайшая вибрация может моментально превратиться в обратное, во что-то громадное, так как она связана со всей памятью космоса [Макино Ёко «Лафкадио Херн», Токио, 1992, с. 187–192].

Однажды Херн был поражен тем, как красиво пел его любимый сверчок (питомец) – «бесконечно малая душа (infinitesimal soul)»: так красиво, что «весь дом как бы резонировал». Позже выяснилось, что он «пел из последних сил, пожирая свои ноги и умирая, потому что служанка забыла его покормить... Когда умирает, исчезает «infinitesimal», рождается что-то громадное. Бог знает откуда». [«Сверчок»: Л. 1. Т. 11, с. 144–149]. Такое представление о душе приводит Херна к следующей мысли: «атом души в крошечной клетке и атом души внутри меня, всегда были одним и тем же в глубинах Моря бытия».

Херн отмечает, что лучшие представители японцев стремятся объединиться в некое универсальное космическое поле и тем самым преодолеть всевозможные противоречия и конфликты, возникающие из-за границ между отдельными «полями» (семьями, деревнями, регионами, странами). Жена Херна вспоминает слова мужа: «Я люблю настоящую Японию больше, чем сами японцы» [Танабэ Рюдзи «Коидзуми Якумо», Токио, 1914, с. 276].

Но в этих словах есть и оттенок сомнения в том, что образ «настоящей Японии» может быть достигнут в реальности. Он предчувствовал новый кризис Японии, которая, пережив риск колонизации и унижения, превращалась в военную державу. Теперь японцы, по словам Херна, все громче крича за «Японию для японцев», вскоре начнут войну. Он уверен, что никто и ничто не удерживает их от экспансии, потому что для большинства японцев высшее «поле» ограничивается только их империей. Мало кто преодолевает эту границу. А бесчисленные мертвые герои, павшие ради империи, безмолвно толкают живых [«Взглянув общую ситуацию»: Л. 1. Т. 7, с. 374].

Из сказанного очевидно, что мировоззрение Херна во многих отношениях похоже на Л.Н. Толстого (вспомним глобус, покрытый каплями, из сна Пьера). Неслучайно, что Херн с глубоким пониманием и уважением относился к Л.Н. Толстому. Известно также, что в Токийском университете он читал лекции по роману «Воскресение» и статье «Что такое искусство?».

Взгляд Л.Н. Толстого на Японию

Плод всей исследовательской деятельности Херна, книгу «Япония: попытка интерпретации» (1904), Л.Н. Толстой читал очень внимательно и оценил ее высоко, даже собирался поручить Маше, дочери, перевод на русский [Л.З, с. 383]. В то время Л.Н. Толстой, потрясенный Цусимским сражением, писал статью «Конец века», в которой размышлял о Японии и японцах, анализируя причины поражения.

До чтения Херна Л.Н. Толстой объяснял победу японцев, во-первых, их дикостью (они, дескать, являются «народом нехристианским, для которого высший идеал – отечество и геройство войны») и, во-вторых, тем, что осваивать научные технологии совсем не сложно [«Перенять их и даже дальше придумать ничего не стоит» (55, 140)].

Однако такой «высший идеал» имели и другие народы. Почему они не смогли так же быстро «перенять технологию»? Херн детально показал, что ключом к этой загадке является почитание японцами своих предков и их всенародное объединение в «поле-империю», прочно скрепленную этим почитанием. -«Л.Н.: Читаете *Hearn*? *Бутурлин*: Да. Л.Н.: Иезуиты в Японии и в Китае восторжествовали бы, если бы не восстали по приказанию папы против почитания предков» [Л. 3, с. 417–418]. «Японцы религиозны, но в их религии есть мщение, подчинение себя: у мужчин – харакири, у женщин – jigai (самоубийство)» [Л. 3, с. 427–428].

С точки зрения абсолютного ненасилия – это плохая религия, которая не смогла преодолеть насилия по отношению к ближнему и к себе. Это страшная религия, которая может консолидировать энергию всего народа, моментально освоить любые науки и технологии и организовать огромное насилие. Как видим, и Херн разделяет эти опасения. Именно поэтому он стремился к идеалу объединения всех существ в космическое поле без каких бы то ни было границ, которое преодолет индивидуализм Запада и бесконечную цепную реакцию насилий. И здесь позиция Херна близка к мысли Л.Н. Толстого.

Отличия взглядов Херна и Л.Н. Толстого на Японию

Тем не менее, их отношение к Японии было диаметрально противоположным, так как они по-разному смотрели на христианство и его цивилизацию. Для Херна разница между народами, расами и религиями была не существенна. Он уверен, что не только люди, но и всякие существа (даже «бесконечно малые») разделяют вечную единую жизнь – «море Рождения и Смерти». А Л.Н. Толстой, несмотря на некоторый либерализм, считал учение Христа высшей религией, ничем не заменимой. Победа же японцев, по его мнению, показала реальную возможность её уничтожения: «...угнетаемым христианами народам в Азии и Африке совсем не трудно, по примеру Японии, усвоив себе военную технику, которой мы так гордимся, не только освободиться, но и стереть с лица земли все христианские государства» [«Конец века» 36, 237]. Развитые сытые страны заменяются «дикими»

развивающимися странами, освоившими передовые технологии, – это, по Л.Н. Толстому, закон истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Л.Н. Толстой хотел преодолеть этот закон истории и «конец (христианского) века» толстовством. Но всё-таки стоит отметить и предел либерализма Л.Н. Толстого: он, «великий беглец», всю жизнь мечтая о «параллельных мирах» казаков, кавказцев, крестьян и проч., в конечном итоге остался в своем мире, «христианском» по-толстовски. И из этих рамок он старался разрешить различные неразрешимости: насилие, войну, дискриминацию... В этом отношении мысль Херна, может быть, более последовательна и красива, но реализуема ли она? Возможно, какую-то подсказку по этому вопросу даст наш современный «конец века».

Литература

1. The Writings of Lafcadio Hearn (16 volumes; Boston and New York, 1922), ed. by Elizabeth Bisland.
2. У Толстого 1904–1910: Яснополянские записки Д.П. Маковицкого. М., 1979. Т. 1.

Sato Yusuke

*Moscow State University
Moscow, Russian Federation
satoyusuke1812@gmail.com*

LAFCADIO HEARN AND LEO TOLSTOY: WHY DO THEY SEE JAPAN SO DIFFERENTLY AND WHAT DOES IT SUGGEST?

Abstract: Comparisons between Lafcadio Hearn and L.N. Tolstoy was not taken seriously. However, the two contemporaries had a great interest in each other, and moreover, there was something in common at the basis of their world-views. L.N. Tolstoy's interest in Hearn was caused by the shock of the Tsushima naval battle. L.N. Tolstoy carefully read Hearn's "Japan: An Attempt at Interpretation" (1904) to unravel the cause of Russia's defeat and determine the essence of the Japanese people. However, although L.N. Tolstoy praised this book highly, his image of Japan was in some respects the exact opposite of Hearn's.

Keywords: Lafcadio Hearn, L.N. Tolstoy, Japan

Пётр Эдуардович Подалко

*Университет Аояма Гакуин
Токио, Япония
ppodalco@aoyamagakuin.jp*

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ И ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: В статье исследуется проблема острой нехватки трудовых ресурсов в современной Японии, а также способы ещё решения посредством изменения миграционной политики. В настоящее время уже целые отрасли промышленности не могут обходиться без регулярного завоза мигрантов. Ситуация становится патовой: страна не может отказаться от иностранных рабочих рук, и при этом не хочет форсировать создание механизмов для их легального привлечения. Одновременно правительство стремится активно развивать иностранный туризм, что также увеличивает нагрузку на рынок труда. Отдельную трудность представляет собой решение проблемы социокультурной адаптации мигрантов в японское общество.

Ключевые слова: *иностраные рабочие, трудовые ресурсы, туризм*

ВОЗВРАТ НА ИСТОРИЧЕСКУЮ РОДИНУ СПУСТЯ ЧЕТЫРЕ ПОКОЛЕНИЯ

Невозможность полностью обеспечить работой, а значит, и средствами к существованию, значительных масс активно растущего в эпоху Мэйдзи (1868–1912) сельского населения, вынудила японское правительство официально разрешить эмиграцию крестьян за рубеж. Так, в 1908 г. в Бразилию отправились первые переселенцы с о. Кюсю, на долгие годы ставшего основным источником экспорта японской рабочей силы.

Спустя восемь десятилетий вектор перемещения сменился на прямо противоположный: в 1990-х гг. в Японии жили и трудились на различных предприятиях 600 тыс. иностранных рабочих, свыше половины из которых составляли дети и внуки «японских бразильцев»; в Японии их называют «нисэй» и «сансэй», таким образом обозначая, соответственно, второе («ни») и третье («сан») поколение эмигран-

тов. Главными причинами появления здесь такого числа иностранных рабочих стали как сокращение прироста собственного населения вследствие падения рождаемости (с 1973 г.), так и общее старение японской нации.

«ГИНО ДЗИССЮ»: БЕРЁМ ОТОВСЮДУ

В 1993 г. был принят закон о введении «системы обретения навыков и практики иностранцами» (далее – «гино-дзиссю»), ставший своего рода «открытием шлюзов». Этот закон разрешал иностранцам приезжать в Японию и работать от 1 до 3 лет на предприятиях промышленности и аграрного сектора (всего 14 отраслей занятости). Система «гино-дзиссю» давала «нисэй» и «сансэй» определенные преимущества: если все прочие иностранцы по завершении контракта должны были возвращаться на родину, то этим двум категориям разрешалось подавать заявки на постоянную работу, или на статус резидента. При этом представители 4-го поколения эмигрантов («ёнсэй»), таких преимуществ не имели («Ёмиури», 31.07.2017). Только в 2017 г. Минюст Японии предоставил им право на постоянную работу, но лишь при выполнении условий, как-то: 1) знание японского языка; 2) наличие сертификата о квалификации работника; 3) возраст от 18 до 30 лет («Ёмиури», 31.07.2017).

ДИНАМИКА РЫНКА ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ЯПОНИИ ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ НОВЫХ ЗАКОНОВ

1) Рост числа иностранных рабочих в Японии:

1992 г. – 580 000; 1994 г. – 600 000; 1998 г. – 650 000; 2000 г. – 700 000; 2002 г. – 750 000 («Ёмиури», 23.1.2004).

2) Рост числа иностранных компаний в Японии:

1995 г. – 7 467; 1996 г. – 7 573 (+1,42 %); 1997 г. – 7 732 (+2,10 %); 1998 г. – 7 959 (+2,94 %) («Japan Press Inform Age», Vol. 6, №2, p. 3)

Уже в 2005 г. стала очевидна необходимость дальнейшего ослабления иммиграционного законодательства, и список отраслей для приема иностранцев был расширен с 14 до 27. В то время в Японии проживало 127 756 815 человек («Ёмиури», 27.12.2005).

В 2013 г. число иностранных рабочих достигло 717 504.

Распределение по гражданству:

Вьетнам – 5,2 % (37 537);

Перу – 3,2 % (23 189);

Австралия и Новая Зеландия – 7,5% (53 584);

Бразилия – 13,3 % (15 505);

Филиппины – 11,2 % (80 170);
Южная Корея – 4,8 % (34 100);
КНР – 42,4 % (303 886);
Прочие – 12,5 % (89 533 чел.).

Распределение по визе/статусу:

44,4 % (318 788) – постоянные резиденты;
19 % (136 608) – «гино дзиссю»;
17,1 % (121 770) – студенты и пр.;
18,5 % (132 571) – специалисты;
1,1 % (7 735) – спорт, наука, «working holiday» и пр.;
0 % (32) – неустановлено («Никкэй», 12.05.2014).

В октябре 2015 г. число иностранных рабочих составляло 907 896 чел. (+15 % к 2014 г.), достигнув 40,7 % от общего числа иностранцев (2 232 189). Наибольшую динамику показывали вьетнамская (+79,9 %) и непальская (+60,8 %) общины. Предприятий и компаний, где работали иностранцы, в 2015 г. было 152 261 (+11,1 %). Среди этих предприятий, наибольшую группу (24,9 %) составляли производственные (32,6 % всех иностранных рабочих). При этом основная масса предприятий и компаний (55,6 %) относились к категории мелких и средних (до 30 работников) – их количество выросло за год на 13,3 %.

Компании, рекрутирующие временных рабочих с отправкой их по месту требования («хакэн дзигё»), составили 10,2 % от общего числа компаний с наймом иностранцев. В них работали 22,6 % всех иностранных рабочих (204 907 чел.).

Распределение по гражданству:

КНР – 35,5 % (322 545, +3,4 %);
Вьетнам – 12,1 % (110 013, +79,9 %);
Филиппины – 11,7 % (106 533, +16,4 %);
Бразилия – 10,6 % (96 672, +2,7 %);
Непал – 4,3 % (39 056, +60,8 %).

Распределение во визе/статусу:

Постоянные резиденты – 40,4 % (367 211);
Студенты и пр. – 18,5 % (167 600);
Специалисты – 18,4 % (167 301)

«ДЕ-ЮРЕ» НЕ ВСЕГДА ОЗНАЧАЕТ «ДЕ-ФАКТО»

В 2016 г. в Японии проживало 2 307 388 иностранцев. Число отраслей, принимающих «гино дзиссю» (210 000 чел.), достигло 74 («Ёмиури», 17.11.2016).

В 2016 г. иностранные технические специалисты и учёные получили право подавать заявление на статус постоянного резидента спустя год после прибытия в страну. Срок контракта «гино дзиссю» был увеличен с 3 до 5 лет.

Однако, по материалам японской прессы, далеко не все иностранцы соответствовали своему формальному статусу: так, среди вьетнамских студентов 60–70 % составляли «касэги-рюгаку» – лица, использовавшие учебную визу как прикрытие для работы, в том числе нелегальной.

В 2015 г. из поля зрения властей «пропали» 5 803 иностранца (в 2014 г. – 4 847 чел.). Среди них граждан КНР – 3116, Вьетнама – 1 705, Мьянмы – 336, и др. («Ёмиури», 07.03.2016).

Вьетнамская община в Японии росла наиболее высокими темпами: в 2013 г. – 72 256 чел., а в 2021 – уже 432 934 чел. (шестикратный прирост за девять лет), из них «гино дзиссю» были лишь около 40 % (180 тыс.). Многие выходцы из стран ЮВА приезжают в Японию при участии брокерских фирм, чаще всего – нелегальных. Чтобы поскорее отдать деньги, взятые у посредников и потраченные на оформление документов, проезд и пр., многие иностранные студенты осознанно идут на правонарушения. Если в 1999 г. студенты составляли 28,7 % от общего числа иностранных правонарушителей в Японии, то в 2003 г. – уже 43 % («The Asahi Shimbun», 18.11.2003).

В 2013 г. иностранцами было совершено 9 884 преступления – более чем пятикратный рост за десять лет. На долю вьетнамских граждан пришлось св.10 % от общего числа (1 118). В 2017 г. количество правонарушений, совершенных иностранцами, достигло 17006 (Вьетнам – 5 140, КНР – 4701, Бразилия – 1 058, Республика Корея – 1 038, Филиппины – 823, Таиланд – 510, прочие – 3 736). В 2022 г. было 14 662 иностранных правонарушений (на 1 231 меньше, чем в 2021 г.); задержаны в общей сложности 9 548 иностранцев (на 1 129 чел. меньше, чем в 2021 г.), из них 3 432 чел. – граждане Вьетнама, на 2-м месте – граждане КНР (2 006 чел.). По данным полиции, 53,8 % вьетнамцев пойманы на магазинных кражах, мотив преступления – долги брокеру за помощь в переезде в Японию («Ёмиури», 24.03.23).

Другая проблема возникла со студентами из Непала: в отличие от вьетнамцев, которые стремились любыми способами поскорее заработать, непальцы, въехав по учебной визе, шли не в учебные классы, а в иммиграционные центры, для подачи заявления на предоставление убежища. Таких в среднем набиралось до 6 000 в год. Результатом стало сокращение квот для приема студентов из Непала.

В 2017 г. Минюст Японии запретил иностранцам работать после подачи заявления на иммиграцию в качестве «беженца» («Ёмиури», 30.06.2017).

«Токутэй гино» – новый подход в кадровой политике

С апреля 2019 г. для увеличения приема иностранных рабочих был введен новый статус «токутэй гино» («Specific Skilled Workers»), имевший два уровня: (1) Возможность работать в 12 отраслях, при низкой квалификации, на срок до 5 лет. Необходимое условие: три года стажа проживания и работы в Японии (достаточно для обретения нужных умений и языкового минимума); (2) Возможность трудоустройства в отраслях высокой квалификации (включая гостиничный бизнес, уход за стариками и пр.), без ограничения в сроках. Необходимое условие: квалификационный тест+тест на знание японского языка. Языковой тест имел 2 формы: либо стандартный экзамен «Нихонго норёку сикэн» (JLPT-4), либо новый тест Японского фонда JFT-Basic test.

Этот тест был введён Японским фондом специально для сдачи его иностранцами ДО приезда их в Японию, и предусматривал владение языком в объеме, достаточном для жизни и работы. Ответы на вопросы предполагалось давать в режиме онлайн, в специально оборудованных местах в странах проживания иностранцев; вопросы были на английском языке, при допуске перевода на индонезийский, непальский и монгольский языки. Тест включал 4 раздела: «письмо», «лексика», «восприятие на слух» (не полное аудирование, так как диалоги и живая беседа не предполагались), и «чтение». Данный тест не делился на уровни; пробное тестирование было назначено на осень 2019 г. в 5 странах – Филиппины, Камбоджа, Индонезия, Непал, Монголия («Niragana Times», Nov. 2019). Планировалось принимать ежегодно примерно по 50 000 чел., чтобы довести общее число «токутэй гино» до 345 150 чел. («Ёмиури», 22.11.2018). Однако, пандемия Covid-19 спутала все планы.

Последствия введения карантина (2020–2021 гг.)

За первые 1,5 года действия программы «токутэй гино», в Японию по ней смогли въехать всего 8 769 чел. (ожидалось 47 550). Из них 7 348 (83,8 %) по факту являлись «гино дзиссю»; распределились они в пищевую промышленность (3 167 чел. = 36,1 %), сельское хозяйство (1 306 = 14,9 %) предприятия общественного питания (859 = 9,8 %). Преобладали граждане Вьетнама (5341 = 60,9 %), КНР

(826 = 9,4 %), Индонезии (775 = 8,8 %). Всего было выдано 17 137 виз; около 4 000 чел. не смогли въехать и остались за рубежом («Ёмиури», 21.11.2020)

В 2021 г. общее число «гино дзиссю» составило около 200 000 чел. (Вьетнам – 57 %, КНР – 16 %, Индонезия – 9 %, Филиппины – 8 %). В целом, в 2021 г. в Японию въехало 350 тыс. иностранцев (8 % от 2020 г.), т.е. даже меньше, чем в 1966 г. («Ёмиури», 09.11.2021).

По программе «токутэй гино» было принято 22 567 чел., из которых 19 092 (84,6 %), приходились на «гино дзиссю» а также 3 353 чел. – из числа тех, кто сдал языковой экзамен и тест по специальности.

Распределение по отраслям:

8 104 (35,9 %) – пищевая отрасль;

3 359 (14,9 %) – сельское хозяйство;

2 116 (9,4 %) – строительство;

1 937 (6 %) – пром. машиностроение.

Распределение по гражданству:

Вьетнам – 14 335 9147 (62,7 %);

КНР – 2 050 (9,1 %);

Индонезия – 1 921 (8,5 %).

ПРОБЛЕМА УХОДА ЗА СТАРИКАМИ

Согласно официальному прогнозу («Ёмиури», 25.03.2020), в 2025 г. Японию ожидает нехватка примерно 340 тыс. работников в сфере ухода за стариками и инвалидами («кайго-сёку»). Общее число работников в этой отрасли выросло за 20 лет (2000–2019) в 4,20 раза, дойдя до почти 2 млн. чел., что всё ещё ниже требуемого уровня. Нехватку работников с низкой квалификацией отмечают 70%, а с высокой квалификацией – 80 % заведений «кайго-сёку». Также остро стоит проблема старения кадров: лица моложе 30 лет составляют лишь 10 %, а старше 60 лет – 20 % от общего числа работников отрасли.

В целом же по стране, в 2019 г. все отрасли хозяйства испытывали необходимость в увеличении числа работников в 1,45 раза.

Плюсы и минусы по мнению иностранных рабочих

В апреле 2019 г. были опубликованы результаты опроса «Обзор положения иностранных рабочих в Японии» (всего 25 пунктов).

Ответы на вопрос об отличии условий работы от аналогичных на родине: «Строгость соблюдения вежливости и манер поведения» (39,1 %), «Строгость соблюдения временного регламента» (36,1 %),

«Строгость соблюдения иерархии» (34,7 %), «Высокая трудовая сознательность» (24,8 %).

Ответы на вопрос, что наиболее привлекает в работе: «Хорошее отношение к иностранцам» (48,6 %), «Высокая зарплата» (41,8 %), «Компенсация транспортных расходов» (37,1 %).

Минусы: «Ограниченность видов занятости для иностранцев» (40,1 %), а также трудности оформления бумаг для трудоустройства, и нехватка языковых навыков («Niragana Times», July 2019).

Также существуют трудности с поиском жилья (40 % отказов), и малорешаемая проблема социокультурной адаптации иностранцев, что порой вызывает конфликты с японским населением. В ряде мест иностранцы уже составляют от 5% до 18% жителей. Известны такие анклавы в Токио, как Син-Окубо («Кориан-таун»), Ниси-Касаи («Литл Индия», «Литл Эфиопия»). Многих японцев раздражают религиозные и культурные отличия иностранцев (молитвы на рабочем месте, особенности внешнего вида и одежды). Также остается нерешенной «языковая проблема», и необходимость расширения сферы применения «Ясасий Нихонго» как упрощенной версии обиходного японского языка («Ёмиури», 29.11.2018; 26.12.2018).

Кому обслуживать миллионы туристов?

В 2003 г., правительство поставило задачу довести число иностранных туристов до 10 млн/год (в 2003 г. – 4,3 млн.). Эта цель была достигнута в 2013 г.

В 2008 г. в Японии было создано ведомство «Канко-тё» (аналог Госкомтуризма РФ), и уже с 2010 г. Япония запустила новую программу привлечения иностранных туристов под общим лозунгом «Cool Japan». В 2015 г. число иностранных туристов достигло 18 млн. чел., а спустя два года их было уже 28,7 млн. чел. («Ёмиури», 13.01.2018). Аппетиты росли: новые цели предполагали довести в 2020 г. число интуристов до 40 млн. чел., а к 2030 г. – до 60 млн. чел., для чего был облегчен визовый режим с рядом стран.

Однако, острая нехватка рабочих рук в основных отраслях не позволяет перераспределять их в сферу турсервиса без существенных потерь, но как решать эту проблему, где брать новые многочисленные кадры отельеров, гидов, перевозчиков, рестораторов и т. д. – неизвестно. Правительство не только не предлагает каких-либо способов решения проблемы очевидной нехватки кадров для этой специфической отрасли, но и толком не объясняет причин подстегивания такого «туристического бума».

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Основное противоречие современной миграционной политики Японии состоит в следующем: не имея возможности отказаться от приема иностранных рабочих, правительство старательно избегает создание соответствующих ему механизмов. На данном этапе в его действиях не просматривается ясного и последовательного плана по решению этой проблемы, хотя растущая нехватка в стране трудовых ресурсов при почти полном отсутствии физического прироста населения, сама подталкивает руководство страны к тому, чтобы если не снять, то существенно ослабить действующие ограничения на иммиграцию. Все принимаемые меры носят откровенно половинчатый характер. Отсутствие у японцев исторического опыта широкого взаимодействия с иностранцами затрудняет поиски правильного решения. Эти колебания также опираются на стремление сохранить собственную идентичность, боязнь утратить пресловутый «код нации», дабы не превратиться в очередной мультикультурный конгломерат, со всеми присущими ему проблемами. Как долго японскому руководству удастся балансировать, откладывая принятие важных решений, станет известно в ближайшем будущем.

Petr E. Podalko

*Aoyama Gakuin University
Tokyo, Japan
ppodalko@aoyamagakuin.jp*

FEATURES OF JAPAN'S MIGRATION POLICY AND THE PROBLEM OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN WORKERS TO MODERN JAPANESE SOCIETY

Abstract: The article explores the problem of an acute shortage of labor resources in modern Japan as well as ways to solve it by changing the migration policy. Nowadays, many industries already cannot survive without the migrant workers from abroad. The situation is becoming a stalemate, as the country is already dependent on foreign workers, but still avoids the general idea how to create the mechanism for their legal mass arrival. Also, the government claimed a new plan to develop inbound tourism, which also increases the burden on the domestic labor market. The socio-cultural adaptation of migrants to life in Japanese society is one more problem to be solved.

Keywords: *foreign workers, labor market, inbound tourism*

Alina V. Zinchenko

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
alinazin1998@gmail.com*

JAPAN'S REVISED IMMIGRATION LAW OF 2018 AND ITS APPLICATION AFTER THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. One year before the COVID-19 pandemic, the Japanese government revised its immigration law to attract new foreign workers and deal with labor shortages in key sectors. In April 2019, the revision went into effect, and since then, Japan has been accepting foreign workers under two types of “specified skills” visas 特定技能 *tokutei ginō*. This article is devoted to the question how the Covid-19 pandemic has affected the adoption of the new immigration law and what impact this law may have on Japanese society after the end of the Covid-19 pandemic.

Keywords: *Japan's revised immigration law of 2018, Japan's new immigration law, tokutei ginō, specified skills visa, specified skills workers.*

INTRODUCTION

On May 5, 2023 the head of the UN World Health Organization (WHO) has declared an end to COVID-19 as a public health emergency, while emphasizing that it does not mean the disease is no longer a global threat¹.

According to his statement, for over 12 months, the pandemic “has been on a downward trend” with immunity increasing due to the highly effective vaccines developed in record time to fight the disease, and infections. Death rates have decreased and the pressure on once overwhelmed health systems has eased.

Shortly before this claim, on April 29, 2023 all border measures Japan had been doing to prevent the spread of COVID-19 were lifted.

The Ministry of Foreign Affairs of Japan claimed that from April 29, 2023 all travelers and returnees are no longer required to submit either a certificate of negative result of COVID-19 test conducted within 72 hours

---

¹ <https://www.who.int/news-room/speeches/item/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing---5-may-2023> Date of access: 09.06.2023

prior to departure, or a valid COVID-19 vaccination certificate of three doses or equivalent.

Moreover, previously implemented provisional measures including random sampling tests for all travelers and returnees arriving from China (excluding Hong Kong and Macau) by direct flights, was replaced with testing on arrival required only by those who show symptoms of COVID-19 (a measure applied to all travelers and returnees).

This lifting is a part of the easing of COVID-19 restrictions started in Japan at the end of 2022:

- *Single entry visa and multiple entry visa which have been issued by Embassies, Consulate-Generals and Consulates of Japan in all countries/regions and whose validity have been temporarily suspended have been resumed again from October 11, 2022.*

- *The visa exemption arrangements which have been temporarily suspended under the border measures have been resumed from October 11, 2022.*

- *The effect of Pre-Clearances (i.e. visa exemptions) granted by the Japanese Government to APEC Business Travel Card (ABTC)² issued by the following countries has been also resumed October 11, 2022³.*

It seems likely that Japanese immigration policy will soon return to pre-pandemic level.

The COVID-19 pandemic started at the end of 2019. One year before the pandemic, the Japanese government revised its immigration law to attract new foreign workers and deal with labor shortages in key sectors. In April 2019, the revision went into effect, and since then, Japan has been accepting foreign workers under two types of “specified skills” visas 特定技能 *tokutei ginō*.

THE KEY CHANGES AND THEIR POSSIBLE IMPACT ON JAPANESE SOCIETY

Under this status of residence, foreigners can be hired in 14 job fields:

- *Agriculture;*
- *Aviation;*
- *Building cleaning;*
- *Construction;*
- *Electronics & Electrical equipment;*
- *Fishing;*

---

² The APEC Business Travel Card (ABTC) is a travel document issued to business travelers who are citizens of APEC participating economies.

³ https://www.mofa.go.jp/ca/fna/page4e_001053.html Date of access: 10.06.2023

- *Food & drink manufacturing;*
- *Hospitality;*
- *Industrial machinery;*
- *Materials industry;*
- *Nursing;*
- *Restaurant catering/banqueting;*
- *Ship building;*
- *Vehicular maintenance.*

Foreigners who pass the relevant skills exam and the Japanese language proficiency test (JFT-Basic Test)⁴ are eligible for admission, and those who have completed the No. 2 technical trainee or higher are exempt from the test.

As we mentioned above there are two types of “specified skills” visa. The type I is more restricted, the type II gives more opportunities, however, it is harder to obtain as it limited only to two industries – construction or shipbuilding/ship machinery.

The differences can be presented in a table form⁵:

Specified Skill Worker (Type I)	Specified Skill Worker (Type II)
Work in Japan for 1 year, 6 months or 4 months (renewable but maximum stay up to 5 years in total)	3 years, 1 year or 6 months (renewable and no limitation to the length of stay)
You are not permitted to bring family to Japan	You are permitted to bring family to Japan
You receive Japanese language training	You already have Japanese language training

According to J. Akashi, the revision will change Japan’s foreign worker policy, long derided as a “side door”, allowing “trainees”, “technical trainees”, who cannot switch employers, and “third-generation descendants of Japanese” to work⁶. For at least two decades, Japan has responded to internal labor shortages in specific sectors and regions by admitting de-facto migrant workers under limited-term training or student visas [Akashi, 2020. P. 65]. By prohibiting long-term immigration, the government has sought to avoid the costs of education, integration, and inclusion.

⁴ It is also possible to use the Japanese Language Proficiency Test JLPT N4 result instead.

⁵ <https://www.moj.go.jp/isa/content/930005373.pdf> // A New Status of Residence “Specified Skilled Worker” has been created // Date of access: 20.06.2023

⁶ <https://www.mita-hyoron.keio.ac.jp/features/2019/07-2.html> // 2018年入管法改正—その政策的含意について // Date of access: 15.06.2023

VISA RESTRICTIONS DURING COVID-19 PANDEMIC

During the COVID-19 pandemic Japan has repeatedly introduced various restrictions regarding the issuance of visas, entering the country, the period of stay, etc. including but not limited to the following:

- *On March 19, 2020 the validity of single entry visa and multiple entry visa, including diplomatic and official visa of Japan was suspended.*
- *On December 26, 2020, the Government of Japan announced temporary suspension of new entry for foreign nationals from all countries and regions.*
- *On December 2, 2021 validity of visas already issued by December 2, 2021 was suspended (except for some statuses of residence).*

As a result, the total number of visas issued at all the Embassies and Consulates of Japan in 2020 was 1,118,025, a decrease of approximately 87% from 2019⁷. The total number of visas issued at all the Embassies, Consulates and Consular offices of Japan in 2021 was 90,306, a decrease of approximately 92% from 2020⁸. This decline in visa issuance has led to a decline in foreign workers in the Japanese labor market, including “specified skills workers”.

According to M. Toshihiro, nowhere was the impact of the COVID-19 crisis on Japan more apparent than in the country’s fast-growing international community⁹. In the manufacturing and service sectors, slowdowns and shutdowns are having a disproportionate impact on foreign workers. In agriculture and food processing, legal constraints on the mobility of foreign “trainees,” combined with a temporary ban on immigration, are exacerbating labor shortages.

CONCLUSION

Some researchers criticize the review of the law, because the recruitment of new workers is limited to few certain industries.

Moreover, as part of the new immigration policy, it is planned to invite about 345,000 new foreign workers in five years¹⁰. However, the invitation

---

⁷ https://www.mofa.go.jp/press/release/press24e_000033.html // Number of Visas Issued in 2020 // Date of access: 18.06.2023

⁸ https://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_003127.html // Number of Visas Issued in 2021 // Date of access: 18.06.2023

⁹ <https://www.nippon.com/en/in-depth/d00572/> // COVID-19 and the Crisis in Japanese Immigration Policy // Date of access: 21.06.2023.

¹⁰ https://www.washingtonpost.com/world/japan-passes-controversial-new-immigration-bill-to-attract-foreign-workers/2018/12/07/a76d8420-f9f3-11e8-863a-8972120646e0_story.html // Japan passes controversial new immigration bill to attract foreign workers // Date of access: 13.06.2023.

of 70,000 new foreign workers in one year will become a small part of the Japanese labor market, which has more than 60 million employees¹¹.

On the other hand, the acceptance of “specified skilled workers” can be expanded and operated in the future, especially after the end of COVID-19 pandemic. To explain the point it is enough to look back at the history of Japan’s acceptance of technical interns, who used to be the main amount of foreign workers. The acceptance started in 1993, about a quarter of a century ago. At the time the system was launched, there were less than 20 recognized occupations, and only several thousand people were accepted each year. “Employment” was limited to a maximum of one year (approximately two years if combined with training).

Currently, 80 occupations (144 types of work) are open to technical intern trainees. In addition, they are allowed to work for up to five years after temporarily returning to Japan. In 2018, the number of foreigners who entered Japan as technical intern trainees reached 150,000. There is no guarantee that the developments observed in technical intern training will not appear only in “specified skills”.

As the presence of foreign workers is a crucial stabilizing force in this fragile, rapidly aging society, it is very likely that the new type visa of “specified skills workers” might be extended to more industries in the nearest future.

References

1. Akashi J. The 2018 Amendment and Historical Perspectives on Japan’s Immigration Control: Changes and Continuities [明石 純一. 2018年法改正と入国管理をめぐる歴史観: 変化と連続性] // 移民政策研究 Vol. 12. 2020. pp. 65–79.
2. Akashi J. The 2018 Immigration Law Reform and the Future of Multicultural Coexistence [明石 純一. 2018年入管法改正と多文化共生のこれから] // 別冊愛. 2020. pp. 3–13.
3. Bachri A.S., Kusri D., Augustine F.Z. Factors Influencing the Successful Implementation of Prospective Ginou Jisshuu and Tokutei Ginou Careworkers’ Training // 4th International Conference on Language, Literature, Culture, and Education ICOLLITE 2020 // pp. 7–13.

Electronic Sources

3. Mitahyoron Online // Akashi J. The 2018 Immigration Law Reform: Its Policy Implications [明石 純一. 2018年入管法改正—その政策的含意について] //

---

¹¹ <https://www.mita-hyoron.keio.ac.jp/features/2019/07-2.html> // 2018年入管法改正—その政策的含意について // Date of access: 15.06.2023.

- URL: <https://www.mita-hyeron.keio.ac.jp/features/2019/07-2.html> // Date of access: 18.06.2023.
4. The website of the Ministry of Foreign Affairs of Japan (multiple sources) // URL: <https://www.mofa.go.jp/ca/> // Date of access: 15.06.2023.
  5. Nippon.com // Menju T. COVID-19 and the Crisis in Japanese Immigration Policy // URL: <https://www.nippon.com/en/in-depth/d00572/> // Date of access: 13.06.2023
  5. World Health Organization // WHO Director-General's opening remarks at the media briefing. URL: <https://www.who.int/news-room/speeches/item/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing---5-may-2023> // Date of access: 15.06.2023.

Евгения Львовна Фролова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
janefr@mail.ru*

ЭКОДУХОВНЫЙ ВЕКТОР ИДЕОЛОГИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Аннотация: Статья посвящена развитию в Японии модных в последнее время течений и практик: «местам силы», лесной терапии и др., именуемых зонтичным термином «экодуховность». Показано, как новые практики, не связанные напрямую с существующей религиозной традицией, легко интегрируются в традиционный религиозный ландшафт. Экодуховные практики являются полностью коммерческим продуктом и продвигаются на рынок с помощью традиционных механизмов продаж. Их можно рассматривать в свете набирающего популярность контент-туризма и программы повышения привлекательности регионов.

Ключевые слова: *Экодуховные практики, контент-туризм, «места силы», лесная терапия, «лесные купания», оздоровительные практики, осознанное потребление.*

Сфера экодуховности последние несколько десятилетий в Японии, как и во многих развитых странах мира, активно развивается, потребление сопутствующих ей коммерческих продуктов постоянно растет. Средства массовой информации, туристический бизнес, медицинские и коммерческие компании ожесточенно конкурируют за потребителя в этой сфере. Растущий интерес к новому продукту, новым для рынка услугам, показывает тесную взаимосвязь духовных потребностей и экологических проблем современности. Рассмотрим новые экодуховные течения и практики, получившие наибольшую популярность в Японии: это «места силы» (яп. *нава: спотто* パワー スポット) и «лесные купания» или «лесная терапия» (яп. *синрин ёку* 森林浴 или *форэсудо сэрапи: Фолестотセラピー*).

«Места силы». Термин «место силы» означает, что некие силы или исцеление могут быть получены через контакт с конкретным местом, где присутствует более высокий уровень энергии или возможно присутствие некой иной реальности. Обычно места силы на-

ходятся в природных ландшафтах, там, где много воды и зелени, труднодоступные вершины, гигантские камни и древние культовые сооружения. Традиционная религия синто, как и доктрина синкретического учения сюэндо, сформулированы на основе предположения о том, что все элементы Вселенной взаимосвязаны. Японский антрополог Суга Наоко, анализируя внезапный рост интереса к «местам силы» в средствах массовой информации Японии в начале XXI в., отмечает очевидную связь этих мест с синтоистскими святилищами и священными местами [Суга Наоко, 2010]. Из списка 153-х самых популярных мест силы, указанных, например, на сайте «Путешественник»¹, 144 – это горы, перевалы, озера, синтоистские монастыри и храмы, и только 9 – буддийские храмы.

Внедрение термина «место силы» в японский язык из английского (power spot) явно указывает на заимствование из лексики New Age – движений оккультного и эзотерического характера, сформировавшихся на Западе в 1970-х годах. Первая фиксация термина «место силы» в Японии отмечена в 1986 г, с начала 1990-х годов появляются книги и массовые публикации о местах силы, создаются путеводители, паломнические маршруты. С 2005 г. термин фигурирует в женских журналах, выходят специальные выпуски передач, приложения для смартфонов [Катаяма Акихиса, 2014].

Японцы ездят по «местам силы», чтобы получить очищение и энергетическую подзарядку. Но, учитывая, что горы и иные природные места и так являются священными в синтоизме, следует ли понимать растущий интерес к местам силы как всплеск традиционной религиозности, или же это всего лишь коммерческий продукт, тиражируемый средствами массовой информации? И кто и почему назначает «места силы»? Иногда на этот вопрос можно ответить уверенно. Например, Колодец Киёмаса, небольшой родник на территории храма Мэйдзи, стал популярен в конце 2009 г. благодаря тому, что известный артист Симада Сюхэй в телешоу рассказал, что фоновая заставка с колодцем на его сотовом телефоне принесла ему удачу и даже новую работу. На следующий день после телешоу к колодцу началось настоящее паломничество [Пава: спотто..., 2010].

Карина Рот указывает, что отношение служителей к тому, что их храмы назначают местами силы, двоякое. С одной стороны, это увеличивает количество паломников и приносит значительный доход, но, с другой стороны, интерес новых паломников имеет мало

---

¹ Сайт «Путешественник». URL: <https://tabizine.jp/2022/03/12/452571/> (дата обращения 18.05.2023).

отношения к религии, скорее, это сродни контент-туризму [Roth, 2019, pp. 95–98]. Но разве не то же самое мы видим и в древней, и в средневековой японской литературе? Зачастую упомянутые аристократами или монахами в стихах, дневниках или сказаниях удивительные места становились местами паломничества. Как это происходит со многими культурными явлениями в Японии, факт заимствования западного феномена наложился на существующие традиции, и из этого возник настоящий японский феномен «мест силы».

«Лесная терапия». Не менее популярен в настоящее время и термин «лесные купания» (яп. *синрин ёку* 森林浴, также «лесная терапия» *форэсту сэрапи*: フォレストセラピー, или *синрин сэрапи* 森林セラピー и т. п.). В отличие от мест силы, которые возникают, так сказать, по частной инициативе, «лесные купания» – это государственный проект. Создание научно-исследовательских центров «лесной терапии» началось в Японии с 1982 г. по инициативе Департамента лесного хозяйства в рамках национальной программы здравоохранения. Задачей этих центров было получить доказательства благотворного влияния пребывания в лесу на физическое и психическое состояние человека. В рекламе «лесных купаний» приводятся научные основания этого метода: прогулка в лесу снижает уровень кортизола и сахара в крови, активизирует иммунную систему и когнитивные способности, насыщает кислородом, поднимает настроение и самооценку. Однако для достижения этих результатов нужно проделать определенную психологическую работу сродни медитации, что сближает оздоровительные практики с традиционными религиями. Наряду с медицинскими в рекламе упоминаются и вполне иррациональные аргументы: слияние с аурой леса, благотворное влияние духа деревьев, «возвращение к корням»². В настоящее время в различных частях Японии около 100 участков лесов объявлены «базами лесной терапии», туристические агентства активно предлагают комплексные туры «лесных купаний» со специализированными гидами-наставниками. С этой точки зрения лесотерапия выполняет не только свою первоначальную цель – восстановление здоровья горожан, находящихся в стрессовом состоянии, но и раскрывает потенциал для развития внутреннего туризма.

Поскольку в Японии леса часто встречаются в горной местности, туры в леса за здоровьем в первую очередь вызывают ассоциации с

---

² Нихон-но мори, таки, нагиса дзэнкоку кё:гикай [日本の森・滝・渚全国協議会] Национальный совет японских лесов, водопадов и пляжей. URL: <https://mori-takinagisa.jp/pages/25/> (дата обращения 16.05.2023).

практиками сюэндо, японского религиозного учения, и с его ритуализированными «входами в горы». Адепты учения развивали физическую выносливость и пытались получить силы через контакт с «невидимым миром», производя определенные ритуальные действия. Сюэндо в XVIII в. оказалось под запретом как «суеверие», но после войны (в 1946 г.) запрет сняли, и за последние 70 лет многие школы сюэндо восстановились и процветают, любой желающий может за определенную сумму стать горным монахом ямабуси и приобщиться к таинственному миру сюэндо, о чем рассказывают в том числе иностранцы, прошедшие эту практику³ в Японии.

Таким образом, рассмотренные нами новые концепции на базе экодуховных практик балансируют на грани рационального и эзотерического подходов. Для этого сложного сплава в философских научных работах последнего времени появился термин «рассеянная религиозность» или «постсекулярная религиозность» [Мащитко, 2016]. Нередко эта «невидимая религия» рассматривается именно как часть идеологии потребления.

Попытаемся выделить основные особенности новых экодуховных практик, рассмотренных в данной статье. 1. Они не связаны напрямую с существующей религиозной традицией. Можно сказать, что они находятся в зоне «рассеянной религиозности». Однако при возникающей потребности легко могут быть интегрированы в традиционный религиозный ландшафт. 2. Люди рассматривают эти практики как способ получения «пользы и выгоды в здешнем мире», которая была широко распространена в истории раннего буддизма в Японии. Главный бум вокруг Колодца Киёмасы, например, зиждится на ожидании таких мирских благ. 3. Они являются коммерческим продуктом. Важную роль играет реклама, продвижение этого продукта. 4. Экодуховные практики можно рассматривать в свете набирающего популярность контент-туризма. Они активно используются как средство маркетинга для привлечения туристов в регионы Японии. Причем таким образом развивается не только внутренний туризм, но и внешний. 5. Они могут рассматриваться как часть глобальных духовных практик, которые набирают популярность, стремясь отойти от устоявшихся религий и доктрин, и в этом заключается научный интерес к изучению данных явлений.

---

³ Карин Мюллер. Год в поисках «Ва». История одной неудавшейся попытки стать настоящей японкой. (Japanland. A Year in Search of Wa). М.: Рипол-Классик, 2011. 368 с.

Литература

- Суга Наоко.** Пава: спотто тоситэ-но дзиндзя // Синто: ва доко-э ику ка [菅直子. パワースポットとしての神社//神道はどこへいくか]. Синтоистские храмы как места силы // Как развивается синтоизм? /Под ред. Исии Кэндзи. Токио: Пеликан, 2010. С. 232–252. (на яп. яз.)
- Пава: супотто Ниппон** [パワースポットニッポン]. Места силы. Япония. Токио: Войсу токубэцу хэнсю:, 2010. 253 с.
- Roth Carina.** Essays in Vagueness: Aspects of Diffused Religiosity in Japan // Spirits and Animism in Contemporary Japan: The Invisible Empire/ Ed. Fabio Rambelli. London: Bloomsbury Academic, 2019. pp. 95–108.
- Катаяма Акихиса.** Тиики-но бунка сэйкаку-ни окэру рёко:ся-но якувари-ни кансуру кэнкю: [片山明久. 地域の文化政策における旅行者の役割に関する研究] Исследование роли туристов в политике возрождения регионов Японии. Канд. дисс. Изд-во ун-та Досися, 2014. 118 р.
- Мащитько О. В.** Невидимая, рассеянная, пассивная: способы функционирования постсекулярной религиозности // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 2. С. 100–110.

Evgenia L. Frolova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
janefr@mail.ru*

ECO-SPIRITUAL VECTOR OF CONSUMPTION IDEOLOGY IN MODERN JAPAN

Abstract: The article is devoted to the development of recently fashionable trends and practices in Japan: “power spots”, forest therapy, etc., called the umbrella term “eco-spirituality”. It is shown how new practices, not directly related to the existing religious tradition, are easily integrated into the traditional religious landscape. Eco-spiritual practices are a completely commercial product and are marketed through traditional sales mechanisms. They can be considered in the light of the increasingly popular content tourism and the program to increase the attractiveness of regions.

Keywords: *Eco-spiritual practices, content tourism, “power spot”, forest therapy, “forest bathing”, health practices, conscious consumption.*

Сергей Вячеславович Шапошников

*Высшая школа бизнеса НИУ ВШЭ
Москва, Россия
svshaposhnikov@hse.ru*

Садои Юри

*Университет Мэйдзё
Нагоя, Япония
sadoi@meijo-u.ac.jp*

ПРАКТИКИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В МСП ЯПОНИИ

Аннотация: Цифровая трансформация (ЦТ) малых и средних предприятий (МСП) Японии становится актуальной темой, особенно учитывая, что из 4,21 миллиона японских компаний около 99,7 % являются малыми и средними, обеспечивающими почти 70 % всех рабочих мест¹. ЦТ рассматривается МСП как инструмент выживания, повышения производительности и конкурентоспособности. Учитывая снижение рождаемости, старение населения и сокращение рабочей силы в Японии, на МСП возлагаются большие надежды как движущую силу экономического роста и конкурентоспособности. В такой новой реальности от HR-менеджеров МСП требуется разработка стратегий управления персоналом, которая бы соответствовала и поддерживала стратегию управления и развития компании. В данном исследовании предпринята попытка выявить трансформационные процессы в управлении человеческими ресурсами в условиях цифровой трансформации МСП Японии.

Ключевые слова: *цифровая трансформация, управление человеческими ресурсами, МСП Японии.*

Проблема нехватки рабочей силы в Японии с каждым годом становится все более серьезной и уже сегодня более 60 % компаний ощущают дефицит кадров². Причины сокращения рынка рабочей силы в

---

¹ The Small and Medium Enterprise Agency, Japan. <https://www.chusho.meti.go.jp/koukai/chousa/chushoKigyousentai9wari.pdf> (дата просмотра 25.05.2023).

² Ministry of Economy, Trade and Industry, Japan. <https://www.meti.go.jp/report/whitepaper/mono/2022/pdf/all.pdf> (дата просмотра 10.05.2023).

Японии заключаются в снижении численности трудоспособного населения из-за снижения рождаемости и старения населения, диверсификации потребностей клиентов, несоответствии предложения рабочей силы потребностям экономики, проблемы наследования, а также диверсификации потребностей в формах занятости и стилях работы.

Численность населения трудоспособного возраста (15–64 года) в Японии достигла пика в 1995 г. и с тех пор продолжает снижаться. По прогнозам, к 2030 г. ожидается, что предложение рабочей силы составит 64,3 млн человек, в то время как спрос на рабочую силу – 70,7 млн, в результате чего дефицит рабочей силы составит 6,4 млн человек³.

Хотя нехватка рабочей силы является общей проблемой для всех компаний, масштабы этой проблемы различаются в компаниях различных размеров, отраслях и секторах экономики. Следует отметить и то, что нехватка рабочей силы не может быть решена лишь путем поиска и найма персонала в условиях стагнации рынка труда из-за снижения рождаемости и старения населения. Кроме того, в связи со снижающейся лояльностью сотрудников к компании, повышается вероятность того, что сотрудник может внезапно покинуть компанию, например, в тот момент, когда обучение уже завершено. Следует отметить и то, что сегодня попытка компенсировать нехватку персонала за счет найма сотрудников требует огромных затрат и времени.

Таким образом МСП приходят к пониманию того, что необходимо прикладывать усилия для повышения эффективности и производительности труда имеющихся сотрудников. Т.е. для руководителей проблема нехватки рабочей силы должна решаться стратегически с применением цифровых технологий, ведущих к цифровой трансформации компании.

Рассмотрим возможности применения цифровых технологий и реализация цифровой трансформации в управлении человеческими ресурсами на примере МСП Японии.

1. Автоматизация расчета заработной платы, управления трудовыми ресурсами и обработки документов, связанных с управлением персонала, повышает эффективность, снижает риск человеческой ошибки. Поскольку отделы кадров МСП состоят из небольшого числа сотрудников, нередко они превращаются в отделы, выполняющие только рутинные задачи. Однако, цифровая трансформация упрощает рутинные процессы, оптимизирует распределение персонала, по-

---

³ Ministry of Health, Labour and Welfare, Japan. <https://www.mhlw.go.jp/stf/wp/hakusyo/roudou/21/2-1.html> (дата просмотра 12.05.2023).

могает реализовывать оптимальные планы обучения сотрудников и проводить справедливую оценку достижений персонала.

2. Трансформация оценки персонала повышает мотивацию и ведет к оживлению организации. Обезличенная оценка персонала может привести к недовольству сотрудников, что является проблемой для МСП, которые основаны на принципах семейственности и высокой лояльности. Однако, если для всех сотрудников регистрируются одни и те же данные, и оценка персонала проводится соответствующим образом, мотивация сотрудников повышается.

3. Управление человеческими ресурсами становится проще для МСП. Чем больше данных консолидируется и накапливается, тем легче проводить различные обследования. Например, одним из таких примеров является анализ высокоэффективных сотрудников. Если анализ данных может быть включен в оценку и управление персоналом, то возможно повысить производительность компании в целом, например, упростив взаимодействие с сотрудниками и составление соответствующих планов обучения для них. Кроме того, на ранней стадии возможно проанализировать тенденции текучести кадров, которая становится острой проблемой МСП в последние годы. Все это также может помочь предотвратить отток талантливых кадров.

Данные решения применимы и для крупных компаний, однако для МСП они крайне важны, поскольку они работают в условиях различных ограничений.

Sergei V. Shaposhnikov

*HSE University
Moscow, Russian Federation
svshaposhnikov@hse.ru*

Sadoi Yuri

*Meijo University,
Nagoya, Japan
sadoi@meijo-u.ac.jp*

DIGITAL TRANSFORMATION PRACTICES OF HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN JAPANESE SMES

Abstract: Digital transformation in Japan's small and medium-sized enterprises (SMEs) is becoming a hot topic, especially considering that of

Japan's 4.21 million companies, about 99.7 % are small and medium-sized, providing nearly 70 % of all jobs. The IT is seen by SMEs as a tool for survival, productivity and competitiveness. Taking into account the declining birth rate, aging population and shrinking workforce in Japan, there are high expectations for SMEs as a driving force for economic growth and competitiveness. In this new reality, SMEs' HR managers are required to develop human resource strategies that align with and support the company's management and development strategy. This study attempts to identify the transformational processes in human resource management in the digital transformation of SMEs in Japan.

Keywords: *digital transformation, human resource management, SME in Japan*

УДК 811.521'36

DOI 10.25205/978-5-6049863-1-8-106-111

Наталья Витальевна Кутафьева

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

Natasha7362@mail.ru

ВЫРАЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КОЛИЧЕСТВА В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые морфологические и лексические маркеры выражения неопределенного количества в японском языке. Было выявлено, что в японских Интернет-словарях указывается различное количество, передаваемое с помощью маркера 数 *су*: «несколько». Среди русских студентов (40 чел.) было проведено интервьюирование с целью выяснения количества, передаваемого с помощью 数 *су*; 24 человека ответило, что «несколько» – это 3–5. Маркер 以上 *идзэ* является полисемантическим и контекстуально-обусловленным. Маркер -あたり *-атари*, выражая значение неопределенности, имеет ограничения по сочетаемости и используется с существительными, определенного класса, и местоимениями.

Ключевые слова: *неопределенное количество, семантика, маркер, японский язык*

Типология количества и различные средства ее выражения являются одной из актуальных и сложных проблем лингвистики. На материале различных языков, русского (Ломтев Т.П., Чеснокова Л.Д.), современных европейских (А.А. Акуленко), немецкого (Е.В. Гульга), китайского (И.Т. Зограф, Тань Аощуан), японского (А.А. Холодович, О.М. Высочин, Н.В. Кутафьева), и др. были предприняты попытки анализа данной категории.

Ранее мы определили, что количество является семантической категорией и одновременно представляет собой функционально-семантическое поле – группировку разноуровневых квантитативных

средств языка, выражающих количество. В ней выделяется поле определенного и неопределенного количества [Кутафьева, Гаврилова, 2009, с.124]. Языковые структуры со значением неопределенного количества используются в ситуациях, когда необходимо обозначить количество, но недостаточно информации для его точного указания.

Цель данной работы – рассмотреть некоторые морфологические и лексические маркеры неопределенности в японском языке, а также попытаться определить о каком количестве идет речь. Материалом для анализа являются примеры, взятые из японских Интернет-сайтов.

В качестве морфологического способа выражения неопределенного значения рассмотрим маркер 数 (су), имеющий суффиксально- (10 数 дзю:су: «десять с лишним») префиксально (数年 су:нэн «несколько лет») употребление. При этом возникает вопрос, о каком количестве идет речь.

Рассмотрим выражение 数人 су:нин «несколько человек». Предполагается, что значение «несколько» различается в зависимости от возраста. Так, в «Словаре непонятных слов» приведена следующая история. Преподаватель пригласил к себе домой нескольких студентов и приготовил угощение для 4–5-ти человек. Однако, в гости пришли только 2 студента. Таким образом, для представителей молодого поколения несколько – это 2–3, а для представителей старшего поколения 5–6 [Словарь..., 1996, с. 129–130].

Мы сравнили данные японских Интернет-словарей, в которых указано количество, передаваемое с помощью 数су:. В словаре Weblio указано, что 数- су:- обозначает количество от двух до шести¹. В словаре Kotobank – два–три или пять–шесть². В словаре Goo – от двух-трех до шести³. В общем, предполагается значение от двух до шести.

Мы провели опрос среди студентов, изучающих (10) и не изучающих (30) японский язык, На вопрос «сколько человек вы подразумеваете, говоря «несколько», студенты, изучающие японский язык, ответили «от 3 до 5» и связывают это с чтением классификаторов. С выражения 三人 саннин «три человека» начинается чтение, аналогичное 数人 су: нин. Среди студентов, не изучающих японский язык, 24 человека также ответили «от 3 до 5».

Рассмотрим два выражения 数十人 су:дзю:нин «несколько десятков человек» и 十数人 дзю:су:нин «десять с лишним человек». На

¹ URL: <https://www.weblio.jp/content/%E6%95%B0> (дата обращения 05.02.2023).

² URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%95%B0-83217> (дата обращения 05.02.2023).

³ URL: https://dictionary.goo.ne.jp/word/%E6%95%B0_%28%E3%81%8B%E3%81%9A%29/ (дата обращения 05.02.2023).

японском сайте⁴ выражение 数十人 *су:дзю:нин* означает «от 20 до 99 человек» при частотном использовании 20–30 или 50–60. 十数人 *дзю:су:нин* означает «12–19 человек». В комментарии сказано, что поскольку разброс значений большой, в тех случаях, когда требуется точное значение, подобные выражения лучше не использовать.

На основе данных японских Интернет-сайтов, можно заключить, что в выражении 十数 *дзю:су:* «десять с лишним» маркер 数 *су:* означает от 2 до 9. В японском Интернет-словаре *Goо* указано, что 十数 *дзю:су:* означает более 10 и менее 20⁵, т.е. 11–19. Как видно, на японских Интернет-сайтах указывается различное количество.

В качестве лексического способа выражения неопределенности рассмотрим выражения, в которых после числительных или существительных используются служебные слова 以上 *идзэ:* «более, выше» и 以下 *ика* «менее, ниже». Рассмотрим выражение 10 以上 *дзю:идзэ:* – 20 以下 *нидзю:ика*, что означает «более 10 (включая 10) и менее 20 (включая 20)». На ранее указанных японских сайтах 十数人 *дзю:су:нин* «10 с лишним человек» объясняется как 十数以上 *дзю:идзэ* «более 10-ти человек (включая 10)». Возникает противоречие, входит ли в указанный интервал число 10.

Служебное слово 以上 *идзэ:* имеет два значения и используется в двух вариантах: в указанный интервал входит и не входит предшествующее число, при этом во втором случае реализуется значение «превышать».

Примеры из области математики и права, в которых 以上 *идзэ:* «более» используется после числительных.

四捨五入 *сиясягоню:* это выражение можно записать как 5 以上は切上げ *го идзэ: ва кириагэ* «4 отбрасываем, округляем до 5». 5 входит в указанное количество.

満二十歳 以上は飲酒・喫煙できる。 *Ман нидзю: сай идзэ: ва инсю・кицзэн дэкиру.* «Людам, полных 20-ти лет и старше можно пить (крепкие напитки) и курить». 20 входит в указанное количество.

Примеры, в которых 以上 *идзэ:* «начиная с и выше» используется после существительных.

課長 以上は参加費一万円。 *Катэ: идзэ: ва санкахи итиман эн.* «Начальник департамента и более старшие по служебному положению платят за участие 10 тыс. йен».

⁴ URL: <https://toushitsu-off8.com/suunin-imi/> (дата обращения 22.01.2023).

⁵ URL: https://dictionary.goo.ne.jp/word/%E6%95%B0_%28%E3%81%8B%E3%81%9A%29/ (дата обращения 05.02.2023).

Однако, существуют случаи, когда *以上идзё*: используется после существительного, но при этом данное существительное не входит в указанный интервал.

今度の地震の被害は予想以上にひどかった。コンド-но дзисин-но хигаи ва ёсо: *идзё*:-ни *хидокатта*. «Ущерб от этого землетрясения был больше ожидания», т.е. ущерб превысил ожидание.

Обычно считается, что при сравнении степени основание для сравнения не входит в указанный интервал. Возвращаясь, к ранее приведенному примеру (*十数人 дзю:су:нин* «10 с лишним человек»), следует сказать, что в данном случае реализуется значение «превышать» и число 10 не входит в указанное количество.

С помощью служебного слова *以下ика* описывается интервал, содержащий число, стоящее перед *以下ика* и далее числа меньше этого числа (*18歳以下入場禁止 дзю:хассай ика ню:дзё: кинси* «вход запрещен до 18 лет включительно (т.е. людям 18-ти лет и младше вход запрещен). В этом значении *以下ика* может использоваться и после существительных.

小学生 *以下入場無料*. *Сё:гакусэй ика ню:дзё: мурё:* «Для учеников младшей школы и дошкольников вход бесплатный».

Рассмотрим полифункциональный и полисемантический маркер *あたりатару*.

Как лексема *あたりатару* имеет значение «то (те), что вокруг».

子どもたちが公園のあたりを走り回っている。Кодомотати-га ко:эн-но *атару-о хасиримаваттэиру*. «Дети бегают в окрестностях парка».

Как суффикс со значением неопределенности -*あたり-атару* используется в следующих случаях.

1. С временными существительными. При этом промежуток времени может быть достаточно большим, что вызывает трудности в понимании высказывания.

今年の六月あたり、お姑さんが上京されるそうよ。Котоси-но рокугацу*атару*, о-сю:тосан-га *дзё:кё:сарэру со: ё*. «Теща сказала, что придет в Токио примерно в июне этого года».

2. С фамилиями людей, при этом фамилия означает не конкретного человека, а окружающих людей, т.е. по сути дела речь идет о репрезентативном множестве, представителем которого является данный человек.

会議室の鍵の行き方、誰か知りませんか。Кайгисицу-но каги-но *икиката, дарэ ка сиримасэн ка?* «Кто-нибудь знает, где ключ от зала заседаний?».

あ、それなら木村さんあたりに聞いてみたら? *A, sorэ nara Кимурасанатари-ни кийтэ митара?* «Об этом лучше спросить Кимура и др.».

3. С локальными существительными или местоимениями.

すみません。妙見さんのお宅を捜しているんですが。*Сумимасэн, Мё:кэнсан-но о-таку-о сагаситэиру н дэсу га.* «Извините, я ищу дом господина Мё:кэн».

さあ、ここらあたりで妙見っていう人はいないと思うけど。*Са; кокораатари-дэ Мё:кэн ттэ цу хито ва инай то омоу кэдо.* «А-а, думаю, что где-то здесь (в этих местах) нет господина с фамилией Мё:кэн».

4. В сочетании с географическим названием или фамилией, передает значение «например» (*ロンドン*あたりでは *Рондонатари-дэ ва* «в таком городе как Лондон»; 責任者といえは山田くんあたりだろう。*Сэкининся то изба Ямадакунатари даро:* «В качестве ответственного лица лучше всего подошла бы кандидатура кого-либо вроде Ямада», или значение «вокруг, около, вблизи», например, *青森*あたりから来た。*Аомориатари-кара кита.* «Приехал из Аомори или откуда-то поблизости»).

Итак, на основании проведенного анализа мы выяснили следующее.

В японских Интернет-словарях указано разное неопределенное количество, выражаемого с помощью 数 су: «несколько», таким образом, для японцев значение неопределенного количества разнится.

На основании опроса, проведенного среди русских студентов, стало понятно, что «несколько» – это 3–5.

Служебное слово 以上 *идзё* является полисемантическим и контекстуально-обусловленным.

Суффикс -あたり -*атари* со значением неопределенности имеет ограничения по сочетаемости и используется с существительными, определенного класса, и местоимениями.

Литература

Кутафьева Н.В., Гаврилова М.И. Категория количества в свете представлений современной лингвистики и способы ее выражения в современном японском языке // Вестник НГУ. Сер.: История, филология, 2009, с. 123–129.

Хага Ясуси, Сасаки Мидзуэ, Кадокура Масами. Аймайго дзитэн [芳賀綏, 佐々木瑞枝, 門倉正美. あいまい語辞典]. Словарь непонятных слов. Токио: То:кё:до:. 1996. 300 с. (на яп. яз.)

Nataliya V. Kutafeva

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
Natasha7362@mail.ru

EXPRESSION WITH MEANING OF INDEFINITE QUANTITY IN JAPANESE LANGUAGE

Abstract: This article deals with morphological and lexical markers of expression of indefinite quantity in Japanese language. We revealed that Japanese Internet dictionaries show different quantity expressed with marker 数 *suu*. Among 40 Russian students answered on the question what quantity as you think is expressed with marker “some” 24 answered 3–5. Marker 以上 *ijou* is polysemantic and depended on context. Suffix -あたり *-atari* expressing meaning of indefinites has restrictions on compatibility and is used with noun of a certain class and pronouns.

Keywords: *indefinite quantity, semantics, marker, Japanese language*

Елена Владимировна Симонова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
orient@lab.nsu.ru*

КИТАЙСКИЕ ЧТЕНИЯ ИЕРОГЛИФОВ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: В работе представлен краткий обзор китайских, или онных, чтений иероглифов в японском языке. Процесс заимствования и адаптации китайских чтений иероглифов в Японии отличался от Кореи и Вьетнама, где в основном иероглиф обладает одним китайским чтением. Особенностью иероглифики японского языка является сохранение китайских чтений иероглифов, пришедших в страну в разное время, из разных мест и источников. Один иероглиф может иметь три, а в некоторых случаях до пяти разных онных чтений. Традиционно выделяются три основные группы чтений: *гоон*, *канъон* и *то:он*. Кроме них существует *канъё:он*, чтение, основанное на искаженном или ошибочном чтении, со временем закрепившееся в языке. Пятая группа чтений *коон* фиксируется в письменных памятниках, но практически не используется в настоящее время.

Ключевые слова: *китайский иероглиф, фонетическая адаптация, онъёми*

Китайский иероглиф, который составляет основу японской письменности – это условный знак, характеризующийся своей графической формой и ассоциирующийся со словом, для записи которого он был создан. Соответственно, иероглиф представляет собой единую триаду, которую составляют графема, фонема и морфема. Китайский иероглиф 人 имеет чтение *жэнь* и означает «человек». Китайский слово, пришедшее в Японию вместе с иероглифом, подверглось фонетической трансформации в соответствии с особенностями японского языка: открытостью японского слога (в отличие от трехкомпонентного китайского), отсутствием палатализации и пр. Так китайское *жэнь* стало японским *нин*, сохранив и японское чтение *хито*. Поэтому китайский иероглиф в японском языке имеет минимум два чтения: первое – *он* (яп. 音, букв. «звучание») обозначает слово (морфему), пришедшее в японский язык вместе с китайским иероглифом; вто-

рое – *кун* (яп. 訓 букв. «толкование») – исконно японское слово, поясняющее смысл китайского слова. Исключения составляют японские иероглифы *кокудзи* 国字, имеющие, как правило одно японское чтение (*кун*).

Заимствования китайских иероглифов происходили в разные исторические периоды, из разных районов, через разные каналы. Произношение китайских иероглифов сильно отличалось в зависимости от локализации и временных рамок. Поэтому один и тот же иероглиф, пришедший из разных источников, мог иметь различные чтения. В Корее и Вьетнаме происходил тот же процесс заимствования иероглифов и адаптации к фонетическому строю языка, однако, в отличие от Японии, там базово существует один вариант чтения иероглифа – новые адаптированные чтения вытесняли старые.

Считается, что существует три основные группы китайских чтений иероглифов в японском языке, выделяемые соответствии с периодом заимствования: 呉音 *гоон*, 漢音 *канъон* и 唐音 *то:он*. Впервые выделил эти три группы чтений Мотоори Норинага (1730–1801) в своем исследовании китайских чтений иероглифов.

Далее рассмотрим группы чтений *онъёми*.

1. *Гоон* 呉音 (букв. звучание из царства У)

Царство У (современный Шанхай) – исторический район, занимавший правый берег нижнего течения Янцзы; отсюда происходит современный диалект У). Это самое раннее заимствование (IV в. – первая половина VII в.). Считается, что заимствование осуществлялось преимущественно через корейский полуостров, поэтому чтение называется также *кudaraон* 百濟音 (*Кудара* – название одного из корейских государств того времени). Это чтение было распространено в южных областях Японии. В названии столицы Японии Токио (東京 *то:кё:*) встречаем это чтение. Это самое старое чтение *гоон* сохранилось, поскольку использовалось в буддийских текстах. Первое летописание Японии «Кодзики» также использует *гоон*. Этот тип чтения максимально адаптировался к фонетическому строю японского языка и подвергся самым значительным изменениям.

2. *Канъон* 漢音 (букв. ханьское чтение)

Диалект, распространенный в столице Китая Чанъани эпохи династий Суй (581–618) и Тан (618–907). *Канъон* привезли посольства, посещавшие Китай, студенты, обучавшиеся в Китае, проповедники, так что заимствовалось самое актуальное произношение северного Китая. *Канъон* широко использовался в эпохи Нара (710–794) и Хэйан (794–1185). Во времена Хэйан диалект *гоон* был запрещен, а *канъон*

признан нормативным. Это чтение встречаем в топониме 京浜 *кэйхин* Кэйхин. До нас дошло произношение раннего периода Хэйан (или Дзёган, 794–894), более поздний *канъон* (его называют новый *канъон*, или *синканъон*) не сохранился. Однако по рукописям можно проследить процесс заимствования. Японский исследователь Нумамото Кацуаки в работе «История китайских чтений иероглифов в японском языке» приводит примеры чтений *канъон* и *синканъон* (новый *канъон*):

иероглиф	<i>канъон</i> (漢音)	<i>синканъон</i> (新漢音)
門	モン <i>мон</i>	ボン <i>бон</i>
名	メイ <i>мэй</i>	Бэй <i>бэй</i>
白	ハク <i>хаку</i>	Хай <i>хай</i>
国	コク <i>коку</i>	Кэки <i>ку:ки</i>
供	クキ <i>кё:</i>	Кукю: <i>ку:</i>

Гоон и *канъон* – это самые распространенные китайские чтения в японском языке; каждому японисту знакомо сомнение при выборе чтения иероглифа в сочетаниях: *ман* или *бан*, *нэн* или *дзэн*? Заимствования отличались, как известно, местом, источником и временем. Интересно сравнение фонетических изменений в диахронии, поскольку дает возможность увидеть закономерности фонетических изменений в китайском и японском языках:

呉	漢	примеры
ナ行 ряд <i>на</i>	ザ行 ряд <i>дза</i>	日 <i>нити</i> – <i>дзицу</i> 然 <i>нэн</i> – <i>дзэн</i> 若 <i>няку</i> – <i>дзяку</i>
<i>на</i>	<i>да</i>	男 <i>нан</i> – <i>дан</i> 女 <i>нё</i> – <i>дзё</i> 怒 <i>ну</i> – <i>до</i>
<i>ма</i>	<i>ба</i>	米 <i>май</i> – <i>бай</i> 万 <i>ман</i> – <i>бан</i> 美 <i>ми</i> – <i>би</i>
<i>ти</i>	<i>цу</i>	一 <i>ити</i> – <i>ицу</i> 八 <i>хати</i> – <i>хацу</i> 質 <i>сити</i> – <i>сицу</i>

Еще одним примером может служить счет, цифры от одного до десяти, известные тому, кто занимался спортивными единоборствами.

Гоон: *ити, ни:, сан, си:, го:, року, сити, хати, ку, дзю:*.

Канъон: *ицу, дзи, сан, си, го, рику, сицу, хацу, кю:, сю:*.

Как видим, современный вариант является смешением более старого чтения *гоон* и *канъон*, хотя основой можно считать *гоон*.

3. *То:он* 唐音 (букв. танское звучание)

Чтение, распространившееся в эпоху Камакура (начало XIII в.), заимствованное из произношения династий Сун и Мин. Это диалект

буддийских проповедников и торгового люда, наиболее близкий в произносительной норме к современному разговорному китайскому языку. Пример: 南京 *нанкин* Нанкин.

То:он (так впервые обозначил это чтение Мотоори Норинага в работе «Три вида китайских чтений») имел хождение в среде знатоков классической китайской литературы. Это чтение пришло с языком переводчиков из Нагасаки, так что можно считать, что это один из южных китайских диалектов. *То:он* того времени значительно отличался от современного китайского нормативного письма, в основу которого лег пекинский диалект. Официальные государственные сношения с империей Цин заменяла частная торговля, которую вели предприимчивые люди в Нагасаки, получив на то лицензию. Соответственно, язык, на котором общались купцы из Китая и японцы в Нагасаки, был южным диалектом китайского. Южнокитайские диалекты, использовавшиеся в Нагасаки, включали нанкинский, фучжоуский, чжанчжоуский и цюаньчжоуский, и у каждого был свой переводчик, что определило большое разнообразие произносительных вариантов.

4. *Кангё:он* 慣用音 (букв. общепринятый, от 慣用 «общепринятый», «привычный»)

Кроме трех основных видов *онных* чтений существует основанное на искаженном или ошибочном, но являющееся общепринятым чтение иероглифов. Изначально неправильное, со временем такое чтение стали считать правильным. Например, в сочетании 憧憬 «восхищение», «тоска» иероглиф 憧 имеет чтения *сё*-, *то*-, *до*- и правильным было бы читать *сё:кэй*, однако в современном языке закрепилось чтение *до:кэй* (хотя словари дают вторым чтением *сё:кэй*). Бывает так, что слово узнается только в закрепившемся «неправильном» чтении: 輸入 «импорт» читается *юню*-, хотя правильным является чтение *сюню*-. 輸 – *кангё:он* вытеснил каноническое чтение, и в словарях оно фиксируется, но в сочетаниях используется чтение *ю*.

5. *Коон* 古音 (букв. старое чтение)

Самое старое чтение называется *коон*, это чтение эпохи династий Чжоу и Хань. Впервые обратил внимание на это древнейшее чтение Яманаси Тосэн (1771–1826), исследовавший старейший иероглифический словарь 說文解字 *сэцумон кайдзи* (содержащий около 10 тысяч иероглифов и 540 ключей) эпохи поздняя Хань. Он заметил, что в этом словаре чтение иероглифа определяется *цукури*-ключом (ключом, расположенным справа в иероглифе), а не *хэн* (слева) и *каммури* (в верхней части иероглифа) ключами. Например, иероглифы 台 ·

怡・始, которые в соответствии с чтением *канъон* должны читаться соответственно *тай, и, си*, в словаре читаются *си*, по ключу 台. В дошедших до нас текстах правления императрицы Суйко (558–624), так называемого документального наследия эпохи Суйко (охватывают период около ста лет) встречаются более старые, нежели *го:он*, чтения иероглифов (которые используются, подобно знакам *манъёганы*, как фонетические): 奇 *ка* (а не *ки*), 移 *я* (не *и*), 意 *о* (не *и*) и пр. [Нумамото, 62]. Это чтения, подобные части чтений *гоон*, пришедшие в Японию из Кореи (а не из Китая непосредственно), но отличающиеся от них. Корейский исследователь Кан Токо в монографии «Исследования по *иду* и *манъёгане*» также приводит примеры употребления таких чтений иероглифов. Эти иероглифы употреблялись в качестве фонетических знаков и имели чтение, совпадающее с чтением корейских знаков *иду* (из восьмидесяти знаков совпадают шестьдесят шесть). Это также подтверждает выделение отдельной группы самых старых (или архаичных) чтений, значительная часть которых представлена в документальном наследии эпохи Суйко.

Итак, можно выделить пять групп китайских чтений иероглифов японском языке, три среди которых считаются основным: *гоон*, *канъон* и *то:он*. Самыми широко представленными и активно используемыми в современном японском языке являются *гоон* и *канъон*, (закономерности фонетических изменений которых изучены), реже можно встретить чтение *то:он*. *Канъё:он* используется ограниченно, *коон* в настоящее время практически не используется.

Литература

- Кан Токо.** Рито:-то манъёгана-но кэнкю: [姜斗興. 吏読と万葉仮名の研究。和泉書院] Исследования по *иду* и *манъёгане*. Идзуми сёин, 1982. 306 с. (на яп. яз.)
- Мотоори Норинага.** Кандзи санъонко: [本居宣長. 漢字三音考。筑摩書房] Материалы по исследованию трех китайских чтений иероглифов. Тикума сёбо, 1970. (на яп. яз.)
- Нумамото Кацуаки.** Нихон кандзион-но рэкиси. [沼本克明. 日本漢字音の歴史。東京堂出版] История китайских чтений иероглифов в японском языке. То:кё:до: сюппан, 1986. (на яп. яз.)
- Яманаси Тосэн.** Сэцумон кайдзи [説文解字。山梨稲川集。山梨稲川集刊行会] Пояснение к словарю иероглифов. Яманаси Тосэнсю: ханко:кай, 1929. (на яп. яз.)

Elena V. Simonova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
orient@lab.nsu.ru*

CHINESE READINGS OF CHARACTERS IN JAPANESE

Abstract: The article presents a brief overview of Chinese, or *on'yomi*, readings of hieroglyphs in Japanese. The process of borrowing and adapting Chinese readings of characters in Japan differed from Korea and Vietnam, where the character generally has one Chinese reading. A feature of Japanese hieroglyphics is the preservation of Chinese readings of hieroglyphs that came to the country at different times, from different places and sources. One hieroglyph can have three, and in some cases up to five different readings. Traditionally, there are three main groups of readings: *goon*, *kan'on* and *to:on*. In addition to them, there is *kanyo:on*, a reading based on a distorted or erroneous reading, which over time was fixed in the language. The fifth group of *koon* readings is recorded in written sources, but is practically not used at present.

Keywords: *Chinese character, phonetic adaptation, on'yomi.*

Любовь Владимировна Кирюхина

Иркутский государственный университет

Иркутск, Россия

lyubabukhtulova@mail.ru

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ И НЕЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КИТАЙСКИХ СЛОВАРЯХ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

Аннотация: На материале монографий 《语助》 «Юй чжу», 《虚字说》 «Сюй цзы шо», 《助字辨略》 «Чжу цзы бянь люэ» и 《经传释词》 «Цзин чжуань ши цы» XIV–XVIII вв. рассматривается толкование значений лексических единиц. Приводятся примеры из указанных словарей, которые сопровождаются переводом на русский язык. Данные изученных работ показывают, что учёные традиционного китайского языкознания чётко различают знаменательные и служебные значения иероглифических знаков, периодически (не системно) прибегают к толкованию служебных значений посредством пояснения связи со знаменательным значением. Такие факты представляют собой первые попытки описания грамматикализации китайской лексики.

Ключевые слова: *традиционное китайское языкознание; грамматика; грамматикализация.*

Традиционную китайскую филологию отличает богатая лексикографическая традиция. «Словарным» [Алпатов, 1990, с. 23] способом описываются и некоторые связанные с грамматической стороной языка явления: составляются особые словари служебных слов.

В рамках настоящего исследования на основе анализа статей такого рода словарей рассматриваются способы описания знаменательных и служебных значений лексических единиц. В качестве материала исследования выступают такие работы, как 《语助》 «Юй чжу» (1324 г., автор – 卢以纬 *Лу Ивэй*), 《虚字说》 «Сюй цзы шо» (написан в 1710 г., издан в 1746 г., автор – 袁仁林 *Юань Жэньлин*), 《助字辨略》 «Чжу цзы бянь люэ» (1711 г., автор – 刘淇 *Лю Ци*), 《经传释词》 «Цзин чжуань ши цы» (1798 г., автор – 王引之 *Ван Иньчжи*).

В ряде словарных статей «Юй чжу» представлено описание многозначных лексических единиц, причём некоторые из них совмещают

служебное значение и знаменательное. Лу Ивэй указывает на различия в функционировании таких знаков, а также иногда пытается продемонстрировать связь между знаменательным и незнаменательным значениями [Кирюхина, 2019, с. 221–224]. У знака 云 отмечаются значения 言说 *говорить* и 为 *являться*, однако указывается и «вспомогательное» употребление для обозначения конца высказывания; знак 庸 со значениями 常 *обычный*, 用 *требуется* противопоставляется его употреблению в риторических вопросах; помимо значения 顾 как 回顾 *смотреть назад* приводятся примеры, где данный знак функционирует синонимично 反 *наоборот*; у знака 殆 есть знаменательное значение 危 *опасность* и незнаменательное почти [Лю Яньвэнь, 1986, с. 58, 62–63]. В 25 словарной статье Лу Ивэй разбирает значения лексических единиц 盖, 大抵, 大概 и 一切 [Там же, с. 32]. Всех их объединяет идея «выравнивания»: у 盖 есть значение *сравнить*, у 抵 – *ровнять*, 概 – *выравнивать зерно в мерке специальной рейкой*, 切 – *резать*, т. е. *делать ровным при помощи ножа*. Как следствие, незнаменательное значение вышеуказанных единиц – *говорить общо*. Таким образом, несмотря на то, что в «Юй чжу» присутствуют некоторые описания связи знаменательных и служебных значений словарных единиц, однако можем сказать, что такие указания являются малочисленными, не отличаются системностью.

Юань Жэньлинь в «Сюй цзы шо»¹ также показывает происхождение «служебных» значений лексических единиц от соответствующих «знаменательных» [Кирюхина, 2023, с. 574]. Так, для знака 盖 со знаменательным значением *крышка* указываются и случаи функционирования как незнаменательной единицы: 用以劈头发语者。约略言也。Используется для [того, чтобы] начать [высказывание]. Говорить общо. (Пример: 盖有不知而作之者 *есть [люди, которые ничего] не знают, но действуют*); 用以承顶上文者。因事推理。因迹原心。因前文散举。而归著收拾之。皆推原约略意。Используется для [маркирования] начала развития вышеизложенной [мысли]. В соответствии с обстоятельствами делать выводы. В соответствии с признаками доискиваться до сути. В соответствии с сочинениями прежних времён обосновывать [и] излагать. Резюмировать и обобщать. Это всё [передает] обобщающее значение сделанных умозаключений. (Пример: 爱敬尽于事亲，而德教加于百姓，刑于四海，盖天子之孝也。 [Импера-

¹ Юань Жэньлинь. Сюй цзы шо [袁仁林. 虚字说]. О пустых словах (на кит. яз.) URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=305050&remap=gb> (Дата обращения: 15.06.2023).

тор] всеми силами заботится о родителях, почитает [их]; [такое] нравственное воспитание распространится и на народ; [народ будет] повсеместно подражать [императору]; [такова] сыновья почитательность императора). Для знака 顾 отмечается, что его основным значением является 转头别看 повернуть голову [и] не видит [того, что происходит впереди]. В предисловии к своему сочинению Юань Жэньлинь указывает, что 所谓语辞 так называемые служебные слова 分虚实, 又分虚实之半 делятся на пустые, полные и переходные между пустыми и полными. По возможности автор старается показать переход от однозначных лексических единиц к многозначным.

Лю Ци толкует значение знака 坐 [Лю Ци, 1948, с. 160] как 入罪 обвинять, 不得移动 не позволять перемещаться (Пример: 皆坐臧为盗 [за] все [эти действия] осудить (досл. посадить и удерживать) как преступника), т. е. результатом нарушения закона является 坐; у данного знака появляется служебное значение 因 причина (Пример: 坐不生得, 以见责让. Из-за [того, что] не захватил [его] живём [в плен], [меня] осуждают). Кроме того, у знака 坐 есть значение 不动 не двигаться, от которого появляется служебное значение 定 определённо, постоянно. Т. е. Лю Ци появление служебных значений у знака связывает с основным, знаменательным значением.

В «Цзин чжуань ши цы» Ван Инъчжи отмечает, что 义相因 значения [знаменательное и служебное] взаимно связаны, так, 迪 значит 用 брать на службу (Примеры: 昏弃厥遗王父母弟不迪 будучи в помутнении сознания пренебрегает потомками родителей вана, не принимает [их] на службу; 咸建五长各迪有功 Везде учреждены [должности] глав, каждый [из них] достиг успеха – во втором примере 迪 функционирует как эмфатическая частица) [Ван Инъчжи, 2016, с. 61]. Знак 终 толкуется как 已 завершить, также у него есть значение 词之既 завершить высказывание, знак 终 передаёт то же значение, что и 既. Как и 既, может функционировать в качестве союза и употребляется в конструкции 终……且…… или 终……又…… со значением и...и... (Пример: 终善且有 и хороший, и богатый) [Там же, с. 86].

Толкование знаменательных значений иероглифических знаков, естественно, не входило в задачи авторов словарей служебных слов, однако для описания употребления служебных единиц в некоторых случаях исследователи всё же прибегают к толкованию служебного значения посредством описания связи со знаменательным, также подчёркивается различие знаменательного и незнаменательного употребления лексических единиц. Такие факты демонстрируют внимание филологов традиционного китайского языкознания к превра-

щению неграмматических единиц языка в грамматические, иллюстрируют переход от однозначности к многозначности лексических единиц.

Литература

- Алпатов В. М.** О сопоставительном изучении лингвистических традиций (К постановке проблемы) // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1990. № 2. С. 13–25.
- Кирюхина Л. В.** О многозначных словах в 《语助》 «Юйчжу» 卢以纬 Лу Ивэя // Россия – Китай: история и культура: сборник статей и докладов XII Международной научно-практической конференции. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2019. С. 220–225.
- Кирюхина Л. В.** О толковании лексических единиц в словаре Юань Жэньлиня // XXXII Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ. 26–28 апреля 2023 г.: Материалы конгресса / Отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. О. Победоносцева Кая, П. И. Рысакова. СПб: Изд-во РХГА, 2023. С. 573–575.
- Лю Ци.** Чжу цзы бянь люэ [刘淇。助字辨略] Краткое руководство для различения вспомогательных слов. Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1948. 353 с. (на кит. яз.)
- Лю Яньвэнь.** Юй чжу цзяо чжу [刘燕文。语助校注] «Юй чжу» с комментариями. Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 1986. 85 с. (на кит. яз.)
- Ван Иньчжи.** Цзин чжуань ши цы [王引之。经传释词] Толкование лексики канонов и комментариев. Нанкин: Фэнхуан чубаньшэ, 2016. 179 с. (на кит. яз.)

Lyubov V. Kiryukhina

*Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation
lyubabukhtulova@mail.ru*

LEXICAL AND GRAMMATICAL MEANINGS IN CHINESE DICTIONARIES OF FUNCTION WORDS

Abstract: Based on the material of such monographs, as “Yu zhu”, “Xu zi shuo”, “Zhu zi bian lüe” and “Jing zhuan shi ci” the interpretation of lexical units’ meanings is considered. Examples from the dictionaries are given, these examples are translated into Russian. The facts of the works under study show that the scholars of traditional Chinese linguistics clearly distinguish between lexical and grammatical meanings of hieroglyphic signs, also distinguish

between using hieroglyphic sign as a content word and as a function one, periodically (not systematically) interpret grammatical meanings by explaining its relation to the lexical meaning. Such facts represent the first attempts to describe the grammaticalization of Chinese words.

Key words: *traditional Chinese linguistics, grammar, grammaticalization.*

Лола Абдуллаевна Туйлиева

*Бухарский государственный университет
Бухара, Узбекистан
tuylieva70@mail.ru*

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ
В «СЛОВАРЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ»
МАХМУДА КАШГАРИ**

Аннотация: Данная научная статья посвящена исследованию лексико-семантических групп глаголов, собранных в книге лексикографа и филолога Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турки». В частности анализируются ЛСГ глаголов движения, говорения, действия, состояния, мышления и качества, изображения и звукоподражания. Семантические особенности глаголов «Словаря» соотносятся с глаголами современного узбекского языка.

Ключевые слова: «Словарь тюркских языков», «Диван лугат ат-турки», тюркские народы, тюркский язык, фонетика, грамматика, морфология, лексико-семантические группы, глагол, семантика.

Величайший шедевр Средневековья «Словарь тюркских языков» («Дивани лугат ат-тюрки») Махмуда Кашгари – первый универсальный словарь в истории тюркских народов, охватывающий все элементы диалектологических, толковых, этнографических, историко-этимологических словарей, а его автор Махмуд ибн ал-Хусейн ибн Мухаммед Кашгари является одним из великих деятелей культуры раннего Средневековья в Средней Азии. Всему миру он известен как основоположник научной тюркологии, великий ученый-энциклопедист. Хорошо разбирающийся во многих науках Махмуд Кашгари исследовал язык, культуру, этнографию, фольклор, географию и историю тюркских народов.

Чтобы показать богатство, значимость и разнообразие тюркского языка, «Словарь тюркских языков» был написан на арабском языке, считающийся в то время языком религии и науки на всем Ближнем и Среднем Востоке. Это словарь, в котором ученый объясняет значение тюркских слов на арабском языке. Арабские пояснения даны более 7500 турецким словам и выражениям. До этого периода в миро-

вой истории никто не изучал языки в сравнительном аспекте. Поэтому в истории мировой науки и культуры данный труд приобрел большое значение как один из первых образцов такого рода работ.

Словарь охватывает как литературный язык, так и основные тюркские диалекты, а соотношение литературного языка и диалектных элементов в нем составляет в среднем 10–12 слов литературного языка на одно диалектное слово, т. е. особое значение отдается общетюркскому литературному языку. Эта ситуация является веским доказательством того, насколько распространенным и сильным был тюркский литературный язык в то время в этом регионе.

В тюркском мире великому труду Кашгари. Словарь, созданный в XI веке с самого начала заинтересовал учёных-тюркологов. Очень мало написано научных статей и работ об этом труде. Что касается изучения непосредственно глаголов в языке «Дивана», то они до сих пор не подверглись специальному изучению. Отдельные его вопросы были изучены в трудах таких российских востоковедов, тюркологов, как А. М. Щербак, Б. А. Серебrenников, Д. М. Насилов. В узбекском языкознании тоже нет достоверного полного исследования глаголов «Дивана». Вопросы, касающиеся глаголов затрагивались лишь попутно или фрагментарно. Лексико-семантические группы глаголов «Словаря» тоже недостаточно исследованы. Все это обуславливает актуальность настоящего исследования.

Для создания своей книги учёный собирал материал в течении многих лет. Он странствовал по городам и сёлам туркмен, огузов, чигилов, ягманов, кыргызов, кочевал по их пастбищам, изучал различные диалекты и говоры, сравнивая с литературным языком и собрал чрезвычайно богатый материал для своего словаря. Махмуд Кашгари сообщает: «Я уделял им столько внимания, что языки тюркских, туркменских, огузских, чигильских, ягма и кыргызских племен стали мне очень близки. Я упорядочил их самым тщательным образом» [Кашгарий, 2017, с. 14] Замысел «Дивана» свидетельствует о великой любви автора к родной культуре и языку, гордости за них. Российский языковед, историк-арабист, специалист по арабским рукописям В. И. Беляев пишет о произведении Кашгари: «Мы должны дать этому произведению очень высокую оценку, потому что оно написано не по книгам, а на основе личного наблюдения живого материала» [Дмитриев, 1962, с. 179].

Словарь состоит из двух частей – предисловия и словаря. Последовательность слов в словаре основана на принципах, разработанных арабской лексикографией: сначала идут двухбуквенные слова, затем

трех-, четырех-, пяти- и. т. п. В области морфологии автор, по традиции того времени, делит группы слов на три части речи: глагол, имя существительное, союз.

Очень часты употребления в словаре глаголов. Объединив глаголы «Словаря» по смыслу, можно выделить следующие лексико-семантические группы:

I. Глаголы движения. Они обозначают в основном перемещение. Например:

1) **бaрдi** – идти, пойти, **ol ewkă bardî** – он (она) пошел (пошла) домой и в другие места [Кашгарий, 2017, с. 210];

2) **araladi** – проходить между двумя предметами [Кашгарий, 2017, с. 127];

3) **kezdi** – странствовать, **ol yerig kezdi** – он странствовал по земле [Кашгарий, 2017, с. 211]

4) **uĉdî** – лететь, полететь, **quş uĉdî** – птица полетела [Кашгарий, 2017, с. 80];

5) **qaĉiştî** – убежать, **olar bir-birdin qaĉiştî** – они убежали друг от друга [Кашгарий, 2017, с. 234];

II. Глаголы говорения. Они обозначают различные процессы речевой деятельности человека. Например:

1) **ayttî** – спросить, попросить, **ol menâ sôz ayttî** – он просит у меня слова [Кашгарий, 2017, с. 97];

2) **arqadî** – проклинать, **ol arî qarġgadî, arqadî** – он проклинал его, оскорблял его, говорил плохие вещи [Кашгарий, 2017, с. 118];

3) **alqaşdî** – аплодировать, **ol meniñ birlâ alqîş alqaşdî** – он хвалил, аплодировал мне [Кашгарий, 2017, с. 104];

III. Глаголы, обозначающие действие. Это наиболее часто встречающийся в «Словаре» тип глаголов. Например:

1) **iĉdî** – пить, **er suw iĉdî** – есть человек пил воду [Кашгарий, 2017, с. 80];

2) **biĉdî** – резать, **er et biĉdî** – человек порезал мясо [Кашгарий, 2017, с. 209];

3) **aĉdî** – открыть, **qapuġ aĉdî** – открывать дверь [Кашгарий, 2017, с. 80];

4) **kördî** – увидеть, **ol meni kördî** – он меня увидел. [Кашгарий, 2017, с. 211];

5) **qaqtî** – осторожноенько побить, **anî başra qaqtî** – он осторожно побил его по голове [Кашгарий, 2017, с. 299];

6) **yazdî** – написать, **ol bitig yazdî** – он написал письмо [Кашгарий, 2017, с. 344];

7) **taturdum** – покормить, **men aᅇar aᅇ taturdum** – я покормила его пловом [Кашгарий, 2017, с. 228];

8) **qučuᅇdi** – обняться, **ol meniᅇ birlä qučuᅇdi** – он обнялся со мной [Кашгарий, 2017, с. 234];

9) **berdi** – дать, **ol meᅇä yarmaᅇ berdi** – он дал мне монеты (деньги) и другие вещи [Кашгарий, 2017, с. 386];

10) **soruᅇladi** – жарить, **ol tariᅇ soruᅇladi** – он пожарил пшеничный колос, чтобы поесть [Кашгарий, 2017, с. 436];

11) **kökladi** – завязать, **ol eᅇär kökladi** – он завязал седельный ремень [Кашгарий, 2017, с. 425];

IV. Глаголы состояния, качества и мышления. Главная особенность этих глаголов с точки зрения их семантики – они имеют значение настоящего времени.

1) **buᅇti-tarindi** – расстроится, испытывать тоску, **er iᅇta buᅇti-tarindi** – человек расстроился на работе [Кашгарий, 2017, с. 251];

2) **uyatti** – стесняться, **ol mendiᅇ uyatti** – он постеснялся меня. [Кашгарий, 2017, с. 97];

V. Глаголы звукоподражания. Это глаголы, которые своим звуковым составом воспроизводят издаваемые человеком, животными, или предметами звуков. Например: **baᅇirdi** – рычать, реветь (о животных), **tewäy baᅇirdi** – верблюд рычит [Кашгарий, 2017, с. 388];

Конечно, Кашгари в «Дивани лугат ат-тюрки» не рассматривал лексико-семантические группы глаголов. Но он осмысливал семантику глаголов через употребление их в текстах.

Благодаря разделению глаголов на лексико-семантические группы можно увидеть, что в XI веке наиболее употребительными из них были глаголы действия. Очень редко встречаются в «Словаре» глаголы мышления. Лексические значения многих глаголов изменились. Например, значение глагола «saᅇindi» в «Словаре» – «думал», «желал». В современном узбекском языке этот глагол не является синонимом глаголов «думать», «размышлять». Глагол «sog`indi» современного литературного языка сменил семантику исконную «размышлять о чем-то» на «тосковать».

Подводя итоги, можно сделать вывод, что с точки зрения теории и истории глагола глаголы тюркской средневековой эпохи сыграли значительную роль в развитии современных тюркских языков, в том числе узбекского. Современные языки, входящие в тюркскую семью языков, в том числе и узбекский, являются продолжением древнетюркского языка. Поэтому труд Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-тюрки» является ценным источником при исследовании языков тюркских народов в средние века.

Литература

- Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. Москва: Издательство восточной литературы, 1962. 607 с.
- Искакова Б. Д., Карипжанова Г. Т. Семантические группы глагола в труде М. Кашгари «Диванилугатат-тюрк» // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 56–61.
- Канонов А. Н. Изучение «Дивану лугатит-Турк» Махмуда Кашгарского в СССР // Советская тюркология. 1973. №1. С. 3–9.
- Мадвалиев А. Махмуд Кошгарий // Национальная энциклопедия Узбекистана. Ташкент: Издательство ГУ «Узбекская национальная энциклопедия» 2003. Т. 5.
- Кашгарий Махмуд. Девону лугати-т-турк (Туркий сузлар девони) – Тошкент: Еафур Гулом номидаги нашриёт. 2017. 483 с.

Lola A. Tuylieva

*Bukhara State University
Bukhara, Uzbekistan
tuylieva70@mail.ru*

LEXICO-SEMANTIC GROUPS OF VERBS IN “THE DICTIONARY OF TURKIC LANGUAGES” BY MAHMUD KASHGARI

Annotation: This scientific article is devoted to the study of lexico-semantic groups of verbs collected in the book of lexicographer and philologist Mahmud Kashgari “Divan lugat at-Turki”. In particular, lexico-grammatical groups of verbs of movement, speaking, action, state, thinking and quality, image and onomatopoeia are analyzed. The semantic features of the verbs of the “Dictionary” correlate with the verbs of the modern Uzbek language.

Keywords: “The dictionary of Turkic languages”, “Divan lugat at-Turki”, Turkic peoples, Turkic language, phonetics, grammar, morphology, lexico-semantic groups, verb, semantics.

УДК 811.161.1

DOI 10.25205/978-5-6049863-1-8-128-133

Ю Хаксу

*Университет Сонмун
Асан, Республика Корея
hsyoo@sunmoon.ac.kr*

ЧАСТОТНЫЕ ОШИБКИ КОРЕЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: Статья посвящена описанию фонетических, интонационных, орфографических, лексико-семантических и грамматических ошибок, которые возникают в процессе изучения русского языка корейскими учащимися при сопоставлении изучаемого языка и языка носителя. Например, носители безударного корейского языка, как правило, игнорируют правильное произношение тех или иных гласных и согласных звуков в русском языке, которые не существуют в корейском языке, и недооценивают роль ударения как одного из важнейших факторов русской фонетической системы. В статье описываются различия в особенностях произношения между русским и корейским языками, которые влияют на частотность ошибок корейских учащихся. В случае обучения русскому языку вне языковой среды лексико-семантические и синтаксические ошибки учащихся корректируются тяжелее, чем фонетические и морфологические ошибки, т.к. фильтр родного языка остается доминирующим. В случае нахождения учащегося в русской языковой среде ошибки, связанные с произношением и интонацией, исправляются естественным образом в процессе интенсивной коммуникации с носителями языка. В статье осуществлена попытка описать трудности изучения русского языка как иностранного в корейской аудитории. Сопоставление фонетики, лексики, грамматики русского и корейского языков даётся в примерах. Даются рекомендации теоретического и практического значения.

***Ключевые слова:** Русский язык как иностранный (РКИ), корейский язык, сопоставительное изучение языков, языковые трудности, проблема интерференции языков.*

ВВЕДЕНИЕ

Статья описывает различные типы ошибок, которые корейские учащиеся могут совершать при изучении русского языка. Вот их подробный перечень:

1. Фонетика, орфография, лексика, грамматика и пунктуация играют важную роль в освоении русского языка. Учителя должны обратить внимание студентов на важность этих аспектов языка с самого начала обучения.

2. Анализ типичных ошибок студентов был полезен для разработки материалов и упражнений, направленных на исправление этих ошибок и повышение осознания важности фонетики, орфографии, лексики, грамматики и пунктуации.

3. Применение разработанных методик и упражнений позволяет студентам критически оценивать ошибки в фонетике, орфографии, лексике, грамматике и пунктуации новых слов и предложений.

4. Некоторые ошибки могут быть исправлены на более продвинутых этапах обучения, однако лексические и синтаксические ошибки могут сохраняться из-за влияния родного языка. В русскоязычной среде такие ошибки могут быть естественно исправлены, но индивидуальные особенности студентов могут приводить к их продолжающемуся проявлению в речи.

Результаты исследования могут быть использованы для создания учебников и пособий по русскому языку для корейских студентов. Важно также интегрировать достижения психолингвистики в методику преподавания, чтобы разработать более эффективные стратегии преодоления языковой интерференции и улучшения обучения русскому языку для корейских студентов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. На начальных этапах обучения сигнальные пары слов должны быть простыми, согласно методическому принципу «от простого к сложному». Часто задается вопрос о количестве таких пар слов в языке и их частотности в текстах. Чтобы ответить на этот вопрос, был проведен эксперимент, в ходе которого был проанализирован большой текст на поиск слов. Полученные результаты позволили сделать

выводы относительно лингвистических ошибок в фонетике, орфографии, лексике, грамматике и пунктуации.

2. Русский язык отличается гармонией звуков, но он настолько сложен, что корейским студентам трудно его выучить. Изучение русского языка требует времени и усилий. Однако время ограничено, поэтому контроль времени также является важным.

3. Между русским и корейским языками существуют принципиальные различия в произношении. В результате различных трудностей корейские учащиеся делают ошибки в произношении.

Фонетические ошибки:

1. Ошибки с гласными: гласные [ы], [э], [у] произносятся как гласные переднего ряда ([ы] - [и]). Также возникают проблемы с двойными гласными «я», «е», «ё», «ю», связанные с произношением звука [й].

2. Ошибки с глухими и звонкими согласными: звонкие согласные становятся глухими, а глухие - звонкими, что важно для правильного произношения русских слов. Часто возникают ошибки с озвончением и оглушением.

3. Ошибки с губными и губно-зубными согласными: произносятся как среднее между соответствующими звуками (например, [в] и [ф]) из-за неправильного положения губ и зубов.

4. Проблемы с произношением звуков [ж] и [з], которые отсутствуют в корейском языке. Их произносят одинаково из-за неправильного положения языка.

5. Механическое разделение слов на отдельные сегменты при чтении словосочетаний или предложений. Корейские студенты не могут читать слова слитно и разделяют их на отдельные части. Например, «моя комната» читается как «моя // комната», а «в институте» - как «вы // институте» вместо «вынституте».

6. Трудности в различении звуков [л]-[ль], [р]-[рь], [ь]-[и]. Корейским студентам трудно отличить эти звуки друг от друга.

7. Произношение сочетаний «тсья», «тсья», «ца» как [ча].

Результаты исследования позволяют сделать выводы о фонетических ошибках корейских студентов при изучении русского языка. Эти выводы помогут разработать методики и упражнения для исправления ошибок и повышения качества произношения.

Ошибки в ударении:

1. В односложных словах корейские студенты редуцируют гласный [о], произнося его как [а].

2. В многосложных словах ставят несколько ударений, что противоречит правилам русского языка.

Интонационные ошибки:

1. Приветствие «здравствуйте!» читается с вопросительной интонацией, похожей на приветствие на корейском языке.
2. Не умеют выделять и различать интонационный центр в предложениях.
3. Часто используют интонационный контур, указывающий на незавершенность предложения.

Орфографические ошибки:

1. Повторяются ошибки, связанные с произношением, например, замена гласных [а] на [о], [е] на [и], [ы] на [и], а также замена согласных [в] на [п].
2. Плохо разбираются в орфографических правилах, делая ошибки в написании слов, таких как «маленький» вместо «маленький» или «хороший» вместо «хороший».
3. Затрудняются в правильном написании слов слитно или раздельно, а также в использовании заглавных букв в собственных именах.
4. Делают ошибки в использовании притяжательных местоимений с предлогами.

Лексико-семантические ошибки:

1. Студенты предпочитают дословный перевод, что приводит к неправильному использованию выражений и грамматических конструкций.
  2. Не различают точное значение и употребление некоторых глаголов и других слов.
  3. Имеют искаженное представление о диапазоне значений голубого цвета.
  4. Трудно определяют точное употребление наречий и использование союзов «и, а, но».
- Многие из этих ошибок исправляются на продвинутых этапах изучения русского языка.

Грамматические ошибки:

1. Корейские студенты испытывают трудности в склонении и управлении имен существительных и глаголов, а также в понимании глагольного вида и использовании глаголов движения.
2. Они также затрудняются с определением рода иностранных слов и географических названий на русском и корейском языках.
3. Изучающие русский язык с трудом понимают значения приставок у глаголов и часто используют базовую форму без приставок.

Они также испытывают сложности в использовании глаголов совершенного и несовершенного вида и их временных форм.

4. Они часто делают ошибки в порядке слов, особенно при использовании относительных и качественных прилагательных.

5. Присутствуют ошибки, связанные с использованием родительного падежа, особенно в конструкциях с предлогами, и с учетом категории одушевленности/неодушевленности.

6. Они также совершают ошибки в порядке слов под влиянием синтаксических особенностей корейского языка при переводе на русский.

Пунктуационные ошибки:

Студенты плохо разбираются в пунктуационных правилах, особенно в использовании запятых, вопросительных и восклицательных знаков, а также кавычек в прямой и косвенной речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. При обучении носителей безударного корейского языка преподаватель должен обратить внимание на значимость звукового состава, ударения и влияния родного языка для успешного овладения фонетическими, орфографическими, лексико-семантическими и грамматическими аспектами русского языка.

2. Сбор информации о типичных ошибках учащихся в различных аспектах языка оказывается полезным для обучения и позволяет создать списки для отработки различных языковых особенностей.

3. Отработка фонетических, орфографических, лексико-семантических, грамматических и пунктуационных особенностей на реальном материале помогает учащимся осознать важную роль этих элементов в коммуникации.

4. Многие ошибки в фонетике, орфографии, лексике и морфологии могут быть исправлены на продвинутых этапах, однако лексико-семантические и синтаксические ошибки может быть сложнее исправить из-за влияния родного языка.

5. Наблюдения, сделанные в ходе исследования, могут быть полезны при создании учебников и пособий для предотвращения указанных ошибок.

6. Для улучшения методики преподавания русского языка как иностранного необходимо объединить ее с достижениями психологической лингвистики для разработки эффективных методов преодоления интерференции у корейских учащихся.

KOREAN STUDENTS' FREQUENT ERRORS IN STUDYING RUSSIAN LANGUAGE

Abstract: The article is aimed at describing the phonetic, intonation, spelling, lexico-semantic and grammatical errors of Korean students that occur in the process of learning Russian. For the study, the comparison of Russian as the language being studied and the native speaker's language was conducted. Russian speakers, for example, tend to ignore the correct pronunciation of certain vowels and consonants in the Russian language, which do not exist in the Korean language, and underestimate the role of stress as one of the most important factors of the Russian phonetic system. The present study compares the differences in pronunciation features between Russian and Korean, which affect the frequent errors among Korean students. In the case of teaching Russian outside the language environment, it's more difficult to correct lexico-semantic and syntactic errors of students than phonetic and morphological errors because of the filter of the native language. If a student is exposed to the Russian language dominant environment, pronunciation and intonation mistakes are corrected naturally in the process of comprehensive communication with native speakers. Thus, the study attempts to describe the difficulties of learning Russian as a foreign language to a Korean student audience. A comparison of phonetics, vocabulary, and grammar of Russian and Korean languages is given in examples. Recommendations of theoretical and practical significance for learning Russian will be discussed.

Keywords: *Russian as a Foreign Language (RFL), Korean Language, Comparative Study of Languages, Language difficulties, Problem of Language Interference.*

Яо Сун

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
yaosong0311@mail.ru*

РОЛЬ КЛАССИЧЕСКОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ПРЕПОДАВАНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Современные школьники и студенты зачастую заинтересованы в изучении китайского языка, как дополнительного, иностранного языка в их списке предметов. Изучать китайский язык можно начинать уже со средней школы, для этого существует множество обучающих программ. Но не все программы считаются корректными.

Практическая задача преподавателя китайского языка состоит в том, чтобы научить студентов общению на бытовые и общественные темы, читать молодёжные журналы и политические печатные издания (естественно, при помощи словаря), обучить этике компьютерных переписок, чтобы дать возможность русскоговорящим студентам найти друзей для общения среди китайской молодёжи.

На наш взгляд, требования составителей большинства программ по изучению китайского языка значительно завышены. В первую очередь – завышены возможности обучаемости русскоговорящих студентов за короткий срок.

Просто составим представление, что есть классический китайский язык. Классический китайский – есть иероглифика, включающая в себя более трёх тысяч символов, ограничивающая при этом объём получаемого материала из-за лексических нюансов языка. Даже китайским студентам требуется минимум 7-8 лет на его изучение, студентам-иностранцам же даётся гораздо меньше времени.

По этой причине, преподавателю необходимо тщательно разграничивать периодичность используемой обучающей программы, выделять для каждого периода особенности лексики, грамматики, и выбирать тот иероглифический минимум, который позволит наиболее эффективно усвоить материал на данном периоде программы. Зато с правильным усвоением классического языка, уже спустя 1-2 года занятий, студенты смогут уверенно читать и переводить тексты из журналов и газет, по минимуму используя разговорный словарь.

На первых периодах программы стоит уделять внимание произношению звуков, и сделать произношение устной речи основной задачей. Тогда у учащихся появится возможность практиковать разговорную речь на традиционном китайском на следующих этапах программы. При постановке произношения необходимо обеспечить переход от самых простых до сложных звуков. Этот принцип необходимо соблюдать и при объяснении сочетаний звуков. Вся постройка обучения должна строиться не просто вокруг определённых слов, но вокруг слов, которые постоянно используются в классическом китайском языке. Это позволит поставить учащимся произношение и научит мгновенно вливаться в языковую среду и быстро переводить сказанное и составлять технически верный в данной ситуации ответ [1, 2, 4, 5].

Большое значение в обучении стоит придавать наглядности и гибкости примеров. Например, если темой занятия является традиционная китайская мифология, стоит привести ряд необычных мифов (к примеру, рассказать историю появления знаменитого китайского дракона), показать учащимся соответствующую презентацию или китайские гравюры с изображением драконов, в общем, всячески побуждать учащихся хотеть изучить новую терминологию и практиковать её на постоянной основе [6].

Переход к заучиванию текстов тоже должен быть особенным. Тексты для заучивания должны состояться не из грамматически правильных отдельных фраз, которые просто соответствуют программе. В текстах должны встречаться традиционные китайские фразы, которые постоянно используются китайцами для повседневного общения. Заученные тексты создают базу для дальнейшей возможности личного общения с носителем традиционного китайского языка. При составлении таких текстов важно соблюдать чистоту языка и лексическую усваиваемость фраз учащимися.

Не стоит забывать о том, что целью первых этапов является постановка произношения, понимание лексических, фонетических и грамматических особенностей языка, первичная закладка разговорной речи, заучивание простой информации. После усвоения данного объёма материала можно постепенно переходить к письменности и вычитыванию более сложной информации при помощи словаря. Требовать от учащихся в результате обучения читать и переводить тексты научно-популярного характера, составлять рефераты на китайском языке с привлечением ряда источников на родном и китайском языках, письменно переводить с помощью русско-китайского слова-

ря на китайский язык несложные тексты общественно-политического и бытового характера и использовать литературу на китайском языке для расширения своего кругозора, для получения новых сведений о жизни и культуре страны изучаемого языка нереально. Такая задача невыполнима.

Для более качественного обучения языку учащихся следует знакомить не только с его грамматическими и лексическими особенностями, но и с литературой, историей и культурой страны. В ходе занятия возникает необходимость рассказывать о традициях Китая для знакомства с этой страной. При этом рекомендуется использовать в объяснении классический китайский язык для закрепления фонетической программы.

Преподавателю необходимо показывать хорошую образованность. Студенты могут задавать различные вопросы на занятиях, поэтому необходимо давать разнообразную информацию. Чтобы ученики разобрались в культуре Китая, необходимо делиться информацией небольшими порциями, это будет эффективнее, ведь изучать чужую культуру – непросто, сам процесс должен быть постепенный.

Одной из проблем, которая может возникнуть у преподавателя – малая коммуникативность среди учеников. В процессе обучения, программа предусматривает выдачу ученикам самостоятельных заданий на составление простых диалогов на классическом китайском языке. Однако, если ранее в действиях преподавателя были упущения, и ученикам были предоставлены для изучения только стандартные фразы для общения с преподавателем, то они столкнутся с проблемой скудного словарного запаса. В таком случае студенты не смогут ни составлять фразы для диалогов, ни понимать фразы, составленные собеседниками.

С каждым годом к преподавателю выдвигается всё больше требований. Учитель должен обладать инновационными технологиями обучения китайскому языку, видеть закономерности, перспективы развития. Учебный процесс нужно постоянно моделировать.

Совершенно ясно, что изучение китайского языка, как иностранного, совершенно другое по сравнению с классическим изучением языка филологами. При изучении китайского, как иностранного, преподавателями выделяются следующие цели:

- Обучение языку в сфере профессиональной деятельности.
- Обучение китайскому языку для решения прикладных задач.
- Обучение языку для решения бытовых задач.

Это, безусловно, не профессиональное филологическое изучение, о чём свидетельствуют недостаточное количество часов, отсутствие аспектного преподавания, языковой практики, зарубежных стажировок.

Наиболее удачной для преподавателя программой считается та, за единицу изучения в которой берутся не иероглифы, а упражнения. Качественными упражнениями считаются те, которые тренируют одновременно навыки и умения учащихся. Например, учащиеся смотрят видеоролик, посвящённый китайской тематике, затем пишут изложение на китайском языке и проверяют работы друг друга. Данный метод учит студентов самостоятельной работе и коммуникативности друг с другом.

Как уже упоминалось ранее, преподавателю необходимо преподносить материал «от простого к сложному». При знакомстве с иероглифами этот принцип выражается в том, что в первую очередь преподаватель знакомит с основным набором простых черт (горизонтальная, вертикальная, крючок, откидная вправо, откидная влево, точка), из которых сначала составляются графемы (ключи), а затем и иероглифы. Освоив ключи, можно без особого труда научиться запоминать и иероглифы.

Классический китайский язык при изучении фонетики полезен тем, что учащимся можно предоставлять записи разных вариантов китайских разговоров для тренировки понимания звуков и интонации в процессе общения. Успех зависит от количества тренировок, проводимых самими учащимися [1, 2, 3, 6].

Как итог можно сказать, что классический китайский играет значительную роль в изучении языка, как иностранного. Не стоит забывать, что изучение китайского, как иностранного, имеет свои особенности. Небольшое количество часов, ограниченные возможности для языковой практики требуют тщательной подготовки обучающихся программ и творческого мышления от преподавателя.

Литература

- «Некоторые особенности преподавания китайского языка как второго иностранного» [Электронный источник]. Режим просмотра: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-prepodavaniya-kitayskogo-yazyka-kak-vtorogo-inostrannogo> (Дата обращения: 28.06.2023).
- «Особенности китайской языковой картины мира в аспекте обучения китайскому языку как иностранному» [Электронный источник]. Режим просмотра: <https://moluch.ru/archive/102/23212/> (Дата обращения: 28.06.2023).

- «Особенности преподавания китайского языка» [Электронный источник]. Режим просмотра: <https://obrazovanie-gid.ru/uchitelyam/osobennosti-prepodavaniya-kitajskogo-yazyka.html> (Дата обращения: 28.06.2023).
- «Обучение лексике и грамматике китайского языка как иностранного» [Электронный источник]. Режим просмотра: <https://kopilkaurokov.ru/prochee/prochee/obuchenielielieksikieighrammatikiekitaiskoghoiazzykakakinostrannogo> (Дата обращения: 28.06.2023).
- «Современные методики обучения китайскому языку» [Электронный источник]. Режим просмотра: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=11445> (Дата обращения: 28.06.2023).
- «Стратегия и методика преподавания китайской культуры русским студентам, изучающим китайский язык» [Электронный источник]. Режим просмотра: <http://synergy-journal.ru/archive/article5239> (Дата обращения: 28.06.2023).

Yao Song

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
yaosong0311@mail.ru*

THE ROLE OF THE CLASSICAL CHINESE LANGUAGE IN TEACHING CHINESE AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract: The practical task of a Chinese language teacher is to teach students to communicate on everyday and social topics, to read youth magazines and political publications (naturally, with the help of a dictionary), to teach the ethics of computer correspondence in order to enable Russian-speaking students to find friends to communicate among Chinese youth. With the correct assimilation of the classical language, after 1-2 years of classes, students will be able to read and translate texts from magazines and newspapers, using a conversational dictionary at a minimum.

Key words: *Classical Chinese, teaching Chinese as a foreign language, non-native language learners.*

Никита Владиславович Овсянников

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» Санкт-Петербург
Санкт-Петербург, Россия
nvovsyannikov@edu.hse.ru*

**ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ
АРАБСКОГО ФУТБОЛЬНОГО ДИСКУРСА**

Аннотация: Работа посвящена языковым аспектам арабского футбольного дискурса. Исследование концентрируется на изучении дискурс-маркеров официальных документов; дискурс-маркеров, сравнений и метафор в статьях в арабских спортивных СМИ; сравнений и метафор, используемых комментаторами во время матчей ЧМ Катара, региональных турниров и клубных чемпионатов. Актуальность работы заключается, во-первых, в отсутствии подобных исследований в русскоязычном сегменте науки о дискурсе арабского языка, во-вторых, общей важностью футбола в жизни арабского общества и активным развитием футбольной индустрии на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: *футбольный дискурс, дискурс-маркеры, метафоры, ЧМ Катар.*

Появление футбола напрямую связано с приходом европейских колониальных сил на Ближний Восток. Футбол как отдельная игра зародился в Англии, откуда он распространился на весь остальной мир.

Власти Саудовской Аравии, Катара и ОАЭ инвестируют миллиарды долларов в развитие футбольной инфраструктуры; строительство стадионов; покупку и спонсорство европейских клубов ПСЖ, Манчестер Сити, Ньюкасл Юнайтед. Отдельной победой арабской нации является проведение первого ближневосточного Чемпионата мира ФИФА по футболу в Катаре.

Актуальность работы: абсолютное большинство исследований дискурса посвящено политике, идеологиям, анализу развития общественных процессов и лишь малая часть исследует дискурс спортивных газет, журналов, письменных и устных репортажей, интервью, комментариев и тд. Незначительно количество из немногочисленных

исследований спортивного дискурса касаются именно арабского футбольного дискурса. Работы о футбольном арабском аргументе на русском отсутствуют.

Данное исследование отличается междисциплинарностью, т.к. рассматривает вопросы лексикографии, переводоведения, теории дискурса и социолингвистики.

Для данного исследования были отобраны арабоязычные источники:

1) Нормативно-правовые акты официальных футбольных ведомств Египта, КСА и Катара.

2) Статьи СМИ: *قروووووللا، اميسير، فريزجلا*

Для выполнения дискурс-анализа дискурсных маркеров источников требуется установить рамки «дискурса»:

– автор работы рассматривает дискурс в «широком» смысле, основываясь на определении ван Дейка. Дискурс – «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста»¹.

– при проведении дискурс-анализа обязательно будет учитываться речевой жанр источника, т.к. жанр является.

– в данном научном труде исследует разговорный и письменный дискурс арабского футбольного языка.

– В рамках данной научной работы будет проведено количественный анализ каждого письменного источника (или его части), который позволит обнаружить дискурс-маркеры. Далее все обнаруженные дискурс-маркеры будут соотнесены к их соответствующим типам, основываясь на теории Брюса Фрайзера, который выделял три вида прагматических дискурс-маркеров²:

– контрастные дискурс-маркеры (contrastive)

– уточняющие дискурс-маркеры (elaborative)

– дискурс-маркеры вывода (inferential)

В арабском тексте дискурс-маркеры дискурс маркеры играют роль связующих звеньев между словами и помогают воспринимать текст как единое целое. Изучение дискурс-маркеров предоставляет возможность исследовать семантическую связь в предложениях.

¹ Караулов, Ю. Н., Петров, В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5–11. С. 8.

² Bruce F. An Account of Discourse Markers // International Review of Pragmatics. – 2009. – Vol. 1 – № 2 – P. 293 – 320. P. 296.

**Общая таблица количественных данных
для нормативно-правовых актов**

Дискурс-маркер	Всего использований (907)	Количество источников с дискурс-маркером	Процентное соотношение
Предикативный و	435	9	47%
وأ	287	8	31%
امك	69	8	7%
ثي ح	30	6	3%
ف	30	3	3%
امدن ع	15	4	2%
نكل	14	4	1%
مٹ	6	2	Менее 1%
نأ دعب	5	4	Менее 1%
نأ لبق	3	2	Менее 1%
امن يب	3	2	Менее 1%
ن ي ح	3	2	Менее 1%
لب	3	3	Менее 1%
ي ح	2	1	Менее 1%
ذئدن ع	1	1	Менее 1%
امبس ح	1	1	Менее 1%

**Итоги количественного анализа статей
Общая таблица количественных данных для статей**

Дискурс-маркер	Всего использований (185)	Количество источников с дискурс-маркером	Процентное соотношение
Предикативный و	115	10	62%
نكل	20	7	11%
ف	14	5	8%
ثي ح	11	6	6%
امك	6	4	3%
نأ لبق	5	4	3%
امدن ع	3	3	2%
مٹ	3	3	2%
لب	3	3	2%
وأ	2	1	1%
امن يب	2	2	1%
ي ح	1	1	Менее 1%
نأ دعب	0	0	Отсутствует в подсчетах
ن ي ح	0	0	Отсутствует в подсчетах
ذئدن ع	0	0	Отсутствует в подсчетах
امبس ح	0	0	Отсутствует в подсчетах

Самые частотные дискурс-маркеры – предикативный *و* *أ* и *و*. Дискурс-маркеры предикативный *و* *أ* и *مك* встречаются в наибольшем количестве работ.

Жанры документов с самым узким форматом дискурса – устав и инструкция. Данные жанры не предполагают альтернативность или двойственность восприятия правил, а потому в самих документах самая большая концентрация уточняющих дискурс-маркеров. Контрастные маркеры или дискурс-маркеры вывода могут отсутствовать полностью.

В документах из Саудовской Аравии и Катара намечается тенденция к компрессии т.е. сокращению количества знаков. Например: *... داحتالانم طاقسالا و أباحسنالاب ام قتيوضعلا يهتنت* Федерация футбола Саудовской Аравии, полное название которой *لمدقلا قركل يدوعسالا داحتالان*

Также документы именно Саудовского или Катарского происхождения предоставляют арабо-арабский глоссарий терминов, в документах из Египта или от IFAB подобные глоссарии отсутствуют.

Вопреки ожиданиям дискурс статей в СМИ оказался менее комплексным, чем документальный дискурс. Отчасти это объясняется меньшим объемом исследованного материала.

Гредсказуемым сходством двух дискурсов является распространенность предикативного *و*, это единственная общая черта.

В избранных статьях ни разу не использовались следующие маркеры *امبسح، ذئدن ع، نين، نأ دعب*.

Противительный дискурс-маркер *نكل* встречался в статьях намного чаще, это связано с тем, что в статьях присутствует мнение авторов или других реципиентов, которые могут противопоставлять утверждения.

Литература

Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 5–11.

Bruce F. An Account of Discourse Markers // International Review of Pragmatics. 2009, vol.1, no. 2, pp. 293 – 320.

- 1) *داحتالان يدان 2021 – 2022 – Текст: электронный // داحتالان يدان [сайт]. – URL: <https://ittihadclub.sa/> (дата обращения: 14.01.23)*
- 2) *2021 – 2022 – Текст: электронный // يدوعسالا لالالا يداتل يونسالا ريرقتالا [сайт]. – URL: <https://alhilal.com/imgs/pages/6056165451.pdf> (дата обращения: 17.01.23)*
- 4) *FIFA 21-22 – Текст: электронный // مرسالا داحتالان [сайт]. – URL: <https://www.efa.com.eg/Content/NewsDocument/>*

Nikita V. Ovsyannikov

*National Research University Higher School of Economics St. Petersburg
Saint Petersburg, Russia
nvovsyannikov@edu.hse.ru*

LINGUISTIC ASPECTS OF ARABIC FOOTBALL DISCOURSE

Abstract: The work is devoted to the linguistic aspects of the Arabic football discourse. The study focuses on the study of discourse markers of official documents; discourse markers, comparisons and metaphors in articles in the Arab sports media; comparisons and metaphors used by commentators during Qatar World Cup matches, regional tournaments and club championships. The relevance of the work lies, firstly, in the absence of such studies in the Russian-speaking segment of the science of the discourse of the Arabic language, and secondly, in the general importance of football in the life of Arab society and the active development of the football industry in the Middle East.

Keywords: *Football discourse, discourse markers, metaphors, World Cup Qatar.*

Михаил Сергеевич Пелевин

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
m.pelevin@spbu.ru*

ЛОКАЛЬНЫЙ ПЛЕМЕННОЙ КОНФЛИКТ В ЛИРИКЕ ПАШТУНСКОГО ПОЭТА НАЧАЛА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация: В статье затрагивается тема отражения социально-политических реалий в классической поэзии пашто на примере стихотворения ‘Абд ал-Кадира Хатака (ум. после 1713) о вооруженном столкновении в племени моманд. Анализ этого текста позволяет заключить, что идейная задача автора заключалась в проведении параллели между момандским инцидентом и политической конфронтацией в хатакском племени, а в художественном отношении поэма была подражанием военным балладам Хушхал-хана Хатака (ум. 1689) с целью продемонстрировать преемственность литературных традиций в роду хатакских князей.

Ключевые слова: *литература пашто; история паштунских племен; племенные конфликты.*

‘Абд ал-Кадир-хан Хатак (1653 – ум. после 1713) входит в число признанных классиков поэзии пашто, представителей хатакского литературного круга. Сын Хушхал-хана Хатака (ум. 1689), крупнейшего паштунского литератора начала Нового времени, ‘Абд ал-Кадир продолжил духовное направление в творчестве отца и писал почти исключительно традиционную лирику религиозно-философского, любовно-мистического и этико-дидактического содержания. ‘Абд ал-Кадир знаменит собранием своих лирических стихов с примечательным названием «Хатакский сад», а также свободными переложениями на пашто двух шедевров персидской классики — поэмы Джамии (ум. 1492) «Йусуф и Зулайха» и «Гулистана» Са‘ди (ум. 1292) [Hewādmal, 2000, pp. 154–156].

Хотя в своих стихах ‘Абд ал-Кадир предстает перед нами в образе тонкого поэта, предпочитавшего заниматься духовными медитациями, из хроникальных записей его племянника Афзал-хана (ум. ок. 1740) следует, что примерно с двадцати лет он принимал активное

участие в военно-политических конфликтах, связанных с борьбой за верховную власть в хатакском племени. Когда в начале 1680-х гг. Афзал-хан сам включился в эту борьбу, апеллируя к негласному правилу примогенитуры, ‘Абд ал-Кадир сразу оказался в числе его главных врагов [Afzal, 1974, p. 493].

Сложные перипетии своих враждебных отношений с дядей Афзал-хан, естественно, излагает и комментирует крайне тенденциозно, умалчивая о литературных и прочих заслугах ‘Абд ал-Кадир и отзываясь о нем всегда негативно и пренебрежительно. Из рассказов Афзала можно сделать вывод о том, что в конфликте хатакских элит ‘Абд ал-Кадир занимал сторону духовных лидеров племени из клана йасинхел, которые еще при жизни Хушхал-хана стали выступать против авторитарной, передававшейся по наследству власти представителей княжеского рода акорхел. Не исключено, что тесные связи ‘Абд ал-Кадир с хатакскими шейхами повлияли на выбор им духовного направления в литературном творчестве.

Последний раз Афзал-хан упоминает в своих записях об ‘Абд ал-Кадире в начале лета 1713 г., когда он уже был верховным правителем хатаков. По его словам, он был вынужден арестовать и посадить в темницу ‘Абд ал-Кадир и других родственников, которые продолжали вести с ним политическую борьбу. Афзал утверждает, что он «посчитал заключение в тюрьму лучшим решением, чем убийство или изгнание» [Afzal, 1974, p. 408]. Конечный итог этих событий нам не известен. В середине XIX в. Х. Дж. Раверти на основе устных сообщений информантов-афганцев, склонных поражать воображение пришельцев из Европы чрезмерно приукрашенными и драматизированными историями, утверждал, что ‘Абд ал-Кадир был казнен Афзал-ханом [Raverty, 1867, p. 269]. Однако по прошествии полутора сотен лет события племенной истории, сохранявшиеся в фольклоре, могли обрасти легендами и домыслами.

Несмотря на продолжительную и глубокую вовлеченность ‘Абд ал-Кадир в социально-политическую жизнь хатакской элиты, исторические реалии в общем не получили отражения в его творчестве. Именно поэтому в корпусе единообразной по духу и содержанию традиционалистской лирики ‘Абд ал-Кадир резко выделяется одно стихотворение, являющееся откликом на конкретное историческое событие. Это стихотворение, состоящее из 26 двустиший-бейтов и включенное в раздел касыд, начинается словами: «Такие дела, что в эти дни происходят наяву, / совсем раньше и не мыслились, ведь они предопределены Небом» [‘Abd al-Qādir, 1969, pp. 254–255]. «Предо-

пределенные Небом дела», о которых говорит ‘Абд ал-Кадир, – это драматический эпизод из повседневной жизни паштунов-момандов, которые проживали на соседних с хатакскими землях к юго-востоку от Пешавара (о переселении части момандов на эти территории см.: [Сагое, 1958, р. 187]). Об этом эпизоде кратко, но информативно рассказывает в своих хроникальных записях Афзал-хан.

В 1710 г. могольские власти Пешавара назначили Джамал-хана Мусризая, главу одного из момандских родов, представителем имперской администрации на территориях момандов. В обязанности Джамал-хана входил и сбор налогов. По словам Афзал-хана, клан Джамал-хана – мусризай – был «слабым», а сам Джамал был амбициозным выскочкой, который в выполнении своих обязанностей часто прибегал к насилию. Однажды, видимо, собирая налоги, он в очередной раз с чрезмерной жестокостью превысил свои полномочия – разграбил деревню момандского клана машохел, главой которого был ‘Иса-хан. Руководствуясь законами неписаного кодекса чести паштунвали, ‘Иса-хан и его люди ответили актом возмездия. Для мести был выбран день празднования свадьбы сына Джамал-хана, когда в одном месте собрались все его родственники и сотоварищи. Естественно, при таких обстоятельствах Джамал-хан не смог отразить нападение ‘Иса-хана и его людей. Он и его гости попытались укрыться в домах, но люди ‘Иса-хана подожгли их и в пожаре погибло много десятков невинных людей, в том числе женщин и детей [Afzal, 1974, р. 402].

Это событие, случившееся весной-летом 1711 г., явно вызвало большой резонанс среди паштунских племен Пешаварской равнины. Не случайно о нем посчитал нужным упомянуть Афзал-хан в своих записях, касающихся исключительно хатакских дел, а два крупнейших момандских поэта-лирика – ‘Абд ар-Рахман (ум. после 1711) и ‘Абд ал-Хамид (ум. ок. 1732/33) – тоже посвятили этой племенной драме крайне любопытные стихи.

Мотивы ‘Абд ар-Кадир Хатака откликнуться стихами на драматическое событие в соседнем племени не так понятны, как мотивы момандских поэтов. Судя по всему, ‘Абд ал-Кадир хотел провести параллель между момандским конфликтом и хатакским, в котором он был противником власти Афзал-хана, считая, что тот злоупотреблял своим положением, как и Джамал-хан Моманд. В нескольких строках автор, вероятно, намекает на события хатакского конфликта в 1710–1711 гг., когда противники Афзал-хана обратились за военной помощью к соседнему племени йусуфзай, но йусуфзайские наемники вышли из этого временного военного союза сразу же после того, как им

перестали платить. В поэме ‘Абд ал-Кадира кроме внешне немотивированной хулы в адрес йусуфзаев есть такая примечательная фраза: «Все паштуны говорят о чести (*nang*), / но только у тех есть честь, кто [сражаются] самоотверженно, а не за вознаграждение».

Есть в поэме и резкая критика могольской имперской администрации. ‘Абд ал-КаDIR заявляет, что моголам нельзя доверять, поскольку их обещания — это «ловушки шайтана», но бояться их тоже не следует поскольку могольские принцы «заняты войной за власть». Эти слова говорят о том, что стихотворение ‘Абд ал-Кадира было написано в 1712 г. после того, как потомки скончавшегося могольского императора Бахадур-шаха (пр. 1707–1712) начали братоубийственную войну за делийский трон. Циничная ирония, заключенная во фразе: «Сделай лестницу из голов и поднимайся наверх! / Восхождение к высокому положению – дело нелегкое», — явно относилась не столько к могольским принцам, сколько к племяннику автора Афзал-хану.

Сама вооруженная стычка момандских кланов изображена поэтом в его авторской художественной интерпретации как воображаемое действие. Он не упоминает ключевое событие — пожар, повлекший гибель людей, но делает акцент на рукопашной схватке, предшествовавшей пожару, уточняя, что события происходили у берегов реки Бара. ‘Абд ал-КаDIR явно симпатизирует противникам Джамал-хана, которого пренебрежительно называет хиндустанцем, то есть слугой моголов, скрыто сравнивая его с Афзал-ханом. В 1710 г., за год до момандской трагедии, Афзал-хан не только отказался вступить в союз с паштунскими племенами для противостояния могольским властям Кабульской провинции, но и вступил в военную конфронтацию с несколькими паштунскими кланами, входившими в этот союз.

Стиль, которым написана поэма ‘Абд ал-Кадира, очень напоминает стиль популярных военных баллад его отца Хушхал-хана. В поэме есть несколько очевидных парафраз стихов Хушхала, а рифма и многие рифмующиеся слова совпадают с теми, которые были использованы Хушхалом в его касыде о стычке с племенем бангаши в 1676 г. [Khushhāl, 1952, pp. 857–860].

Являясь редким случаем отражения исторических реалий в традиционалистской лирике пашто начала Нового времени, поэма ‘Абд ал-Кадира была не только естественной эмоциональной реакцией автора на экстраординарное драматическое событие в соседнем племени, но и попыткой сопоставить это событие с военно-политическим конфликтом в его собственном племени хатак в контексте сложных

вассальных отношений с могольскими имперскими властями. С художественной стороны это произведение было явным подражанием военным балладам Хушхал-хана, взятым за образец в том числе для наглядной демонстрации продолжения литературных традиций хатакского княжеского рода.

Литература

- ‘Abd al-Qādir, **Khatak**. *Dīwān: Ḥadīqa-yi Khatak* [Собрание стихотворений: Хатакский сад] / Ed. S. Anwār al-Ḥaqq. Peshawar: University Book Agency, 1969. 304 p. (на яз. пашто)
- Afzal, Khān Khatak**. *Tārīkh-i muraṣṣaʿ* [Украшенная драгоценностями история] / Ed. D. M. Kāmil Momand. Peshawar: University Book Agency, 1974. LXXI, 1461 p. (на яз. пашто)
- Caroe O.** 1958. *The Pathans 550 B. C. – A. D. 1957*. London: Macmillan, 1958. 522 p.
- Hewādmal Z.** *Də paštō adabiyāto tārikh (larghūne aw mändzanəy dawre)* [История литературы пашто (начальный и средний периоды)]. Peshawar: Dānish, 2000. 278 p. (на яз. пашто)
- Khushhāl, Khān Khatak**. *Kulliyāt* [Собрание сочинений] / Ed. D. M. Kāmil Momand. Peshawar: Idāra-yi ishāʿat-i sarḥadd-i Pishāwar, 1952. 968 p. (на яз. пашто)
- Raverty H. G.** *Selections from the poetry of the Afghans, from the sixteenth to the nineteenth century*. London: Williams and Norgate, 1867. 348 p.

Mikhail S. Pelevin

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation
m.pelevin@spbu.ru*

A LOCAL TRIBAL CONFLICT IN THE LYRICS OF AN EARLY MODERN PASHTUN POET

Abstract: The article discusses a poem of ‘Abd al-Qadir Khatak (d. after 1713) on an armed conflict in the Momand tribe as a specimen of classical Pashto verses reflecting socio-political realities. A study of this text suggests that its author intended, first, to draw a parallel between the Momand incident and the political confrontation in the Khatak tribe and, second, to demonstrate the continuity of literary traditions in the Khatak ruling family by directly emulating the war ballads of Khushhal Khan Khatak (d. 1689).

Keywords: *Pashto literature; history of Pashtun tribes; tribal conflicts.*

Тимофей Никитич Плотников

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
t.plotnikov@g.nsu.ru*

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СЕВЕРОКОРЕЙСКИХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
1956–1965 гг.)**

Аннотация: Статья посвящена трудностям перевода северокорейской художественной литературы, которые демонстрируются на примере произведений научной фантастики. Рассматриваются особенности перевода исконно корейской, ханмунной и заимствованной лексикой. Даются рекомендации по переводу текстов северокорейской литературы.

Ключевые слова: научная фантастика, северокорейская литература.

Большинство отечественных и зарубежных читателей не интересуются художественной литературой, публикуемой в КНДР. М. В. Солдатова в своей статье указывает, что северокорейское литературное наследие в основном состоит из неинтересных для зарубежного исследователя наивно-пафосных произведений, пропагандирующих политическую линию Трудовой партии Кореи [Солдатова, 2021, с. 24].

Одновременно с этим так характеризуются лишь северокорейские произведения, написанные в соответствии со стандартами высокой литературы страны. Б. Бертелье отмечает, что в КНДР публикуются и литературные произведения «второстепенного жанра» — любовные, шпионские и приключенческие романы, — которые являются среди северокорейских читателей намного более популярными, чем это предполагает их второстепенный статус [Berthelie, 2013].

Исследуя подобную литературу, мы познакомились с несколькими произведениями научной фантастики 1956–1965 гг., опубликованной в северокорейских литературных журналах для детей и под-

ростков. Сюжет произведений разворачивается на Земле и в космосе, на суше и под водой и повествует о борьбе за развитие науки ради блага всего человечества.

Произведения представлены только в оригинале на северо-корейском языке, в связи с чем мы самостоятельно перевели источники и отметили несколько особенностей переводческого процесса.

Различий в корейском языке между Севером и Югом немного. Как результат, перевод с северо-корейского на русский язык во многом похож на перевод с южнокорейского на русский. В данной статье мы акцентируем внимание на тех особенностях, которые встречаются только при работе именно с северо-корейскими источниками.

В основном разница между северо-корейским и южнокорейским языками заключена в лексике. Исконно корейские и ханмунные (иероглифические) слова в северо-корейском языке мало отличаются от южнокорейских. Например, «вверху» в РК пишется как «위», а в КНДР как «우». На Юге «история» пишется как «역사», на Севере — «력사». «Окоп» в южнокорейском «참호», в северо-корейском «전호». Данные слова в большинстве случаев отличаются одной буквой, реже — слогом, и их значение зачастую угадывается.

В это же время заметно отличаются заимствованные слова. Принято считать, что в южнокорейском много англицизмов, в то время как в северо-корейском много заимствований из русского языка [Шевандронова, 2009, с. 376]. Это утверждение лишь частично отражает истину.

В северо-корейских источниках нам действительно часто встречалась лексика, заимствованная из русского языка, которая легко поддавалась переводу. Например, слово 스카판드르 в северо-корейском образовано при помощи транскрибирования русского слова «скафандр». Одновременно с этим, нам встретилось и значительное количество заимствований из английского языка, перевести которые зачастую было труднее.

В одном из произведений главный герой управляет подводным судном, которое получает название 잠수 뱃트. Данный неологизм состоит из двух компонентов: ханмунного слова 잠수 (подводный) и англицизма 뱃트, образованного от слова boat. Подобный англицизм встречается и в Южной Корее, однако его значение в северо-корейском языке трудно понять без словаря. В РК данным англицизмом обозначают любые небольшие морские суда, в то время как в КНДР этот термин обладает намного более узким значением. В словаре «Чосон-

маль тэсаджон» (조선말대사전 – Большой словарь северокорейского языка) у этого термина два значения:

1. Маленькая лодка, используемая для развлечений и досуга;
2. Особый вид спортивной гребной лодки, отличающейся широким и глубоким корпусом.

Судя по иллюстрациям и информации из текста, подводное судно главного героя не подходит ни под одно из этих определений – оно используется для профессиональной работы, а не досуга, и является моторным, а не гребным. Одновременно с этим это слово не является таким же обыденным, как в южнокорейском языке. Можно предположить, что автор использовал именно этот термин не для того, чтобы точно описать внешний вид, функции или принцип работы судна, а чтобы придать его названию элемент необычности и профессионализма. Такого же подхода в выборе названия стоит придерживаться и при переводе.

В данном случае, как нам кажется, при переводе слова **반트** стоит подбирать не общепринятое слово (лодка/судно), а узконаправленный термин, который звучит необычно, профессионально – так же необычно, как звучал бы англицизм для северокорейского читателя – и при этом всё еще относится к тематике морского транспорта. Таким образом, мы перевели данный неологизм как «подводный глассер».

Зачастую англицизмы используются и в качестве неспециализированных слов, описывающих простые предметы. Слова **호텔** (отель), **로켓** (ракета), **컨베어** (конвеер) мы переводили в их базовом значении. Помимо англицизмов, нам встречались и заимствования из других языков, например из итальянского (**피아노** – пианино) и немецкого (**에네르기** – энергетика). Иногда трудно понять, является ли заимствование привычным словом для северокорейского читателя или представляет из себя редкий узкоспециализированный термин.

При работе с северокорейской научной фантастикой нам почти не встречались пафосные и идеологически окрашенные фрагменты или лексика, отсылающая к социально-политическим реалиям. Возможно, это является особенностью не только детской научно-фантастической литературы, но и литературы других «второстепенных» жанров.

Таким образом, при переводе с северокорейского, главной трудностью для нас стала правильная трактовка заимствованных слов. В северокорейских художественных текстах встречается значительное количество англицизмов и заимствований из других языков, которые использовались как для базового описания вещей, так и для

придания особой художественной окраски. Аналогичные англицизмы на Севере и на Юге могут восприниматься по-разному, что должно быть учтено при переводе.

Литература

- Солдатова М. В.** Трудности перевода на русский язык стилистически окрашенной лексики в северокорейской литературе: на примере пьесы Пак Хоиля «Товарищ» // Военно-филологический журнал. 2021. № 4. С. 24–32.
- Шевандронова О. М.** О некоторых лексических различиях в современном корейском языке КНДР и Республики Корея // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2009. №3. С. 376–378.
- Berthelie V.** From Pyongyang to Mars: Sci-fi, Genre, and Literary Value in North Korea // Sino-NK. 2013. URL: <https://sinonk.com/2013/09/25/from-pyongyang-to-mars-sci-fi-genre-and-literary-value-in-north-korea/> (дата обращения 30.07.2023).

Timofey N. Plotnikov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
t.plotnikov@g.nsu.ru*

SOME ASPECTS OF TRANSLATION OF NORTH KOREAN LITERARY TEXTS (BASED ON SCIENCE FICTION WORKS PUBLISHED IN 1956–1965)

Annotation: The article is devoted to the difficulties of translating North Korean fiction demonstrated by the example of science fiction works. Aspects of translating native Korean, Sino-Korean and borrowed vocabulary are discussed. Recommendations for the translation of North Korean literary texts are given.

Keywords: *science fiction, North Korean literature*

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА

От редактора.....	3
НАШ ЮБИЛЕЙ	
Комиссаров С. А., Пластун В. Н. Место Петербургского договора 1723 года в истории российско-иранских отношений.....	5
АРХЕОЛОГИЯ, КУЛЬТЫ И РИТУАЛЫ	
Комиссаров С. А., Соловьев А. И. Новые материалы по культуре Дянь, найденные на могильнике Янфутоу (провинция Юньнань, КНР).....	10
Ахметов В. В. Некоторые особенности погребального обряда бохайцев (по материалам памятников долины р. Хайланьхэ, КНР).....	16
Юн Хевон. The Great Gilt-bronze Incense Burner of Baekje.....	21
Войтишек Е. Э. Душистая древесина сандала и аквилярии в буддийских медицинских практиках Восточной Азии.....	29
Дедюхина К. И. Культ божественной обезьяны в китайской народной религии на примере культа Великого Мудреца, Равного Небу (齊天大聖 <i>Цитянь дашэн</i>).....	39
Шульга Д. П. Религиозный аспект солидов Восточной Римской империи в Китае.....	44
СРЕДНИЕ ВЕКА, НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ	
Варенов А. В. Один эпизод из истории контактов южных сюнну с империей Хань на картине южносунского художника Чэнь Цзюйчжуна.....	49
Кадыров Д. Х. Суфийское наследие Абулкасыма Кушайри.....	55
Ряжев А. С. Бухарские письма и их российское прочтение: дипломатический контекст религиозных отношений в Средней Азии (начало 1790-х гг.).....	61
Мубинов М. А. Изучение политической, социально-экономической жизни Бухарского эмирата англоязычными авторами..	66
Пожилов И. Е. Белые анклав в Центральном советском районе Китая.....	72
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ	
Сато Юсукэ. Лафкадио Херн и Лев Толстой: почему они так по-разному видят Японию и что это подсказывает?.....	78

Подалко П. Э. Особенности миграционной политики Японии и проблема социокультурной адаптации мигрантов в современном японском обществе.....	83
Зинченко А. В. Japan's revised immigration law of 2018 and its application after the COVID-19 pandemic.....	91
Фролова Е. Л. Экодуховный вектор идеологии потребления в современной Японии.....	97
Шапошников С. В., Юри Садои. Практики цифровой трансформации управления человеческими ресурсами в МСП Японии	102

ЛИНГВИСТИКА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

Кутафьева Н. В. Выражения со значением неопределенного количества в японском языке.....	106
Симонова Е. В. Китайские чтения иероглифов в японском языке.....	112
Кирюхина Л. В. Знаменательные и незначительные значения лексических единиц в китайских словарях служебных слов.....	118
Туйлиева Л. А. Лексико-семантические группы глаголов в «Словаре тюркских языков» Махмуда Кашгари.....	123

ПРЕПОДАВАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ И ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ю Хаксу. Частотные ошибки корейских студентов при изучении русского языка.....	128
Яо Сун. Роль классического китайского языка в преподавании китайского языка как иностранного.....	134
Овсянников Н. В. Языковые аспекты арабского футбольного дискурса.....	139
Пелевин М. С. Локальный племенной конфликт в лирике паштунского поэта начала Нового времени.....	145
Плотников Т. Н. Некоторые особенности перевода северокорейских художественных текстов на русский язык (на примере произведений научной фантастики 1956–1965 гг.).....	150

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ,
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КУЛЬТУР СТРАН
ВОСТОКА**

Международная научно-практическая конференция
(Новосибирск, 6–7 октября 2023 г.)

Сборник материалов

В оформлении обложки использована картина Ф. А. Рубо
«Вступление императора Петра I Великого в Тарки 13 июня 1722 г.», 1893 г.
Местонахождение оригинала – Дагестанский музей изобразительных искусств
им. П. С. Гамзатовой

Подготовлено к печати Сибирским отделением РАН

Орфография и пунктуация в авторской редакции
Оригинал-макет Н. М. Райзвих

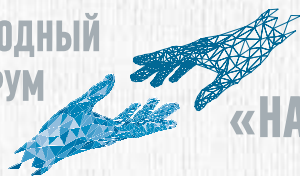

Подписано в печать 16.11.2023.
Формат 60×84/16. Уч.-изд. л. 7,8. Усл. печ. л. 9,1.
Тираж 300 экз. Заказ 266.

Сибирское отделение РАН
630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17
Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090, Новосибирск, Морской просп., 2
Тел. (383) 330-84-66, e-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ФОРУМ

«НАСЛЕДИЕ»

В сборнике представлены труды участников Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока», приуроченной к 300-летию Петербургского договора с Персией. Конференция состоялась в рамках IV Международного форума «Наследие» 6–7 октября 2023 г. на кафедре востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

Конференция получила широкий общественный и международный резонанс. Это подтверждает не только география участников из крупных востоковедческих центров России, Израиля, Узбекистана, Киргизии, Казахстана и Новой Зеландии, а также университетов Китая, Республики Кореи, Японии, Монголии, но и научный статус докладчиков, известных специалистов и молодых исследователей в области истории, культуры, международных отношений, политологии стран Ближнего Востока, Центральной и Восточной Азии.

— Фонд —
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА